

О.П. КОПЫЛОВА

ПРОВЕРКА ЗАЯВЛЕНИЙ И СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

◆ ИЗДАТЕЛЬСТВО ТГТУ ◆

Министерство образования и науки Российской Федерации
ГОУ ВПО «Тамбовский государственный технический университет»

О.П. КОПЫЛОВА

ПРОВЕРКА ЗАЯВЛЕНИЙ И СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Рекомендовано Научно-техническим советом ТГТУ в качестве монографии

Тамбов
Издательство ТГТУ
2010

УДК 343.1

Рецензенты:

Доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой Конституционного права Института права
Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина
В.Г. Басв

Кандидат юридических наук, профессор,
председатель Тамбовского областного суда
В.В. Назаров

Копылова, О.П.

К659 Проверка заявлений и сообщений о преступлениях :
монография / О.П. Копылова. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос.
техн. ун-та, 2010. – 160 с. – 50 экз. – ISBN 978-5-8265-0906-7.

Рассмотрены вопросы проверки заявлений и сообщений о преступлениях, сроки и решения, которые принимаются соответствующими должностными лицами органов предварительного расследования; общественные отношения, складывающиеся между ними, прокурором и судом. Проанализированы методы данной проверки, закреплённые в УПК РФ, в законах «Об оперативно-розыскной деятельности в РФ», «О милиции РФ». Внесены предложения по совершенствованию законодательства и даны рекомендации по улучшению проведения проверки по сообщениям и заявлениям о преступлении.

Предназначена для практических работников, преподавателей, аспирантов и адъюнктов, студентов юридических вузов и факультетов, слушателей высших учебных заведений МВД России.

УДК 343.1
ББК X 73

ISBN 978-5-8265-0906-7 © Копылова О.П., 2010
© ГОУ ВПО «Тамбовский государственный
технический университет» (ТГТУ), 2010

Научное издание

КОПЫЛОВА Ольга Петровна

**ПРОВЕРКА ЗАЯВЛЕНИЙ И СООБЩЕНИЙ
О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ**

Монография

Редактор И.В. Калистратова
Инженер по компьютерному макетированию И.В. Евсеева

Подписано в печать 29.03.2010
Формат 60 × 84 /16. 9,3 усл. печ. л. Тираж 50 экз. Заказ № 191

Издательско-полиграфический центр
Тамбовского государственного технического университета
392000, Тамбов, Советская, 106, к. 14

Кардинальные преобразования различных сфер общественной жизни демократического и гуманистического характера вызвали в России на рубеже веков всплеск преступности. В связи с этим проблемы выявления преступлений, их раскрытия и расследования приобрели особую социальную значимость. Между тем многочисленные социологические исследования свидетельствуют о том, что, во-первых, официальная статистика не отражает реального состояния преступности в России, во-вторых, поступающие заявления и сообщения о совершённых и подготавливаемых преступлениях не разрешаются надлежащим образом правоохранительными органами, обязанными в соответствии с законом принимать решения в стадии возбуждения уголовного дела. По данным ВНИИ МВД, на каждое зарегистрированное преступление приходится два незарегистрированных.

Решение проблем социального контроля над состоянием преступности неразрывно связано с разработкой проблем стадии возбуждения уголовного дела. Среди них важное значение имеют вопросы проверки поступивших сообщений о преступлениях. Оно обусловлено тем, что эффективность борьбы с преступностью, реализация принципа неотвратимости наказания за совершённое преступление, надёжная охрана прав и законных интересов граждан зависят от своевременного и правильного разрешения первичных материалов о преступлении.

Актуальность темы монографического исследования определяется следующими обстоятельствами. Во-первых, подавляющее большинство сообщений о преступлениях (около 88%) поступает в органы внутренних дел и разрешается их сотрудниками. Во-вторых, предварительная проверка поступивших в правоохранительные органы сообщений о преступлениях осуществляется в 75% случаев, поскольку они содержат неполные, неконкретные и недостаточные сведения для принятия обоснованного и законного процессуального решения. В-третьих, практика правоохранительных органов изобилует фактами возбуждения уголовного дела при отсутствии достаточных оснований, необоснованного отказа в возбуждении уголовного дела, нарушения сроков принятия указанных в законе процессуальных решений. Эти факты существенным образом нарушают конституционные права и законные интересы граждан. В-четвёртых, законодатель в УПК РФ, (который вступил в действие с 1 июля 2002 г.), существенным образом изменил организационный порядок проверки поступивших в правоохранительные органы сообщений о преступлениях. Поводов к возбуждению уголовного дела осталось три вместо шести по УПК РСФСР. В 2007 г., в связи с созданием следственного комитета при Генеральной прокуратуре РФ, внесены дополнения в УПК РФ, и законодатель вновь изменил процессуальный порядок возбуждения уголовного дела. Это свидетельствует о том, что законодатель никак не может отрегулировать процессуальный порядок, средства и методы проверки заявлений и сообщений о преступлениях, т.к. она (проверка) находится на границе между уголовно-процессуальной и административной деятельностью правоохранительных органов.

Перечисленные обстоятельства со всей очевидностью свидетельствуют об актуальности теоретического исследования вопросов, связанных с основаниями производства предварительной проверки сообщений о преступлении, её целями, предметом и пределами, тактикой производства проверочных действий и методикой проведения проверки в целом.

В уголовно-процессуальной науке проблемы стадии возбуждения уголовного дела, в том числе проверки поступивших сообщений о преступлениях, достаточно подробно изучались Ю.Н. Белозеровым, С.В. Бородиным, В.М. Быковым, В.В. Вандышевым, А.Н. Васильевым, И.И. Великошиным, И.М. Гуткиным, Н.В. Жогиним, Л.М. Карнеевой, Е.Д. Лукьянчиковым, А.Р. Михайленко, Н.Е. Павловым, В.М. Савицким, В.В. Степановым, М.С. Строговичем, Ф.Н. Фаткуллиным, Г.П. Химичевой, А.А. Чувиловым, Н.Г. Шурухновым, П.С. Элькинд и другими авторами. Однако в подавляющем большинстве случаев авторы работ рассматривали проблемы предварительной проверки сообщений о преступлениях попутно, наряду с проблемами всей стадии возбуждения уголовного дела, ограничивали свой интерес лишь процессуальными вопросами. В связи с этим многие вопросы методики производства предварительной проверки, тактики проверочных действий остались за пределами научных исследований.

Анализ степени разработанности темы позволяет констатировать, что проблемы проверки сообщений о преступлениях не получили достаточно подробного освещения в специальных исследованиях либо остались дискуссионными.

Объектом исследования являются общественные отношения, существующие между участниками уголовного процесса в ходе производства проверки заявлений и сообщений о преступлениях, а предметом – деятельность участников и их правоотношения в стадии возбуждения уголовного дела, нормы зарубежного законодательства и УПК РФ.

Целями исследования являются: теоретический анализ проблем предварительной проверки сообщений о преступлениях и разработка рекомендаций по совершенствованию законодательства, направленных на обеспечение принятия своевременного, законного и обоснованного процессуального решения в стадии возбуждения уголовного дела.

Общие цели исследования обусловили постановку следующих его задач:

- 1) выявить и подвергнуть анализу существующие в теории подходы к определению понятия природы, сущности предварительной проверки сообщений о преступлениях;
- 2) определить цели, предмет, пределы и методы проверки сообщений о преступлениях;
- 3) обосновать основания производства проверки сообщений о преступлениях;
- 4) исследовать уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты проблемы проверки сообщений о преступлениях;

5) разработать практические рекомендации, направленные на повышение эффективности деятельности сотрудников органов внутренних дел по проверке заявлений и сообщений о преступлениях;

б) сформулировать предложения по совершенствованию УПК РФ.

Практическое значение работы определяется возможностью применения разработанных в ней теоретических положений, выводов, рекомендаций и предложений в целях совершенствования уголовно-процессуального законодательства и практики его применения. Отдельные рекомендации могут быть использованы не только сотрудниками органов внутренних дел, но и других правоохранительных органов, поскольку информационная сущность, содержание и основные особенности производства проверки заявлений и сообщений о преступлениях в целом не зависят от ведомственной принадлежности должностных лиц.

Глава 1

СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВА ПО ПРОВЕРКЕ ЗАЯВЛЕНИЙ И СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

1.1. Правовая природа производства по проверке сообщений о деяниях с признаками преступления

Одним из важнейших условий соблюдения законности в уголовном процессе является своевременное и обоснованное возбуждение уголовного дела. Согласно ст. 144 УПК РФ руководитель следственного органа, следователь, дознаватель и орган дознания обязаны в пределах своей компетенции возбудить уголовное дело в каждом случае обнаружения преступления, принять все предусмотренные законом меры к установлению события преступления; лиц, виновных в совершении преступления.

В первоначальной стадии российского уголовного процесса по рассмотрению и разрешению поступивших заявлений и сообщений о преступлениях решаются следующие общие задачи уголовного судопроизводства: 1) защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; 2) защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения её прав и свобод (ст. 6 УПК РФ).

Самостоятельная задача является более узкой: принятие решения о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела. В среднем за год следователями органов внутренних дел возбуждается около 94,2% уголовных дел, а отказывается в возбуждении уголовных дел – 5,8% от общего количества поступивших к ним заявлений и сообщений о преступлениях. Следователями СК при Генеральной прокуратуре в среднем возбуждается примерно 42,6% уголовных дел, а отказывается в возбуждении уголовного дела – 57,4%. Органами дознания возбуждается 41,3% уголовных дел, а отказывается в возбуждении уголовного дела – 58,7%. Иными словами, сущность данной стадии российского уголовного процесса состоит не только в возбуждении уголовного дела, как это, например, указано в наименовании раздела 7 «Возбуждение уголовного дела» Уголовно-процессуального кодекса РФ и принято в юридической литературе [273, с. 3; 288, с. 262; 322, с. 321], но и в процессуальной деятельности по принятию других решений по заявлению или сообщению.

Разумеется, отмеченная неточность наименования этой стадии уголовного процесса не является существенной. Однако каждое наименование, в принципе, должно по возможности точно отражать содержание любой деятельности, тем более, когда речь идет о деятельности органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и судьи, регламентированной уголовно-процессуальным законодательством. Кроме того, отмеченная неточность позволила, по нашему мнению, некоторым процессуалистам стадию рассмотрения и разрешения поступивших сообщений о преступлении сводить только к вынесению постановления о возбуждении уголовного дела [322, с. 231], а всю деятельность органа дознания, дознавателя, следователя и руководителя следственного органа до вынесения этого постановления не считать процессуальной [288, с. 232].

Анализ действующего законодательства (гл. 19 УПК РФ) показывает, что стадия рассмотрения и разрешения поступивших сообщений о преступлении не сводится лишь к вынесению постановления о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела, а предусматривает рассмотрение целого ряда вопросов и принятие по ним решений, предшествующих вынесению постановления.

В частности, в анализируемой стадии рассматриваются следующие вопросы:

- является ли сообщение о готовящемся или совершённом преступлении законным поводом к возбуждению уголовного дела;
- содержат ли факты, о которых получены сведения из сообщения о преступлении, признаки преступления;
- по какой статье уголовного закона может быть квалифицировано преступление;
- на основании каких конкретных данных признается, что факты, о которых получены сведения, действительно имели место;
- не следует ли по обстоятельствам преступления провести осмотр места происшествия;
- возникает ли необходимость проведения предварительной проверки и если такая необходимость имеется, то какие проверочные действия должны быть проведены;
- вправе ли данный орган и конкретное должностное лицо разрешить вопрос о возбуждении уголовного дела, либо имеющиеся материалы о преступлении подлежат передаче по подследственности или подсудности;
- не установлены ли обстоятельства, препятствующие возбуждению уголовного дела;
- не имеется ли оснований для отказа в возбуждении уголовного дела;
- кто в соответствии с законом уполномочен производить дознание или предварительное следствие в случае возбуждения уголовного дела;

– какие меры должны быть приняты судьёй для примирения заявителя и лица, на которое подана жалоба, с просьбой возбудить дело частного обвинения;

– какие меры должны быть приняты для предупреждения или пресечения преступления, а равно для закрепления следов преступления, в том числе в случае направления материалов по подследственности или подсудности.

В стадии рассмотрения и разрешения поступивших сообщений о преступлении совершается широкий круг действий, порождающих целую систему уголовно-процессуальных отношений, субъектами которых выступают заявитель о преступлении (гражданин, должностное лицо учреждения, предприятия или организации), орган дознания, дознаватель, следователь, прокурор, а также представители общественности и другие граждане.

Признание стадией лишь одного вынесения постановления о возбуждении уголовного дела влечёт за собой оставление за рамками российского уголовного процесса все перечисленные действия и решения органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа; а их деятельность, завершившаяся постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела, вообще не учитывается в качестве уголовно-процессуальной.

Между тем, совершенно очевидно, что все действия, как и возникающие в связи с ними уголовно-процессуальные отношения, так или иначе регламентируются нормами уголовно-процессуального законодательства и характеризуются общностью решаемой специфической задачи. Поэтому утверждения о том, что стадия рассмотрения и разрешения поступивших сообщений о преступлении сводится лишь к вынесению постановления о возбуждении либо об отказе в возбуждении уголовного дела, теоретически беспочвенны, а практически вредны и находятся в противоречии с действующим уголовно-процессуальным законодательством [80, с. 8; 121, с. 36; 126, с. 37].

В связи с этим процессуалисты в разные годы предлагали начальную стадию уголовного процесса назвать стадией «Разрешения вопроса о возбуждении уголовного дела» [62, с. 7; 224, с. 8]. Они считали, что это наименование более правильно отражает содержание той деятельности органа дознания и предварительного следствия, которая ими осуществляется для принятия законного и обоснованного решения по заявлениям и сообщениям о преступлении.

По нашему мнению, названия стадий «Разрешения вопроса о возбуждении уголовного дела» и «Возбуждение уголовного дела» практически идентичны, не отражают специфики деятельности правоохранительных органов по рассмотрению и разрешению поступивших в органы внутренних дел и прокуратуру заявлений и сообщений о преступлениях. Поэтому первую стадию российского уголовного процесса следует, на наш взгляд именовать «Стадия рассмотрения и разрешения поступивших сообщений о преступлениях».

В связи с тем, что седьмой раздел УПК РФ назван «Возбуждение уголовного дела», по нашему мнению, необходимо внести поправку, переименовав его «Рассмотрение и разрешение поступивших сообщений о преступлениях».

Правильное и своевременное возбуждение уголовного дела в значительной мере способствует быстрому и полному раскрытию преступлений и изобличению виновных. В то же время оно гарантирует от необоснованного привлечения к уголовной ответственности невиновных лиц. По смыслу уголовно-процессуального закона время, отделяющее возбуждение уголовного дела от совершения преступления, должно быть сокращено до минимума. Это объясняется двумя факторами объективного и субъективного характера. Объективно это вызывается тем, что с течением времени обстановка на месте происшествия, следы преступления, имеющие значение для раскрытия преступления, под действием погодных условий, времени, в силу действий людей, даже не заинтересованных в сокрытии преступления, уничтожаются, исчезают, в связи с чем органы расследования лишаются важных доказательств. Кроме того, в памяти свидетелей и других лиц сглаживаются обстоятельства, связанные с событием преступления, а также сами источники доказательств в силу различных причин не могут быть использованы (например, смерть свидетеля). К субъективным моментам относятся умышленная деятельность преступников, направленная на уничтожение и сокрытие следов преступления, орудий преступления, предметов, добытых преступным путём, и т.д. Нередко преступники скрываются, подготавливают себе ложное алиби, что серьезно осложняет раскрытие и расследование преступления и увеличивает сроки расследования.

Несвоевременность возбуждения уголовного дела отрицательно сказывается на общей и частной превенции, так как преступник имеет возможность продолжать преступную деятельность. Законодатель предусмотрел срок рассмотрения заявлений – трое суток, но он может быть продлён до десяти суток, а при проведении документальной проверки или ревизии он может быть продлён до 30 суток соответствующим должностным лицом (ч. 3 ст. 144 УПК РФ).

В настоящее время отсутствие в законодательстве конкретных указаний об основаниях применения десятисуточного срока разрешения заявлений и сообщений приводит к тому, что на практике этот «исключительный» режим распространяется более чем на половину всех случаев. Проведённое нами изучение уголовных дел и отказных материалов показывает, что в срок до трёх суток решения принимались лишь по 17% заявлений и сообщений; 35,3% заявлений и сообщений разрешается в срок от трёх до десяти суток; свыше десяти суток – 36,6%; а остальные 11,1% с превышением месячного срока.

Характерно, что в случаях отказа в возбуждении уголовного дела нарушения установленного законом срока рассмотрения заявлений и сообщений встречаются вдвое чаще, чем при возбуждении уголовного дела.

Как правило, такие нарушения пытаются объяснить объективными причинами, связанными с необходимостью проверки материалов. В ряде случаев допускается злостная волокита.

Иногда проверка задерживается в связи с производством действий, которые могли быть осуществлены после возбуждения уголовного дела, а именно: проведение экспертизы, задержания, выемки и др. Изучение материалов, послуживших основанием для отказа в возбуждении уголовного дела, показало, что сотрудники Красносельского РУВД города Санкт-Петербурга до возбуждения уголовного дела осуществили задержание в порядке ст. 91 УПК РФ – 0,6%, допрос с предупреждением об уголовной ответственности – 25%, признали лиц потерпевшими – 3,3% и гражданскими истцами – 2,6%. Между тем, такая практика противоречит требованиям уголовно-процессуального законодательства. Однако ни прокурор, ни суд не реагировали на грубейшее нарушение уголовно-процессуального закона.

Быстрое решение вопроса о возбуждении уголовных дел имеет большое значение во всех случаях совершения тяжких и особо тяжких преступлений, где может возникнуть необходимость задержания преступника и изоляции его от общества. Не

менее важно это и при совершении любых преступлений несовершеннолетними. В силу своих возрастных особенностей они часто воспринимают задержку с привлечением их к ответственности за совершённые деяния как безнаказанность и продолжают совершать преступления.

Нарушения сроков проверки происходят и в тех случаях, когда заявления передают в органах внутренних дел из одной службы в другую; из следствия в орган дознания и т.п.

Все заявления и сообщения, не требующие дополнительной проверки, должны разрешаться незамедлительно.

Уголовный процесс начинается со стадии рассмотрения и разрешения сообщений о преступлении. От других стадий она отличается уже тем, что в сферу приема и разрешения заявлений и сообщений о преступлении вовлечён широкий круг должностных лиц. Это не только следователи, но и представители различных органов дознания. Готовить, к примеру, постановления об отказе в возбуждении уголовного дела приходится и дознавателям, и оперуполномоченным ОУР, ОБЭП, и участковым уполномоченным милиции, и сотрудникам следственных изоляторов, и т.д. Между тем, не все сотрудники учреждений, наделённых правами органа дознания, в состоянии правильно разрешить заявление (сообщение) о преступлении.

Своевременное, основанное на законе возбуждение уголовного дела и производство расследования способствует эффективной борьбе с преступностью, укреплению правопорядка, воспитанию граждан в духе неуклонного исполнения законов. Вместе с тем, возбуждение уголовного дела без достаточных к тому оснований так же, как и необоснованный отказ в возбуждении уголовного дела, есть грубейшее нарушение законности, приносящее большой вред государству, правам и законным интересам граждан [245, с. 7–8].

Нередко возбуждение и принятие к своему производству уголовного дела при отсутствии к тому оснований влечёт и другие, более серьёзные по своим последствиям нарушения: незаконное задержание, производство обыска, привлечение лица в качестве обвиняемого, применения иных мер государственного принуждения (привод, отстранение от должности и т.п.).

Необоснованное возбуждение уголовных дел отрицательно сказывается на борьбе с преступностью в целом. Оно приводит к напрасной трате сил, средств и времени органов дознания и предварительного следствия, к отвлечению их от раскрытия и расследования действительно совершённых преступлений. При этом нельзя не учитывать и то обстоятельство, что из-за необоснованного начала предварительного расследования граждане без наличия к тому необходимости вызываются в органы внутренних дел, следственные органы СК при Генеральной прокуратуре и другие учреждения, отрываются от привычного для них уклада жизни.

Незаконный отказ в возбуждении уголовного дела и непосредственное сокрытие заявлений (сообщений) о преступлениях от регистрации подрывают принцип неотвратимости ответственности, создают возможность преступникам совершать новые, подчас более тяжкие и жестокие преступления, вовлекать в них других лиц. Подобные нарушения закона искажают подлинную картину состояния преступности в том или ином районе, городе, подрывают авторитет правоохранительных органов [94, с. 33; 302, с. 16].

Как показывает практика, сообщения и заявления о преступлениях против жизни и здоровья граждан, в сфере экономической деятельности нуждаются, как правило, в предварительной проверке. Весь первичный материал о преступлениях, поступающий в органы расследования, можно подразделить на 2 группы: 1) материалы, требующие производства предварительной проверки, и 2) материалы, не нуждающиеся в подобной проверке. Последние содержат данные о преступлении, достаточные для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. При этом отсутствуют сведения об обстоятельствах, исключающих производство по делу. Поэтому нет надобности собирать дополнительные сведения.

Что же касается другой группы, то они содержат лишь косвенные, неполные и недостаточные сведения о совершённом преступлении.

Такое деление всех первичных материалов имеет практический смысл. По первичным материалам первой группы решение о возбуждении уголовного дела должно быть принято незамедлительно, ибо при этом достигается сокращение во времени между совершением преступления и началом расследования. Это всегда положительно сказывается на результатах как расследования, так и профилактики преступлений.

Для правильного понимания сущности данной стадии и её роли в решении задач уголовного судопроизводства необходимо, прежде всего, уяснить, что такое уголовное дело.

На первый, самый поверхностный взгляд может показаться, будто уголовное дело – это совокупность процессуальных документов. Такой подход имеет под собой основание и это мнение справедливо. Однако анализ многочисленных процессуальных норм, содержащих термин «уголовное дело», убеждает нас в том, что под уголовным делом законодатель понимает и саму процессуальную деятельность, и совокупность документов, в которых эта деятельность находит свое отражение и закрепление.

Даже при передаче дела одним органом другому направляется не только и не столько папка с процессуальными документами, сколько передается сама процессуальная деятельность. Акт передачи или направления дела означает прекращение процессуальных полномочий органа, его передавшего, и возникновение процессуальных полномочий органа, принявшего дело к своему производству.

Следовательно, уголовное дело в концентрированном виде представляет собой уголовно-процессуальную деятельность, сам уголовный процесс по конкретному факту действительно имевшему место или предполагаемому преступлению с момента возбуждения дела до исполнения приговора или прекращения уголовного дела.

Из девяти стадий российского уголовного процесса вне уголовного дела или производства по нему, что по смыслу закона одно и то же, находятся лишь две его стадии: стадия возбуждения уголовного дела и стадия возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. В первой решается вопрос о начале производства по уголовному делу, во второй – о возобновлении уже законченного производством дела в случаях, когда это необходимо для устранения допущенных нарушений закона [206, с. 5].

Ход и результаты производства по делу находят внешнее отражение и закрепление в процессуальных документах или, как их называет закон, материалах уголовного дела. Такие материалы в своей совокупности составляют важную производную сторону уголовного дела, но не саму его сущность.

Понятие уголовного дела относится к числу наиболее важных, исходных понятий теории и практики уголовного процесса и потому, несомненно, заслуживает самого обстоятельного специального исследования.

С наличием уголовного дела закон связывает возникновение полномочий органов, ведущих уголовный процесс, на производство следственных и судебных действий, принятие большинства процессуальных решений, применение мер процессуального принуждения, а также возникновение прав участников процесса и других лиц и соответствующих им обязанностей указанных органов по их обеспечению. Для производства каждого процессуального действия и принятия решения необходимы предусмотренные законом основания. Однако наличие надлежащим образом возбуждённого дела является необходимой предпосылкой производства и принятия любого из них. В ходе поэтапного развития уголовно-процессуальной деятельности последовательно в строго установленном законом порядке возникают и прекращаются правоотношения органа дознания, следователя, суда и других участников процесса, видоизменяются надзорные полномочия прокурора. Эти обстоятельства придают реализации процессуальных полномочий чёткость и определённость, подчиняют её процессуальным срокам и гарантиям, обеспечивают полноту ответственности каждого из органов за своевременность и законность производства процессуальных действий и принятие процессуальных решений, создают необходимые условия оперативности и действенности ведомственного, прокурорского надзора и судебного контроля.

Решение задач всего уголовного судопроизводства зависит не только от обоснованности, но и от своевременности приведения в действие процессуальных средств, свойственных уголовному делу, то есть от успешного выполнения рассматриваемой стадией своей основной задачи. Без возбуждения уголовного дела при наличии к тому оснований задачи уголовного судопроизводства, сформулированные в ст. 6 УПК РФ не могут быть достигнуты.

Незаконное и необоснованное возбуждение уголовного дела влечёт за собой отмену всех произведённых по нему действий и принятых решений, кроме тех, которые направлены на прекращение дела и на устранение негативных последствий его незаконного возбуждения. Это обуславливает нарушение прав граждан, ущемление их законных интересов вплоть до незаконного привлечения к уголовной ответственности и осуждения, не говоря уже о неоправданной затрате материальных средств, сил, времени.

В качестве примера можно привести уголовное дело, незаконно возбуждённое следователем Советского РОВД города Тамбова в отношении несовершеннолетнего Лухманова, который подверг избиению своего товарища Сергеева. Незаконность возбуждения уголовного дела была определена тем, что обвиняемый не достиг возраста, с которого наступает уголовная ответственность. Тем не менее, следователь, выполнив все необходимые следственные действия, направила уголовное дело с обвинительным заключением в суд. Судья назначил дело к слушанию, а после судебного разбирательства, признав, что в действиях несовершеннолетнего Лухманова имеются признаки состава преступления, предусмотренного ст. 115 УК РФ, прекратил уголовное дело. С момента регистрации деяния, содержащего признаки преступления до вынесения окончательного решения прошло три месяца. Именно такой срок понадобился следователю и судье, чтобы определить возраст обвиняемого. Между тем, в ходе предварительной проверки следователь обязана была отказать в возбуждении уголовного дела в связи с недостижением возраста уголовной ответственности, руководствуясь ч. 3 ст. 27 и п. 2 ч.1 ст. 24 УПК РФ [312].

Принятием законного и обоснованного решения об отказе в возбуждении уголовного дела завершается производство по конкретному факту, действительно имевшему место или предполагаемому преступлению, и достигаются цели уголовного процесса. При этом исключается возможность привлечения к уголовной ответственности и осуждения невиновного, предупреждается незаконное ограничение прав граждан. Тем самым принятие такого решения способствует укреплению законности и правопорядка, предупреждению и искоренению преступлений, охране интересов общества, прав и свобод граждан, воспитанию их в духе неуклонного соблюдения норм Конституции России.

В основе стадии возбуждения уголовного дела лежит публично- правовая обязанность дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя СО принимать и проверять в установленные законом сроки заявления и сообщения о преступлениях (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). Для выполнения этих обязанностей закон наделяет указанные органы правом истребовать необходимые материалы (ч. 2 ст. 144 УПК РФ), поручать специалистам производство ревизий и документальных проверок (ч. 1 ст. 144 УПК РФ), а в случаях, не терпящих отлагательства, производить в порядке исключения следственные действия: осмотр места происшествия, осмотр трупа и освидетельствование (ч. 2 ст. 176, ч. 4 ст. 178 и ч. 1 ст. 179 УПК РФ). На практике следственные органы показания заявителей и очевидцев оформляют в виде объяснения, которое в действующем УПК не предусмотрено. В УПК РСФСР имелась ст. 109, согласно которой по поступившим заявлениям и сообщениям могли быть получены объяснения и истребованы необходимые материалы, однако без производства следственных действий.

В ходе выполнения указанной обязанности и реализации данных прав органами государства возникают и реализуются правоотношения. Праву органа на получение объяснений соответствует обязанность граждан и должностных лиц их дать. Праву заявителя обжаловать решение об отказе в возбуждении уголовного дела корреспондирует обязанность прокурора и суда рассмотреть в установленные законом сроки жалобу и дать на неё мотивированный ответ, принять предусмотренные законом меры к устранению нарушений закона. О производстве действий и принятии решений составляются процессуальные документы в соответствии с требованиями закона.

Процессуальная деятельность по возбуждению уголовного дела обладает всеми необходимыми признаками самостоятельной стадии уголовного процесса [67, с. 57; 121, с. 42; 197, с. 6].

Во-первых, она, как и любая другая стадия, имеет свои особые задачи, вытекающие из общих задач уголовного судопроизводства, а именно: установить наличие или отсутствие оснований к возбуждению дела, своевременно принять решение о возбуждении дела или об отказе в его возбуждении, принять меры к предотвращению и пресечению преступления, к закреплению следов преступления (ст. 141 – 145 УПК РФ).

Во-вторых, здесь принимает участие особый круг лиц. К ним следует отнести, прежде всего, заявителя; лица, явившегося с повинной; лица, дающего объяснения и других. Однако в этой стадии еще отсутствуют такие участники процесса, как потерпевший, обвиняемый и другие. Эта деятельность осуществляется особым кругом государственных органов, к числу которых в пределах своей компетенции относятся: дознаватель, орган дознания, следователь и руководитель следственного органа (ч. 1 ст. 144 УПК РФ).

В-третьих, для рассматриваемой процессуальной деятельности характерны свои особенности процессуального режима. В ходе неё не могут производиться следственные действия, за исключением осмотра места происшествия, осмотра трупа и ошвидетельствования; производства документальных проверок и ревизий.

В-четвёртых, её продолжительность определяется сроками, установленными законом. В действующем законодательстве предусмотрен срок принятия решений до трёх, а в исключительных случаях – до десяти суток, а при необходимости проведения документальных проверок или ревизий этот срок может быть продлён прокурором (руководителем следственного органа) до 30 суток (ч. 1 и 3 ст. 144 УПК РФ).

В-пятых, как и любая стадия процесса, эта деятельность завершается принятием процессуального решения, которым определяется дальнейшее направление уголовного судопроизводства (ст. 145 УПК РФ). Им могут быть решения о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела. Заявление о преступлении может быть также направлено по подследственности или подсудности, но «это – не решение по существу, а признание своей некомпетентности принять решение. В конечном счете, возбудить дело или отказать в возбуждении дела должен тот, кому направлено заявление» [172, с. 82].

Сюда же следует отнести и деятельность органов расследования, связанную с проверкой первичных материалов. Вся эта многогранная деятельность следователя, руководителя СО, дознавателя, органов дознания (а иногда и прокурора) урегулирована уголовно-процессуальным кодексом (главы 19, 20 УПК РФ) и носит процессуальный характер. В процессе этой деятельности возникают различные процессуальные правоотношения, специфика которых определяется характером регулируемых общественных отношений [61, с. 77; 172, с. 82; 197, с. 11; 286, с. 13; 345, с. 7].

По мнению ряда авторов, на стадии возбуждения уголовного дела не может ставиться задача раскрытия преступления, поскольку при получении заявлений и сообщений ещё не решён вопрос, есть ли основания судить о наличии преступления. Поэтому и не может быть в это время какой-либо другой процессуальной задачи, кроме рассмотрения (предварительной проверки) первичных материалов о преступлении [190, с. 50 – 52].

Думается, что с этим мнением следует согласиться, ибо задачи, решаемые непосредственно при проверке заявлений и сообщений, установлены уголовно-процессуальным законодательством [52, с. 194–195].

Кроме признаков, свойственных всем стадиям уголовного процесса, возбуждение уголовного дела обладает также свойством неминуемости. Прекращение уголовного дела в той или иной стадии исключает возможность всех последующих стадий. Стадия кассационного производства не будет иметь места, если никто из участников процесса не подаст кассационную жалобу, а прокурор не принесет кассационное представление. При отказе в возбуждении уголовного дела всё производство ограничивается рассматриваемой стадией. Сама же эта стадия имеет место при наличии любого из поводов к возбуждению уголовного дела (ст. 140 УПК РФ).

В связи с изложенным представляется неточной широко распространённая в процессуальной литературе точка зрения, будто для возбуждения уголовного дела необходимы законный повод и достаточные основания. Действительно, законный повод к возбуждению дела должен иметь место в каждом из случаев его возбуждения. Однако столь же верно утверждение о том, что законный повод к возбуждению дела должен иметь место и в каждом случае отказа в возбуждении уголовного дела. Между тем, в правовой литературе акцент на необходимость законного повода и достаточных оснований для отказа в возбуждении уголовного дела отсутствует.

Таким образом, предложенная нами «стадия рассмотрения и разрешения поступивших сообщений о преступлении» имеет, несомненно, процессуальную природу, в связи, с чем она является неотъемлемым компонентом уголовно-процессуальной деятельности. Она начинается с момента поступления информации о совершённом или подготавливаемом преступлении и завершается принятием одного из решений по существу сообщения. Разумеется, эта стадия несет на себе влияние административно-правового регулирования, в связи, с чем требуется усиление уголовно-процессуальных, судопроизводственных элементов правового регулирования. В последнее время внедрение в рассматриваемую стадию этих элементов осуществляется с помощью решений Конституционного Суда РФ.

Анализ природы стадии рассмотрения и разрешения поступивших сообщений о преступлении позволяет нам перейти к рассмотрению поводов и оснований к возбуждению уголовного дела.

1.2. Поводы и основания к возбуждению уголовных дел

В теории уголовного процесса нет единой точки зрения о том, что следует понимать под поводом к возбуждению уголовного дела. Одни авторы определяют повод как юридический факт, вызывающий деятельность по возбуждению уголовного дела [121, с. 63]; другие – сведения о готовящемся или совершённом преступлении, полученные из указанных в законе источников [163, с. 31]; третьи – источник информации о преступлении [216, с. 9]; источник, из которого следственные органы получают сведения о преступлении и который влечёт для этих органов обязанность принять решение о возможности начать производство по делу [248, с. 76].

По мнению авторов комментария к УПК РФ под редакцией В.Т. Томина, повод – это информационный источник, из которого компетентные органы получают сведения о наличии данных о признаках преступления, а также сигнал об обязанности провести проверку наличия таких признаков. Наличие одного повода для возбуждения уголовного дела недостаточно. Дело может быть возбуждено только в тех случаях, когда имеются достаточные данные, указывающие на признаки преступления (основание). Повод – это характеристика информации о признаках преступления с позиции её формы, основание – с позиции содержания. Если имеющихся данных окажется недостаточно для того, чтобы с высокой

степенью вероятности судить о наличии или отсутствии оснований для возбуждения уголовного дела, необходимо производство дополнительных проверочных действий.¹

По мнению А.П. Рыжакова, повод для возбуждения уголовного дела – это первый источник осведомлённости следователя (дознателя и др.) о готовящемся, совершаемом либо совершённом деянии (последствиях такового), содержащем уголовно процессуально значимые признаки объективной стороны состава преступления² и т.д.

Вместе с тем, приведённые определения поводов к возбуждению уголовного дела нельзя признать совершенными. Так, следует согласиться с мнением В.Н. Григорьева о том, что трактовка повода как источника сведений или информации базируется не на всех перечисленных в уголовно-процессуальном законе поводах, а лишь на одном или нескольких из них [90, с. 16–17].

Вряд ли можно согласиться и с тем, что повод как юридический факт вызывает деятельность по возбуждению уголовного дела. Повод порождает обязанность разрешить вопрос о возбуждении уголовного дела, а не деятельность, поскольку последняя – средство выполнения указанной обязанности.

Вместе с тем, несправедливо и отвергать определение повода как юридического факта. Полагая, что использование данной категории излишне, В.Н. Григорьев рассматривает в качестве повода к возбуждению уголовного дела не абстрактный юридический факт, а явления объективной действительности, с которыми закон связывает возникновение обязанности решить вопрос о возбуждении уголовного дела [90, с. 17].

Представляется, что наиболее приемлемым является понимание повода именно как юридического факта.

В теории права под юридическими фактами понимаются жизненные обстоятельства, с которыми закон, правовые нормы связывают наступление юридических последствий, прежде всего различных правовых отношений.

Юридические факты принято разделять на события и действия. В отличие от событий, которые не зависят от воли человека, действия представляют собой его волеизъявление. Действия, совершаемые с намерениями породить юридические последствия, называются юридическими актами; действия, приводящие к юридическим последствиям независимо от намерений лица, – юридическими поступками [296, с. 397–398].

Химичева считает, что «в уголовном судопроизводстве заявления и сообщения о преступлении, непосредственное обнаружение признаков преступления органом дознания, следователем, прокурором или судом правильно относить к юридическим актам. Кроме того, в разряд юридических поступков переходят заявления о преступлении, если заявитель не выражает намерения привлечь кого-либо к ответственности» [319, с. 26–27].

С учётом изложенного под поводом к возбуждению уголовного дела следует понимать предусмотренные уголовно-процессуальным законом юридические акты или поступки, с которыми закон связывает обязанность дознателя, органа дознания, следователя и руководителя СО решить вопрос о возбуждении либо об отказе в возбуждении уголовного дела.

Повод к возбуждению уголовного дела влечёт возникновение уголовно-процессуальных отношений. С его появлением уполномоченные органы и должностные лица должны принять заявление и сообщение о преступлении, рассмотреть их и решить вопрос о возбуждении уголовного дела или об отказе в этом.

В соответствии со ст. 140 УПК РФ поводами к возбуждению уголовного дела являются:

- 1) заявление о преступлении;
- 2) явка с повинной;
- 3) сообщение о совершённом или готовящемся преступлении, полученное из иных источников.

Повод имеет значение юридического факта, наличие которого вызывает возникновение обязанности решить вопрос о возбуждении дела, и начинает стадию возбуждения уголовного дела, но вовсе не предрешает её исхода. Исход же данной стадии обуславливается лишь основаниями к возбуждению дела и основаниями к отказу в возбуждении дела, и только ими.

Правильное понимание и точное исполнение требований закона об основаниях возбуждения уголовного дела имеет исключительно важное значение для теории и практики уголовного процесса. Между тем смысл этих требований недостаточно ясно выражен в тексте закона, непоследовательно и противоречиво толкуется в процессуальной литературе и потому не всегда верно реализуется в практической деятельности.

Непосредственно об основаниях возбуждения дела в тексте закона сказано кратко: «Основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления» (ч. 2 ст. 140 УПК РФ). Уяснение смысла данной формулировки требует её обстоятельного анализа с учётом других процессуальных норм.

Под «достаточными данными» законодатель, по мнению В.И. Никандрова, имеет в виду доказательства, полученные из допустимых для этой стадии источников, как то: сообщения о преступлении, протокола явки с повинной, объяснений очевидцев и других лиц, истребованных документов и протокола осмотра места происшествия в случаях, когда по закону это следственное действие может быть произведено (ст. 73, 83, 84, 141, 142, 176 УПК РФ) [206, с. 7].

Другие авторы полагают, что фактические данные, полученные в стадии возбуждения уголовного дела, не являются доказательствами [161, с. 232; 231, с. 126]. Обстоятельный анализ этого положения и обоснованная, на наш взгляд, критика такой позиции даётся Н.П. Кузнецовым [163, с. 62 – 70].

Кратковременность рассматриваемой стадии, предельная ограниченность допустимых для неё источников доказательств, возможность правомерного прекращения законно возбуждённого дела (ст. 24 УПК РФ) не оставляет сомнения в том, что достаточные для возбуждения дела данные по общему правилу должны устанавливать не истину, а лишь определённую вероятность того, что преступление могло иметь место. Ясно и то, что любая вероятность наличия преступления недостаточна для законного возбуждения уголовного дела. Для возбуждения дела нужны не любые, а достаточные данные, которыми устанавливается какая-то определённая вероятность преступления.

Суть проблемы состоит в том, чтобы найти ту необходимую и достаточную степень вероятности преступления, которая отграничивает законно возбуждённое дело от незаконного. Однако сделать это, как показывает анализ процессуальной литературы, непросто.

¹ Комментарий к УПК РФ / под ред. д.ю.н., профессора В.Т. Томина. Система ГАРАНТ. Версия 28.01.2010. С. 170.

² Рыжаков А.П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу. Система ГАРАНТ. Версия 28.01.2010. С. 215.

До принятия действующего уголовно-процессуального законодательства высказывалось мнение о необходимости при возбуждении дела исходить «из достоверности самого факта, по поводу которого сделано сообщение» [70, с. 6; 235, с. 44], т.е. из истинного знания о событии преступления. В настоящее время большинство авторов справедливо, по нашему мнению, полагают, что и событие преступления далеко не во всяком случае может быть установлено, как истина.

Наиболее обстоятельно вопрос об основаниях возбуждения уголовного дела рассматривается в работах Н.В. Жогина и Ф.Н. Фаткуллина. Суть их выводов находит своё выражение в следующих положениях.

«Для того, чтобы основание к возбуждению уголовного дела было налицо, необязательно иметь вполне достоверный вывод о готовящемся или совершённом преступном деянии. Достаточно, если это деяние подтверждается с определённой степенью вероятности, если о нём есть серьёзное предположение, вытекающее из конкретных фактических данных. Для наличия основания к возбуждению уголовного дела в уголовном процессе достаточен предварительный, вероятный вывод о соответствующих фактах. В практике всё ещё нередки случаи прекращения дела производством за отсутствием события преступления, но из этого вовсе не следует, что оно было возбуждено неправильно».

В то же время указанные авторы утверждают совершенно противоположное изложенному: «Это, конечно, не означает, что можно усмотреть основание к возбуждению уголовного дела даже при таких данных, истинность которых заранее ставится под серьёзное сомнение. Значительное количество дел, прекращённых в стадии предварительного расследования, в том числе за отсутствием события или состава преступления, и это свидетельствует о наличии фактов возбуждения уголовных дел без достаточного основания, что должно расцениваться как нарушение законности. Важное значение имеет вопрос о минимуме тех фактических данных, которые в каждом конкретном случае должны лежать в основе вывода о наличии преступного деяния. Но по этому вопросу невозможно дать всеобъемлющую рецептуру, не скатываясь на рельсы теории формальных доказательств» [121, с. 122 – 125]. «Каков должен быть их минимум, зависит от особенностей содеянного и имеющегося первичного материала. Этот вопрос решается в каждом отдельном случае по внутреннему убеждению лица, возбуждающего уголовное дело» [270, с. 211].

Ещё большие требования к достаточной для возбуждения уголовного дела вероятности преступления предъявляет А.Р. Михайленко. По его мнению, вероятный вывод при возбуждении дела должен основываться на «убедительных фактических данных, которые должны быть не только очевидными, но и истинными» [197, с. 61].

Приведённые положения свидетельствуют о крайней противоречивости позиции их авторов. С одной стороны, они утверждают, что для возбуждения дела достаточно данных, устанавливающих определённую вероятность преступления, допускают возможность законного прекращения законно возбуждённого дела. С другой – они требуют от этих данных такой серьёзности, убедительности и даже истинности, чтобы сделанный на их основе вывод не мог заранее ставиться под сомнение. При этом упускают из виду то, что любая вероятность по сути своей не может не вызвать серьёзных сомнений. Сам факт прекращения значительного числа уголовных дел за отсутствием события или состава преступления указанные авторы расценивают как нарушение законности. И, наконец, они утверждают, будто бы необходимая для законного возбуждения уголовного дела вероятность преступления в общей форме не может быть установлена.

Таким образом, несмотря на все рассуждения о необходимой степени вероятности, цитируемые авторы, по существу, исходят из необходимости установить истину совершения преступления для законного возбуждения уголовного дела. Иначе говоря, требуют сделать нечто большее, чем предписывает закон. Стремление же к «перевыполнению» поставленной законом задачи, какими бы положительными мотивами это ни диктовалось, ни к чему иному, как нарушению закона, привести не может [206, с. 9].

Смирнов А.В. пришёл к выводу, что содержание обстоятельств, знание о которых необходимо для возбуждения уголовного дела, может быть ограничено объективной стороной, объектом, а по некоторым категориям дел и субъектом преступления. Невозможно дать однозначный для всех случаев ответ об объёме фактических оснований для принятия решения о возбуждении уголовного дела. Необходим избирательный подход, в зависимости от особенностей конкретных составов преступления [265, с. 15].

Для того чтобы достоверно установить, имелись ли признаки состава преступления в действиях того или иного лица, как правило, необходимо производство следственных действий. Многочисленные сторонники рассматриваемой позиции высказывают предложение о разрешении производства в начальной стадии процесса обыска, экспертизы, допроса в качестве свидетелей, очевидцев и других следственных действий. Совершенно очевидно, что даже частичная реализация подобного рода предложений привела бы к фактической ликвидации самой стадии рассмотрения и разрешения поступивших сообщений о преступлениях.

На практике сложилось так, что до возбуждения дела назначаются трудоёмкие, требующие много времени ревизии и бухгалтерские экспертизы. В материалах проверок появляются не предусмотренные законом протоколы «добровольной выдачи», «случайного обнаружения» и т.д. Нарушается конституционный принцип неприкосновенности жилища граждан, их процессуальные права, ущемляются их законные интересы, не выполняются предусмотренные законом гарантии установления истины по делу (ст. 25 Конституции РФ, ст. 10 – 3, 74, 80, 195, 198 УПК РФ и др.).

Давлетов А.А., например, в стадии возбуждения уголовного дела предлагает составлять ряд документов под названием «Протокол передачи револьвера»; «Протокол передачи истребованной вещи»; «Протокол обнаружения мотоцикла»; «Протокол представления вещи» [103, с. 38].

Некоторые юристы высказывают озабоченность, что уголовно-процессуальное законодательство не называет специальные познания в числе средств, которые могут быть использованы в стадии возбуждения уголовного дела. Они считают, что без помощи специальных познаний объективно невозможно принятие законных и обоснованных решений по целому ряду заявлений и сообщений о преступлении. По их мнению, без экспертизы нельзя решить вопрос о наличии признаков преступления при дорожно-транспортном происшествии, причинении телесных повреждений. Следовательно, необходимо иметь мнение специалиста о степени тяжести телесных повреждений, причинах смерти, изготовлении и хранении оружия, сбыте наркотических веществ. Поэтому целью назначения и производства экспертизы до возбуждения уголовного дела является проверка имеющихся данных о признаках преступления с помощью научного исследования вещественных доказательств, чтобы получить прочную доказательственную базу для возбуждения уголовного дела либо для

принятия аргументированного решения об отказе в возбуждении уголовного дела, что поможет избежать возможного нарушения прав и гарантий личности [318, с. 28].

Законодатель, приняв в декабре 2001 г. УПК РФ, сформулировал ч. 4 ст. 146 следующим образом: «Постановление следователя, дознавателя о возбуждении уголовного дела незамедлительно направляется прокурору. К постановлению прилагаются материалы проверки сообщения о преступлении, а в случае производства отдельных следственных действий по закреплению следов преступления и установлению лица, его совершившего (осмотр места происшествия, освидетельствование, назначение судебной экспертизы), – соответствующие протоколы и постановления. Прокурор, получив постановление, незамедлительно даёт согласие на возбуждение уголовного дела либо выносит постановление об отказе в даче согласия на возбуждение уголовного дела или о возвращении материалов для дополнительной проверки...». Таким образом, законодатель позволил следователям и дознавателям, помимо осмотра места происшествия, проводить и другие следственные действия: освидетельствование и назначение экспертизы. Однако данное положение просуществовало лишь до 2007 г. Да и согласие прокурора на возбуждение уголовного дела в настоящее время не требуется.

В декабре 2008 г. в ч. 1 ст. 179 УПК РФ были внесены дополнения: «В случаях, не терпящих отлагательства, освидетельствование может быть произведено до возбуждения уголовного дела»; а ч. 4 ст. 178 УПК РФ была дополнена следующими словами: «При необходимости осмотр трупа может быть произведён до возбуждения уголовного дела» [15].

На наш взгляд, проведение экспертизы не только нарушает права граждан, но и в несколько раз увеличивает предусмотренные законом сроки проверки заявлений и сообщений о преступлениях. Утрачивается элемент внезапности, причастные к преступлению лица преждевременно информируются об известных следователю обстоятельствах и его намерениях, что в свою очередь создаёт препятствия при расследовании дела.

В основе нарушений закона, допускаемых на практике и имеющих тенденцию к дальнейшему росту, лежит нечёткое теоретическое представление о сущности оснований возбуждения уголовного дела. Именно отсутствие чётких, теоретически обоснованных рекомендаций о необходимой и достаточной степени вероятности наличия преступления для законного возбуждения дела побуждает практических работников ценою нарушений закона добиваться установления истины преступного факта в начальной стадии процесса.

Между тем, анализ действующего законодательства даёт возможность прийти к вполне определённым выводам о необходимой степени такой искомой вероятности. Однако для этого надо обратиться к диалектике, её методу раскрытия сущности того или иного предмета или явления, развития мысли и познания через противоречия.

Основанием процессуального решения является такая совокупность доказательств, которая устанавливает необходимые по закону факты с предусмотренной законом степенью их доказанности, т.е. как истину или определённую вероятность их наличия или возможности в будущем.

Важным условием целенаправленной деятельности правоохранительных органов по проверке первичных материалов о преступлениях является правильное определение предмета проверки, её границ. Сужение границ не позволит обоснованно решить вопрос о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела, неоправданное же их расширение может привести к искусственному затягиванию принятия решения по поступившему заявлению или сообщению, к производству фактического расследования до возбуждения уголовного дела, что является грубым нарушением закона.

Анализ норм УПК РФ позволяет прийти к выводу, что в предмет предварительной проверки входят: 1) проверка законности повода к возбуждению уголовного дела; 2) установление достаточных оснований к возбуждению уголовного дела; 3) выяснение наличия или отсутствия обстоятельств, исключающих производство по делу.

Некоторые авторы при определении предмета предварительной проверки исключают из числа её элементов проверку законности повода, являющегося одним из условий законности возбуждения уголовного дела [56, с. 404–405].

Необходимость проверки законности повода к возбуждению уголовного дела вытекает непосредственно из закона. В соответствии с п. 5 ч.1 ст. 24 УПК РФ в качестве обстоятельства, исключающего возбуждение уголовного дела, указано на отсутствие заявления потерпевшего по делам, предусмотренным статьями 115 ч. 1, 116 ч. 1, 129 ч. 1, 130, 131 ч. 1, 132 ч. 1, 136 ч. 1, 137 ч. 1, 138 ч. 1, 139 ч. 1, 145, 146 ч. 1 и 147 ч. 1 УК РФ. Практика знает случаи, когда по делам об изнасиловании (ч. 1 ст. 131 УК РФ) заявление было написано помимо желания потерпевшей или даже без её ведома.

Согласно п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ для законного и обоснованного возбуждения уголовного дела необходимо, чтобы поводом были сообщения о совершённом или готовящемся преступлении, полученные из иных источников (имеется в виду из источников, добытых законным путём). Это, например, статьи, заметки, опубликованные не во всех печатных органах, а лишь в тех, которые надлежащим образом зарегистрированы и являются юридическими лицами.

В уголовно-процессуальном кодексе 1923 г. статьи, заметки и письма, опубликованные в печати, не упоминались в качестве поводов к возбуждению уголовного дела. Однако на основе сложившейся практики в уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (с 1960 по 2001 гг.) были включены статьи, заметки и письма, опубликованные в печати, в качестве самостоятельного повода к возбуждению уголовного дела (п. 4 ст. 108 УПК РСФСР). Это объяснялось тем, что в сообщениях, опубликованных в печати, нередко приводились конкретные данные, свидетельствующие о преступном факте.

По мнению некоторых юристов, кроме статей, заметок и писем, под сообщениями печати могли подразумеваться также фельетоны, интервью, очерки, репортажи, сатирические карикатуры с комментариями и всевозможная другая корреспонденция. Для признания наличия данного повода важно лишь то, чтобы те или иные формы корреспонденции были опубликованы. При этом вид печатного издания, место издания и другие обстоятельства значения не имеют. В данном случае важна не форма корреспонденции, а сам факт её опубликования. Если же они в печати не опубликованы, а присланы в органы прокуратуры, предварительного следствия и дознания редакцией для проверки, то поводом к возбуждению дела будет заявление гражданина или сообщение учреждения, а не сообщение в печати [121, с. 109; 197, с. 47].

По мнению А.Р. Михайленко, помещение материалов в стенной газете не может считаться публикацией в печати (и являться самостоятельным поводом к возбуждению уголовного дела). Поводом к возбуждению уголовного дела в данном случае будет непосредственное обнаружение следственными органами признаков преступления [197, с. 48].

Раньше, прежде чем опубликовать тот или иной материал, редакция проводила проверку фактов, собирала дополнительный материал. За опубликованные сведения, порочащие гражданина, издательство несло ответственность по гражданскому законодательству. В том случае, если в печати ошибочно сообщалось о лице как правонарушителе, оно имело право требовать по суду опровержения (также в печати) сведений, порочащих его честь и достоинство. В данном случае печатный орган (юридическое лицо) выступал в качестве ответчика, а автор корреспонденции – соответчиком [295, с. 389 – 390].

В связи с тем, что в последнее время появилось множество печатных изданий, в том числе и не зарегистрированных надлежащим образом (в МПТР России и др.) и, следовательно, не являющихся юридическим лицом, ответственность никто не несёт. Между тем, в некоторых печатных изданиях (газетах, листовках) в погоне за сенсацией, за прибылью от распродажи таких изданий печатаются непроверенные факты, порою оскорбительного характера. Большой объём печатных изданий невозможно проверить имеющимися силами и средствами правоохранительных органов.

Законодатель в действующем УПК РФ не выделяет статьи, заметки и письма, опубликованные в печати, как самостоятельный повод к возбуждению уголовного дела, а упоминает проверку сообщения о преступлении в средствах массовой информации в ч. 2 ст. 144 УПК РФ.

Данная норма предусматривает особый порядок проверки сообщения о преступлении, распространённого в средствах массовой информации. По мнению А.В. Смирнова и К.Б. Калиновского, под средством массовой информации (СМИ) понимается периодическое печатное издание, радио-, теле-, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического (не реже 1 раза в год) распространения сообщений и материалов, предназначенных для неограниченного круга лиц (ст. 2 ФЗ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации»).

Сам факт распространения в СМИ сообщения о преступлении не является поводом к возбуждению дела (не влечёт обязанности приступить к его приёму и проверке) до тех пор, пока оно не было обнаружено органами уголовного преследования и не оформлено рапортом (ст. 143 УПК РФ).

С момента подачи рапорта начинается срок процессуальной проверки (а не с момента публикации издания или выхода в эфир передачи). Рапорт об обнаружении признаков преступления следователь подаёт руководителю СО, а дознаватель – прокурору. При недостаточности данных о признаках преступления или об их отсутствии в самой публикации и рапорте руководитель СО – следователю, а прокурор – органу дознания даёт письменное поручение с соблюдением правил подследственности провести предварительную проверку сообщения о преступлении.

Редакция СМИ обязана по запросу органов уголовного преследования передать им имеющиеся в её распоряжении материалы о преступлении (ч. 4 ст. 21 УПК). При этом редакция имеет право не сообщать данные о лице, предоставившем информацию, если это лицо поставило условие неразглашения своего имени (ч. 2 ст. 144 УПК; ст. 41 ФЗ «О средствах массовой информации»). Эта норма действует для предварительной проверки сообщений о преступлениях.

Закон о СМИ (ст. 41) позволяет редакции раскрыть имя источника информации только по запросу суда. После возбуждения дела следователь или дознаватель по судебному решению вправе произвести принудительную выемку документов, содержащих охраняемую законом о СМИ тайну (ч. 3 ст. 183 УПК в ред. от 05.06.2007). Главный редактор не может отказаться от дачи свидетельских показаний, ссылаясь на профессиональную тайну [267, с. 222–223].

Таким образом, поставлен определённый барьер перед теми авторами, которые ради одной лишь сенсации публикуют заведомо ложные сообщения.

При рассмотрении вопроса о законности повода к возбуждению уголовного дела нельзя обойти вниманием анонимные письма, поступающие в органы внутренних дел или прокуратуру.

Важнейшим требованием, которое предъявляет уголовно-процессуальный закон к поводам к возбуждению уголовного дела, является известность лица, сделавшего заявление и сообщение о преступлении.

Анонимные заявления и сообщения не являются поводами к возбуждению уголовного дела (ч. 7 ст. 141 УПК РФ), они не регистрируются в органах внутренних дел, а подлежат уничтожению. Исключение составляют анонимные письма, содержащие данные о готовящихся или совершённых преступлениях. Такие анонимные письма передаются без регистрации в оперативные службы для использования в пресечении и раскрытии преступлений³.

По УПК 1923 г. анонимные заявления могли быть поводом к возбуждению уголовного дела только после предварительной негласной проверки их органами дознания.

По поводу проверки анонимного заявления в юридической литературе высказываются различные суждения.

По мнению М.А. Чельцова, анонимные заявления во всех случаях должны проверяться оперативно-розыскным путём [322, с. 234].

Степанов В.В. категорически возражает против данного мнения [286, с. 43].

Особое место занимает точка зрения Н.В. Жогина и Ф.Н. Фаткуллина, считающих, что анонимные заявления являются разновидностью заявлений граждан как поводов к возбуждению уголовного дела [121, с. 101–102].

Неизвестность автора анонимного заявления – единственный и существенный дефект, полностью лишаящий такое заявление возможности быть поводом к возбуждению уголовного дела. Это находит отражение в том, что органы предварительного расследования лишены возможности предупредить анонимного заявителя об ответственности за заведомо ложный донос, получить от него дополнительные сведения. Поэтому анонимные заявления не могут быть поводом к возбуждению уголовного дела [286, с. 44].

Басков В.И. предлагает признавать в качестве повода к возбуждению уголовного дела анонимное заявление, если в нём усматривается совершение преступления или приготовление к его совершению [44, с. 197].

Химичева Г.П. не согласна с данной позицией. Она считает, что анонимные сообщения часто содержат заведомо ложные доносы. Кроме того, отсутствие возможности проверить источник, из которого получено сообщение о преступлении, создаёт условия для злоупотреблений со стороны правоохранительных органов [319, с. 28].

³ П. 13 инструкции «О порядке приема, регистрации и разрешения в органах внутренних дел РФ заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях», утвержденной Приказом МВД России 1.12.2005 № 985.

Шурухнов Н.Г. считает, что если факты, изложенные в анонимном заявлении, не подтвердились, то не следует выносить постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, а достаточно списать материал в наряд без вынесения процессуального решения [341, с. 24].

Следует согласиться с мнением тех авторов, которые полагают, что анонимные заявления и сообщения не являются поводами к возбуждению уголовного дела. Они могут быть проверены органом дознания оперативным путём. Если в результате проверки будут установлены признаки преступления, то оперативный работник составит рапорт согласно ст. 143 УПК РФ. Поводом к возбуждению уголовного дела будет сообщение о совершённом или готовящемся преступлении, полученное из иных источников.

По мнению А.В. Смирнова и К.Б. Калиновского, чтобы рапорт мог служить доказательством по делу (иным документом – ст. 84 УПК РФ), он должен отвечать следующим условиям: быть удостоверенным подписью сотрудника правоохранительного органа, содержать необходимые сведения о нём, признаках обнаруженного преступления и, что самое существенное, – об источнике полученных сведений. Рапорт без указания конкретного источника информации о преступлении не является допустимым доказательством (ч. 1 ст. 75 УПК РФ). Вместе с тем, если точные сведения об источнике составляют государственную тайну, то в рапорте они приводятся, как правило, не могут. Например, если о преступлении стало известно от лиц, сотрудничающих на конфиденциальной основе с органами, осуществляющими разведывательную, контрразведывательную и оперативно-розыскную деятельность, то при отсутствии их письменного согласия в рапорте сведения о таких лицах не указываются (п. 4 ст. 5 ФЗ «О государственной тайне» № 5485-1-ФЗ от 21.07.1993; ч. 1 ст. 12 «Об оперативно-розыскной деятельности» № 144-ФЗ от 12.08.1995). Когда источник оперативно-розыскной информации в силу этой причины не назван, сообщения, изложенные в рапорте, могут рассматриваться как повод к возбуждению уголовного дела (п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ), но не могут быть доказательством.

Содержание рапорта различается в зависимости от первоисточника («иногo источника») информации о преступлении. Таким первоисточником может быть: а) первоначальное сообщение о преступлении; б) непосредственное обнаружение признаков преступления (например, самим лицом, составившим рапорт) [267, с. 219].

По данным В.Н. Григорьева, в связи с непосредственным обнаружением признаков преступления возбуждается около 50% всех дел [89, с. 98]. При этом 91% случаев непосредственного обнаружения признаков преступления составляет выявление их органами милиции [198, с. 9].

В практике нередко возникают ситуации, когда при проверке анонимного заявления сотрудники органа дознания оказываются очевидцами преступления. Кроме того, для закрепления доказательств им необходимо срочно провести неотложные следственные действия: допрос, задержание, выемку и т.п. Уголовно-процессуальный закон предусматривает после возбуждения уголовного дела органом дознания производство неотложных следственных действий (ст. 157 УПК РФ). В отличие от следователя (процессуально независимого лица) у представителя органа дознания возникают затруднения, связанные с тем, что его решение о возбуждении дела подлежит утверждению начальником органа дознания. Соответствующий закону выход из этой ситуации найти не совсем просто. Отложить производство неотложных следственных действий до утверждения начальником органа дознания постановления о возбуждении дела – значит допустить возможность утраты доказательств; проводить следственные действия до утверждения постановления – осуществлять расследование по юридически невозбуждённому делу.

На практике складывается чаще всего так, что участковые уполномоченные милиции, оперуполномоченные уголовного розыска при выполнении неотложных следственных действий составляют соответствующие постановления и протоколы (о возбуждении уголовного дела, о выемке, о задержании, об освидетельствовании и другие), которые затем утверждает начальник органа внутренних дел, начальник милиции общественной безопасности или начальник криминальной милиции, обладающие процессуальными полномочиями органа дознания.

Следует согласиться с теми процессуалистами, которые считают, что должностное лицо, оказавшееся очевидцем преступления (в том числе представитель органа дознания), после принятия необходимых мер по его пресечению, закреплению следов, вынесения постановления о возбуждении уголовного дела обязано уклониться от участия в расследовании дела [54, с. 63–64; 121, с. 115 – 117].

На наш взгляд, сотрудник органа дознания, ставший очевидцем преступления, должен передать собранные материалы уголовного дела соответствующему прокурору для решения вопроса о подследственности.

Сообщения о совершённом или подготавливаемом преступлении, исходящие от учреждений, организаций и предприятий, а также и от должностных лиц, должны быть сделаны в письменной форме и содержать реквизиты официального документа.⁴

На практике часто так бывает, что сообщения о причинении телесных повреждений поступают из медицинских учреждений по телефону. На персонал лечебных учреждений возложена обязанность немедленно сообщать о всех случаях обращения за медицинской помощью с ножевыми и огнестрельными ранениями, а также иными телесными повреждениями, если есть основания полагать, что они связаны с преступлением. Однако такая информация не является поводом к возбуждению уголовного дела, хотя и требует проверочных действий с целью установления признаков преступления или отсутствия таковых. Если проведённой проверкой будет установлено наличие признаков преступления, то поводом к возбуждению уголовного дела могут служить: заявление пострадавшего либо сообщение о совершённом преступлении, полученное из иных источников.

Отдельные авторы включают в предмет предварительной проверки: а) наличие в факте признаков уголовно наказуемого деяния; б) наличие данных о том, что преступление действительно было совершено; в) отсутствие обстоятельств, устраняющих возбуждение уголовного дела [56, с. 404–405].

⁴ Комментарий к УПК РФ / под ред. д.ю.н., профессора В.Т. Томина. Система ГАРАНТ. Версия 28.01.2010. – С. 172.

Другие авторы считают, что не следует выделять в самостоятельный элемент проверки наличие достаточно серьёзных данных о том, что преступление действительно было совершено, так как установление в факте признаков преступления неразрывно связано с проверкой их достоверности.

Не во всех случаях возникает необходимость в проведении специальной проверки по всем этим элементам.

В ряде случаев при анализе материалов законность повода не вызывает сомнений, например, при поступлении сообщений о кражах чужого имущества. Иногда же из повода достаточно видно, что обстоятельства, исключающих производство, нет и, таким образом, отсутствует надобность в специальной проверке этого элемента. По мнению В.В. Степанова, специфической, основной и обязательной задачей предварительной проверки является установление наличия или отсутствия достаточных оснований для возбуждения уголовного дела. Лишь в связи с этим в каждом конкретном случае можно говорить о факультативном характере проверки повода и обстоятельств, исключающих производство по делам [286, с. 22].

В правовой литературе высказываются различные суждения по вопросам цели и предмета (содержания) предварительной проверки.

Так, Р.Д. Рахунов пишет, что «единственная цель проверки состоит в том, чтобы убедиться в наличии фактов, подтверждающих само событие преступления, и в выявлении обстоятельств, исключающих уголовную ответственность». По его мнению, основания к возбуждению уголовного дела должны проверяться лишь в том случае, когда «указания на состав преступления являются недостаточными, неполными, сомнительными». Очевидно, что автор проводит различие между основанием к возбуждению дела и фактами, подтверждающими событие преступления. Под основанием к возбуждению уголовного дела он понимает «фактические обстоятельства, которыми подтверждается событие, подлежащее расследованию» [235, с. 65–66]. В этом случае возникает вопрос о содержании понятия «факты, подтверждающие событие преступления». Думается, что факты и есть фактические обстоятельства, которые подтверждают событие, подлежащее расследованию. Очевидно, что в обоих случаях речь идёт об одних и тех же понятиях – о фактах, содержащих в себе признаки общественно опасного деяния.

С учётом сказанного можно сделать вывод о том, что Р.Д. Рахунов целью предварительной проверки считает только установление достаточности основания к возбуждению уголовного дела, исключая третий элемент этой проверки – законность повода к возбуждению уголовного дела.

Другие авторы усматривают цель и смысл предварительной проверки только в разъяснении вопроса о наличии или отсутствии оснований к возбуждению уголовного дела [43, с. 271].

Однако это утверждение не вытекает ни из требования закона, ни из материалов практики. Как сказано выше, в процессе предварительной проверки необходимо проверить законность повода, основания к возбуждению уголовного дела и обстоятельства, исключающие производство по делу, ибо с этими тремя факторами закон связывает возможность возбуждения или отказа в возбуждении уголовного дела (ст. 146 – 148 УПК РФ). Игнорирование необходимости установления при проведении предварительной проверки законности повода и обстоятельств, исключающих производство по делу, может привести к незаконному возбуждению уголовного дела.

Поэтому нельзя согласиться и с мнением М. А. Чельцова, который считает, что «целью подобной проверки может быть только выяснение данных, подтверждающих события преступления» [322, с. 234].

Некоторые практические работники видят цель предварительной проверки также и в том, чтобы «по возможности выявить лицо, совершившее преступление» [299, с. 29] и провести проверку доказательств [233, с. 35].

Представляется, что включение в предмет проверки этих элементов отдалило бы возбуждение уголовного дела, а это всегда неблагоприятно отражается на перспективах расследования. Указанные выше авторы забывают о специфической цели предварительной проверки, о том, что задачи её строго ограничены [286, с. 24].

1.3. Основания отказа в возбуждении уголовного дела

Первая стадия уголовного процесса может быть завершена принятием одного из двух взаимно противоположных и исключающих друг друга решений: о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела. Основания принятия этих решений, как и сами решения, находятся в диалектической взаимосвязи единства и противоположности друг с другом. В основе их принятия лежит знание о наличии преступного факта, единый предмет доказывания. Наличие одних оснований исключает возможность других и наоборот. Следовательно, основания возбуждения уголовного дела могут быть установлены, исходя из оснований отказа в возбуждении дела. На такую именно взаимосвязь рассматриваемых решений и их оснований непосредственно указывает содержание ч. 4 ст. 146 УПК РФ, которая обязывает прокурора отменить незаконное или необоснованное постановление о возбуждении дела. А согласно ч. 6 ст. 148 УПК РФ, «признав отказ руководителя СО, следователя в возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным, прокурор выносит мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов руководителю следственного органа для решения вопроса об отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. Признав постановление органа дознания, дознавателя об отказе в возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным, прокурор отменяет его и направляет соответствующее постановление начальнику органа дознания со своими указаниями, устанавливая срок их исполнения».

Карнеева Л.М. пришла к верному, на наш взгляд, выводу о том, что основанием отказа в возбуждении дела является доказанность одного из обстоятельств, предусмотренных ст. 24 УПК РФ.

Для законного и обоснованного отказа в возбуждении необходимо располагать доказательствами, устанавливающими истину наличия одного из таких обстоятельств. Это положение сформулировано следующим образом: пределы доказывания следует определить как достижение достоверности, исключающей необходимость в дальнейшем производстве [131, с. 93 – 98; 132, с. 57].

При отказе в возбуждении дела за отсутствием события и состава преступления (пп. 1–2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ) как истина должно быть доказано отсутствие преступления. И как истину надо доказать факт совершения общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, лицом, не достигшим возраста, с которого наступает уголовная ответственность (ч. 3 ст. 27 УПК РФ). Как истина должен быть доказан факт совершения преступления умершим (п. 4 ст. 24 УПК РФ) и т.д. Отказ в возбуждении дела на основе вероятности несовместим с требованиями задач уголовного судопроизводства, интересами общества в целом и отдельных лиц.

Таким образом, основаниями отказа в возбуждении уголовного дела являются доказательства, устанавливающие истину того, что:

- преступления не было вообще;
- имело место преступление, за которое лицо, его совершившее, по закону не может быть привлечено к уголовной ответственности;
- имеются процессуальные препятствия, исключающие производство по делу;
- преступление совершил умерший и др.

Решение об отказе в возбуждении уголовного дела, как любое другое процессуальное решение, может быть принято лишь при наличии к тому оснований. Следовательно, в каждом случае, когда все допустимые для первой стадии процесса действия по собиранию и проверке доказательств будут выполнены, предусмотренные законом сроки исчерпаны, но ни одно из указанных обстоятельств не будет установлено как истина, должно возбуждаться уголовное дело.

В каждом из таких случаев будет иметь место та искомая, необходимая и достаточная вероятность совершения уголовно наказуемого деяния, которая нужна для законного и обоснованного возбуждения уголовного дела. Основным критерием достаточности данной вероятности является полнота и эффективность использования предусмотренных законом способов проверки сообщения. Достаточно того, чтобы эта вероятность была и чтобы она достигалась в результате эффективного использования всех способов проверки соответствующего повода к возбуждению уголовного дела.

Для наличия основания к возбуждению дела в уголовном процессе достаточен предварительный, вероятный вывод о соответствующих фактах [121, с. 126]. В отдельных случаях факт совершения преступления вообще не вызывает каких-либо сомнений. Орган, возбуждающий дело, во всех случаях обязан с максимальной отдачей использовать свойственные начальной стадии процесса средства доказывания, чтобы как можно ближе подойти к истинному знанию обстоятельств проверяемого факта. Но для законного возбуждения дела как минимум достаточно и той вероятности преступления, которая отвечает указанным выше требованиям.

Отказ в возбуждении дела при неисключённой вероятности уголовно наказуемого деяния недопустим. Если указывающих на признаки преступления данных недостаточно в самом сообщении, их надо восполнить путём производства действий, предусмотренных ст. 144 УПК РФ. Но если это окажется невозможным, надо возбудить дело и решить вопрос с помощью производства всех необходимых следственных действий. Современная следственная и судебная практика не знает случаев отказа в возбуждении дела в связи с недостаточностью данных, указывающих на признаки преступления.

Итак, основания возбуждения уголовного дела – это совокупность доказательств, полученная в результате полного и правильного использования всех допустимых по закону для первой стадии процесса способов их собирания и устанавливающая такую вероятность преступления, которая не может быть проверена без производства следственных действий.

Еще в 1970 г. М.С. Строгович писал, что «обстоятельства, исключающие производство по делу, устраняют возбуждение дела лишь при условии их известности и несомненности уже в стадии возбуждения уголовного дела. В противном случае уголовное дело должно возбуждаться» [289, с. 17].

Чёткое понимание сущности оснований возбуждения уголовного дела и отказа в его возбуждении внесёт необходимую ясность во взаимоотношения дознавателя и прокурора. Исключит ту пока ещё весьма распространённую, внешне убедительную, но далеко не всегда и не во всём верную оценку деятельности дознавателя (следователя), при которой сам факт прекращения ими значительного количества дел за определённый период расценивается как брак в работе, как нарушение законности. Потребуется от прокурора в каждом из случаев конкретно указать, какие из прекращённых дел и почему являются незаконно возбуждёнными, какие из числа допустимых по закону действий дознаватель (следователь) не произвел, возможности каких действий не в полной мере использовал, требования каких процессуальных норм нарушил. Обеспечит конкретность и качество указаний прокурора, их роль в соблюдении законности в стадии возбуждения уголовного дела и всего уголовного судопроизводства. В любом случае, когда для установления обстоятельств, исключающих производство по делу, необходимо производство следственных действий, уголовное дело должно быть возбуждено.

Законодатель в ч. 1 ст. 148 УПК РФ обращает внимание правоприменителей на то обстоятельство, что отказ в возбуждении уголовного дела по п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ (отсутствие в деянии состава преступления) допускается лишь в отношении конкретного лица. Сделано это для того, чтобы дознаватели, следователи не укрывали от учёта нераскрытые преступления. Отказ в возбуждении уголовного дела является одной из форм укрытия преступлений, по которым лицо его совершившее не установлено.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство предусматривает направление копии постановления об отказе в возбуждении уголовного дела заявителю и прокурору в течение 24 часов с момента его вынесения. В ч. 5 ст. 148 УПК РФ сказано, что отказ в возбуждении уголовного дела может быть обжалован прокурору, руководителю следственного органа или в суд в порядке, установленном ст. 124 и ст. 125 УПК РФ.

Изучение материалов, послуживших основанием к отказу в возбуждении уголовного дела, показало, что в большинстве случаев в возбуждении уголовного дела было отказано «по факту» – 84%. А в других материалах в постановлениях «Об отказе в возбуждении уголовного дела» имелись формулировки типа «... в возбуждении уголовного дела против И.А. Ветрова отказать» – 16%. Здесь необходимо отметить, что интересы конкретного лица нередко затрагивались самым

существенным образом. Однако законодатель на протяжении длительного времени практически не наделял данное лицо какими-либо процессуальными правами и по существу вообще не признавал его субъектом уголовно-процессуальной деятельности. Такое положение не отвечало требованиям российского уголовного процесса и отрицательно сказывалось как на обеспечении защиты законных интересов указанного лица, так и на интересах успешной борьбы с преступностью.

Из всех оснований отказа в возбуждении уголовного дела только отсутствие события и состава преступления является реабилитирующим. При отказе по другим основаниям, предусмотренным в ч. 1 ст. 24 УПК РФ лицо признается совершившим общественно-опасное деяние, предусмотренное уголовным законом. Все это влечёт для указанных лиц и их близких ряд серьезных неблагоприятных последствий, ибо порочит их доброе имя, подрывает к ним доверие в трудовом коллективе, в семье. По УПК РСФСР указанные лица и их близкие родственники не были наделены правами обжаловать постановление об отказе в возбуждении уголовного дела прокурору или в суд.

Теперь постановление об отказе в возбуждении уголовного дела может быть обжаловано любым заинтересованным лицом, а не только заявившем о преступлении, и не только надлежащему прокурору, но и в суд. Согласно ч. 7 ст. 148 УПК РФ, признав отказ в возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным, судья выносит соответствующее постановление, направляет его для исполнения руководителю следственного органа или начальнику органа дознания и уведомляет об этом заявителя.

В случаях, совершения ДТП, на первоначальном этапе сотрудникам правоохранительных органов трудно определить характер и степень тяжести телесных повреждений, причинённых пострадавшему. При изучении материалов предварительной проверки по таким фактам, нами было обращено внимание на то, что в резолютивной части постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по делам о нарушениях правил дорожного движения следователи, представители органа дознания не указывают о нарушениях ст. 12.24 КоАП РФ и о привлечении виновного лица к административной ответственности. Это приводит к тому, что лица, управляющие автомобилем и нарушившие правила дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшие причинение лёгкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, освобождаются не только от уголовной ответственности (ст. 264 УК РФ), но и от административной. В этих случаях прокурор, следователь, орган дознания в рамках своей компетенции по результатам проверки сообщений о преступлениях должны принимать меры к привлечению лица к административной или дисциплинарной ответственности.

В юридической литературе иногда утверждается, что предварительная проверка проводится во всех случаях поступления данных о преступлении [73, с. 172], но при этом имеется в виду не производство проверочных действий, предусмотренных в ст. 144 УПК РФ, которые составляют основное содержание этой деятельности, а оценка первичного материала. Например, А.В. Ковалёв пишет: «Иногда проверка заканчивается рассмотрением первичных материалов, часто же она носит сложный характер и включает в себя не только анализ поступивших сведений, но и собирание дополнительных фактических данных с использованием методов и средств, допустимых в стадии возбуждения уголовного дела» [142, с. 96].

Из законодательства (ст. 140 – 149 УПК РФ) и практики его реализации видно, что предварительная проверка не может заключаться в анализе и оценке поступивших сведений. Она состоит, прежде всего, в сборе дополнительных данных со всеми вытекающими из этого последствиями организационного, процессуального, тактического и методического характера. Что касается анализа и оценки первичных материалов, то они в уголовном судопроизводстве осуществляются постоянно при принятии процессуальных решений, что, в частности, отмечается в ст. 88 УПК РФ.

Предварительная проверка не должна проводиться во всех без исключения случаях. Проведение предварительной проверки без учёта её надобности, прежде всего, отрицательно сказывается на последующем расследовании преступления. Характеризуя это, С.В. Бородин справедливо отмечает, что «предварительная проверка не должна проводиться при наличии данных, прямо указывающих на признаки преступления. В таких случаях она фактически подменяет расследование, приводит к утрате возможности сбора и закрепления доказательств в порядке, установленном процессуальным законом» [62, с. 41].

Ранее в юридической литературе было высказано мнение, что предварительная проверка проводится и для того, чтобы собрать дополнительный материал, необходимый для разработки плана расследования [115, с. 171–172], по возможности выявить лицо, совершившее преступление [299, с. 29], и провести проверку доказательств [233, с. 36].

Приведённые точки зрения достаточно полно подвергались критике на страницах юридической печати. Например, В.А. Познанский писал, что задачей проверки не может быть установление лиц, совершивших преступление [225, с. 56], так как это выходит за рамки основных задач предварительной проверки. Подобную трактовку мы находим у С.В. Бородина, В.Е. Елесина, М.Н. Шавшина, которые пишут: «... Предварительная проверка не может проводиться специально для установления личности предполагаемого преступника. Однако если в ходе предварительной проверки других обстоятельств становятся известны сведения о таком лице, они должны немедленно использоваться в розыскных целях» [63, с. 32].

В правовой литературе дано следующее определение предварительной проверки заявлений и сообщений о преступлениях.

Предварительная проверка – это основанная на законе и подзаконных актах деятельность уполномоченных уголовно-процессуальным законодательством компетентных государственных органов и должностных лиц, направленная на сбор дополнительных сведений (материалов), характеризующих проверяемое событие, которые необходимы для принятия законного и обоснованного процессуального решения по поступившему заявлению или сообщению о преступлении [342, с. 11].

Подчёркнём ещё раз, что сущность предварительной проверки заключается в сборе дополнительных данных о признаках преступления и обстоятельствах, исключающих производство по делу [39, с. 28 – 31]. Её задачи строго ограничены рамками, в пределах которых решаются только те вопросы, которые позволяют принять своевременное, законное и обоснованное процессуальное решение по поступившим заявлениям или сообщениям о преступлениях.

В последнее время по поводу института рассмотрения (проверки) заявлений и сообщений о преступлениях высказываются различные мнения. Ряд авторов предлагает ликвидировать названный институт [41, с. 51 – 53; 59, с. 92; 123,

с. 53–54; 227, с. 8]⁵. С этим суждением трудно согласиться, поскольку деятельность лица, проверяющего заявление, сообщение о преступлении, по получению объяснений, истребованию документов, проведению осмотра места происшествия не является «суррогатом расследования», так как у неё ограниченные цели, способы и сроки осуществления.

При сохранении института рассмотрения (проверки) заявлений и сообщений до предварительного расследования и суда не будут доводиться многие заявления и сообщения о деяниях, в которых нет состава преступления. Прежде всего, это административные правонарушения. Органы следствия и суда, благодаря процедуре фильтрации, регламентированной законом, освобождаются от лишней работы.

В юридической литературе не раз высказывались мнения о том, что необходимым условием законного и обоснованного применения мер правового воздействия является правильная квалификация совершённых правонарушений. Поэтому вопрос о разграничении отдельных видов правонарушений, и, в частности, вопросов разграничения преступлений от смежных административных проступков и установления в каждом конкретном случае признаков этого разграничения, имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение. Очень часто чрезвычайно сложно установить в каждом конкретном случае, имеет ли место преступление или административный проступок. Однако органы, призванные вести борьбу с преступностью и прочими видами нарушений правопорядка и законности, обязаны всегда точно, в соответствии с характером правонарушений и требованием закона, квалифицировать действия виновного. В противном случае задача, поставленная перед органами правосудия и другими органами, призванными бороться с правонарушениями за укрепление правопорядка, не будет осуществлена, ибо, когда в действиях лица содержатся признаки преступления, а оно будет признано виновным в совершении административного проступка и привлечено к административной ответственности, равно как и наоборот, – применённые меры не достигнут своей цели.

Необходимо учитывать, что границы между преступлениями и административными проступками подвижны, так как часто с изменением общественно – политической обстановки некоторые правонарушения, ранее относившиеся к категории преступлений, могут быть затем отнесены к административным проступкам и наоборот.

Очень часто в результате посягательства на один и тот же объект различных по своему характеру и интенсивности действий, а иногда и аналогичных, возникают совершенно различные по своему содержанию и природе правовые отношения. Так, в результате совершения одних правонарушений, например, действий, содержащих в себе признаки мелкого хулиганства, возникают административные правоотношения, а в результате совершения злостного хулиганства, которое предполагает использование оружия или предметов, которые могут быть использованы в качестве оружия, либо экстремистские мотивы, возникают общественные отношения, регулируемые нормами уголовного права.

Следовательно, вопрос о разграничении преступлений и административных проступков является частью другой, более широкой проблемы – проблемы уяснения социальной сущности правонарушения в нашем обществе. Кроме того, этот вопрос является по сути дела и вопросом о сфере действия, границах и специфических особенностях уголовного и административного, уголовно-процессуального и административно-процессуального права.

Понятие существенного вреда, наряду с другими обстоятельствами, является показателем повышенной степени общественной опасности деяния. Стало быть, спецификой преступления и основным критерием, отличающим его от других видов правонарушений, является повышенная степень общественной опасности. Существенный вред, в подавляющем большинстве случаев, является основным показателем степени общественной опасности, а поэтому решающим критерием криминализации тех или иных действий.

Кроме того, существует очень много административных проступков, которые ни при каких обстоятельствах не могут перерасти в преступления (например, бесплатный проезд на транспорте). А поэтому не просто «при наступлении результата» и не «зачастую», а только при наличии тяжких последствий (существенного вреда) административный проступок перерастает в преступление и в случаях, специально указанных в законе.

Способ совершения деяния также может являться показателем повышенной степени общественной опасности деяния, а стало быть, критерием разграничения преступления и административного проступка.

На повышенную степень общественной опасности деяния влияют и такие факторы, как характер совершённых субъектом действий. Неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудника милиции (административный проступок – ст. 19.3 КоАП РФ), отличается по характеру действий от посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа, в целях воспрепятствования законной деятельности по охране общественного порядка (ст. 317 УК РФ).

Для признания в действиях лица административного проступка, неповиновения необходимо, чтобы имели место отказ от настойчивых неоднократно повторенных распоряжений или требований работника милиции, либо неповиновение, выраженное в дерзкой форме, свидетельствующей о проявлении явного неуважения к органам, охраняющим общественный порядок. Если же неповиновение сопряжено с посягательством на жизнь по отношению к указанным лицам, то будет состав преступления, предусмотренный ст. 317 УК РФ.

Таким образом, степень общественной опасности как критерий разграничения преступления и административного проступка является понятием собирательным, определяемым на основе учёта конкретных показателей, указанных в законодательстве. Этими показателями является или существенный вред, или повторность, или способ совершения деяния, или характер действий, или форма виновности и т.п.

В правоприменительной практике долгое время оставался неясным вопрос о том, как, по каким основаниям отграничивать преступления, предусмотренные простыми составами ст. 158 УК РФ (кража), ст. 159 УК РФ (мошенничество), ст. 160 УК РФ (присвоение или растрата), от административного правонарушения, ответственность за которое установлена ст. 7.27 КоАП РФ – мелкое хищение.

⁵ Проверочная деятельность по сообщениям и заявлениям о преступлениях отвергалась вообще авторами Концепции судебной реформы, одобренной Верховным Советом РСФСР 24 октября 1991 г. / Ведомости съезда народных депутатов РФ. 1991. № 44. Ст. 1435; Видин С. Институт возбуждения дела в уголовном судопроизводстве России // Российская юстиция, 2003. № 6. С. 57.

По смыслу первой редакции ст. 7.27 КоАП РФ мелкое хищение чужого имущества путём кражи, мошенничества, присвоения или растраты, включая и квалифицирующие признаки этих составов, имело место, если стоимость похищенного имущества была менее 5 МРОТ (на дату введения Кодекса – 1500 рублей, а потом 2250 рублей), в 2002 г. квалифицирующие признаки кражи, мошенничества и присвоения были исключены из понятия мелкого хищения и стоимость похищенного была снижена до 1 МРОТ (2002 г. – 450 р., 2006 г. – 1100 р.).⁶

Лишь в 2007 г. законодатель отказался от МРОТ, указав, что хищение чужого имущества признается мелким, если стоимость похищенного имущества не превышает ста рублей. В 2008 г. стоимость похищенного имущества, для квалификации хищения как мелкого, была увеличена до одной тысячи рублей (Примечание к ст. 7.27 КоАП РФ в редакции ФЗ от 16.05.2008 № 74-ФЗ).⁷

Таким образом, присвоение или растрата, то есть хищение чужого имущества, вверенного виновному, совершённое лицом с использованием своего служебного положения, ч. 3 ст. 160 УК РФ, должно было квалифицироваться как преступление даже тогда, когда стоимость похищенного не превышала ста рублей.

По мнению некоторых юристов, органы дознания пользовались указанными коллизиями, преследуя цель сократить число нераскрытых преступлений, и отказывали в возбуждении уголовных дел за малозначительностью на основании ч. 2 ст. 14 УК РФ.

В действительности, органы расследования могут квалифицировать совершённое хищение на небольшую сумму не как преступление, а в силу якобы малозначительности и небольшой общественной опасности как проступок, не являющийся преступлением [42, с. 30 – 33].

Судя по статистическим данным последних лет, рассмотрение более трети всех заявлений и сообщений о преступлениях завершается обоснованным отказом в возбуждении уголовного дела. Изучение материалов, послуживших для отказа в возбуждении уголовного дела, показало, что примерно половина из них так или иначе связана с заявлениями, авторы которых не желали, чтобы их обидчики были привлечены к уголовной ответственности.

Институт рассмотрения (проверки) заявлений и сообщений о преступлениях был предусмотрен еще Уставом уголовного судопроизводства России. Есть он в уголовном процессе США, Франции и других стран.

Так, например, возбуждение уголовного дела в уголовном процессе США не является единовременным процессуальным актом, осуществляемым и оформляемым одним должностным лицом. Данная стадия процесса складывается из решений и действий нескольких должностных лиц и в отличие от российского законодательства не имеет столь детальной процессуальной регламентации.

В США производство по конкретному делу принято считать начатым с момента получения информации о преступлении и её регистрации.

Официально считается, что процессуальной стадией расследования уголовного дела является предварительное слушание дела в суде, деятельность же полиции и ФБР по расследованию преступлений лежит вне рамок уголовного процесса, то есть является не процессуальной.

При наличии «достаточных оснований» для привлечения лица к уголовной ответственности сотрудник полиции или иного органа расследования составляет заявление о выдаче ордера на арест лица или обыск занимаемых им помещений. Заявление, хотя и является официальным документом, не считается формальным актом возбуждения уголовного дела. Под присягой оно представляется судье-магистрату, который должен проверить «достаточность оснований» и после этого выдать ордер или отказать в выдаче. Издание ордера является процессуальным актом, формально означающим возбуждение уголовного преследования, а сам ордер на арест или обыск выступает первоначальным (а по менее серьезным преступлениям – единственным) документом, фиксирующим начало официального производства по делу.

Утверждение ордера на арест или обыск судьёй – «нейтральным и беспристрастным магистратом» должно обеспечить надзор судебной власти за соблюдением конституционного требования «достаточности оснований» для возбуждения уголовного дела, законности и обоснованности привлечения граждан к уголовной ответственности. Предполагается, что представитель судебной власти оценивает обоснованность возбуждения уголовного преследования объективно, нейтрально и не предвзято, что не может быть сделано полицией или атторнейской службой в силу обвинительной природы их функций.

В США функция государственного обвинения возложена на атторнейскую службу. Обвинение по уголовным делам – важная, но не единственная функция государственной атторнейской службы. Под атторнейской службой понимается совокупность правоприменяющих органов (федеральных, штатных и местных) исполнительной власти, выполняющих юридическое консультирование правительства, представляющих его интересы в судах и обеспечивающих исполнение закона. Реализуя третью функцию, атторнейская служба действует как служба обвинения, управомоченная именем государства возбуждать уголовные дела, расследовать нарушения законов, привлекать правонарушителей к уголовной ответственности, поддерживать обвинение в судах.

Атторнейская служба – типичный для США институт государственной власти, не имеющий точного аналога в правовых системах других стран. Полномочия атторнейской службы по уголовному преследованию аналогичны функциям прокуратуры других государств, в связи с чем атторнеев в литературе иногда называют прокурорами.

За последние двадцать лет полномочия и престиж американского прокурора настолько изменился в сторону большей независимости от судебного надзора за своей деятельностью, что возбуждение уголовного преследования на практике стало его монопольным правом. По сравнению с началом 1980-х годов преступность стала еще более сложной и организованной, особенно в сфере наркотиков, рэкета, должностной коррупции и мошенничества в бизнесе. В соответствии с этим борьба с ней приобрела более координированный, широкомасштабный и продуманный характер. Прокурор, с его образованием и опытом, стал центральной фигурой этой реформы [221, с. 76–77].

⁶ В Примечании к первой редакции КоАП от 31.12.2001 г.: стоимость похищенного до 5 МРОТ.

⁷ Федеральный закон от 31.10.2002 № 133-ФЗ; от 8.12.2003 № 161-ФЗ.

Решение о возбуждении уголовного преследования принимается обвинителем на основе материалов расследования, проведенного полицией и иными органами расследования, в том числе и следователями атторнейской службы.

Как правило, обвинитель, выдавая ордер на арест или обыск, тем самым возбуждает уголовное дело на основе «достаточности оснований». При этом он возбуждает его только тогда, когда полагает, что сможет выиграть дело. Кроме того, изучая материалы расследования обвинитель дает оценку собранным полицией доказательствам с точки зрения правомерности методов их получения и тем самым их допустимости в случае судебного разбирательства. Обвинитель вправе отказаться от приобщения к материалам дела доказательств, полученных как прямо незаконными способами, так и способами, правомерность которых вызывает хотя бы малейшее сомнение. Оценивая допустимость доказательств полученных, например, полицией в ходе исполнения ордера на арест или обыск обвинитель по сути дела осуществляет косвенный и достаточно эффективный контроль за работой полиции, поскольку отказ обвинителя приобщить к материалам дела результаты обыска или другие доказательства, полученные полицией, сводит на нет её работу. С другой стороны, требовательность обвинителя в вопросах, связанных с возбуждением уголовных дел, способствует совершенствованию методов работы полиции.

В настоящее время более 90% уголовных дел в США не проходят через процедуру судебного разбирательства [188, с. 25].

Во Франции нет единой стадии уголовного процесса, называемой «предварительным расследованием», включающим дознание и предварительное следствие. Последние рассматриваются во Франции как совершенно самостоятельные стадии уголовного процесса. Иногда там принято говорить о досудебной части судопроизводства, но и она не заменяет привычное нам предварительное расследование, ибо, во-первых, не является стадией, а, во-вторых, включает кроме дознания и предварительного следствия также возбуждение уголовного преследования.

Понятие «возбуждение уголовного преследования» буквально рассматривается во Франции как возбуждение «публичного иска» [86, с. 7]. Однако понятие «уголовного иска» в буржуазном праве не следует отождествлять с иском в этимологическом значении этого слова. «Уголовный иск» – это возбуждение уголовного дела государственными органами уголовного преследования [86, с. 7].

Таким образом, из анализа законодательства ряда зарубежных стран мы видим, что уголовно-процессуальная деятельность начинается с возбуждения уголовного преследования в отношении конкретного лица (§ 157, 160 УПК ФРГ; ч. 2 ст. 80 УПК Франции). Это отождествляется с возбуждением уголовного дела. Необходимость применения мер процессуального принуждения, прежде всего ареста и обыска, возникает после установления лица, подозреваемого в совершении преступления [187, с. 25].

1.4. Уголовно-процессуальные правоотношения в стадии возбуждения уголовного дела

Уголовно-процессуальное право регулирует общественные отношения в сфере уголовного судопроизводства и тем самым предопределяет осуществление уголовно-процессуальной деятельности не иначе как в форме уголовно-процессуальных отношений, в которых его участники наделены правами и несут обязанности.

Уголовно-процессуальные отношения представляют собой средство установления уголовно-материальных отношений, применение норм процессуального права в конечном итоге связано с применением норм уголовного (материального) права. Поэтому в процессе применения уголовно-процессуальных норм происходит и применение норм уголовного закона. Субъектом применения норм уголовного права является прежде всего суд, однако это не означает, что уголовно-правовые нормы не применяются до и после вынесения приговора.

Поскольку привлечение к уголовной ответственности, признание виновным, осуждение и наказание составляют исключительную компетенцию государственных органов, указанных в законе, постольку применение норм уголовного права представляет собой предмет деятельности только этих органов. Различный объём применения уголовно-правовых норм вызывает и различные юридические последствия.

Вопрос о применении норм уголовного права возникает уже в стадии возбуждения уголовного дела, поскольку положительное решение вопроса о возбуждении дела находится в прямой зависимости от наличия достаточных данных, указывающих на признаки преступления (ст. 140 УПК РФ).

Требование п. 4 ч. 2 ст. 146 УПК РФ указывать в постановлении о возбуждении уголовного дела статьи уголовного закона, по признакам которых возбуждается уголовное дело, означает не что иное, как возложение обязанности на государственный орган, возбуждающий уголовное дело, применить уголовный закон.

Применение норм уголовного права невозможно без одновременного применения норм уголовно-процессуального права. Постановление о возбуждении уголовного дела, постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого, обвинительный приговор, кассационное определение и т.п. – это не только акты применения норм уголовного права, но и акты применения норм уголовно-процессуального права, представляющие итог функционирования общественных отношений в той или иной стадии уголовного судопроизводства и одновременно являющиеся юридическими фактами, с которыми связано возникновение, изменение, развитие и прекращение уголовно-процессуальных отношений.

Именно в результате применения норм уголовного и уголовно-процессуального права возникают, изменяются, развиваются и прекращаются уголовно-процессуальные отношения (в частности, отношение между органом государства и обвиняемым).

Акты одновременного применения норм уголовного и уголовно-процессуального права имеют ключевое значение, так как с ними связано возникновение не одного, а нескольких уголовно-процессуальных правоотношений.

Представляется правильной позиция Б.А. Галкина, утверждающего, что существуют различные виды мер принуждения к исполнению норм процессуального права: уголовно-правовые, процессуальные, административные и моральные [83, с. 60]. Думается, однако, что возможны и другие виды санкций, например, гражданско-правовые.

Горшенев В.М., возражая П.С. Элькинду и Б.А. Галкину, приводит один довод: административные и уголовные санкции применяются тогда, когда нарушена норма материального права [88, с. 228].

Божьев В.П. считает, что в таких случаях возникают комплексные правовые отношения, которые одновременно регулируются не одной, а несколькими отраслями права [61, с. 61].

Средством реагирования на допущенные в сфере уголовного судопроизводства правонарушения могут быть и гражданско-правовые санкции. Элькинд П.С. полагает, что эти санкции применяются при рассмотрении и разрешении гражданского иска в уголовном процессе [346, с. 28]. Божьев В.П. дополняет это суждение, полагая, что гражданско-правовые санкции могут применяться и в случаях причинения вреда неправильными служебными действиями должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда. В этих случаях также возникают комплексные правоотношения [61, с. 61].

Заметим, что, какие бы санкции ни применялись к допущенным в сфере уголовного судопроизводства правонарушениям, это всегда результат применения норм права органами и должностными лицами, наделёнными властными полномочиями.

Признавая регулятивную роль нормы уголовно-процессуального права, нельзя тем самым не усмотреть ближайшую связь уголовно-процессуальной нормы с правоотношениями.

Регулирование нормами права общественных отношений при производстве по уголовному делу означает прежде всего наделение участвующих в нём лиц (должностных лиц и граждан) соответствующими правами и обязанностями. Реализуя свои права и обязанности, лица, участвующие, например, в стадии судебного разбирательства, вступают в отношения с судом. Эти отношения (как и отношения в любой другой стадии уголовного процесса) являются уголовно-процессуальными правоотношениями, поскольку регулируются они нормами уголовно-процессуального права.

Божьев В.П. считает, что до возбуждения дела представитель власти может провести проверочные действия в течение установленного законом срока, и это происходит в рамках уголовно-процессуальных правоотношений, под которыми понимаются «идеологические общественные отношения, урегулированные нормами уголовно-процессуального права, возникающие, развивающиеся и прекращающиеся в сфере уголовного судопроизводства» [61, с. 79].

Элькинд П.С. главные особенности уголовно-процессуальных правовых отношений усматривает в том, что они: 1) выступают только в форме правоотношений; 2) органически связаны с уголовно-правовыми отношениями; 3) возникают, развиваются, изменяются и прекращаются в неразрывной связи с уголовно-процессуальной деятельностью; 4) характеризуются особым кругом субъектов; 5) отличаются спецификой прав и обязанностей субъектов [345, с. 7].

Галкин Б.А. относит к особенностям уголовно-процессуальных отношений следующие положения: 1) они всегда представляют собой отношения органа власти с гражданином; 2) в правоотношении участвуют не два, а несколько субъектов, причём один (или более) из них всегда орган власти; 3) содержание нормы в ряде случаев реализуется не в одном, а в нескольких правоотношениях; 4) в уголовно-процессуальном отношении реализуется содержание норм не только уголовно-процессуального, но и материального права [83, с. 73 – 78].

С нашей точки зрения, не все приведённые положения можно признать особенностями. Например, нельзя считать, что уголовно-процессуальное отношение – это всегда отношение представителя власти и гражданина. Известно, что значительное место в сфере уголовного судопроизводства занимают отношения, где субъектами являются только представители власти: между следователем и органом дознания, между следователем и начальником следственного органа, между прокурором и органом дознания и т.п.

Плодотворным представляется выделение такого свойства, как комплексная реализация норм материального и процессуального права в уголовно-процессуальном отношении. Что же касается остальных специфических особенностей, приведённых Б.А. Галкиным, то они проявляются и в других правоотношениях, например гражданских процессуальных, и потому не могут рассматриваться как присущие только уголовно-процессуальным отношениям.

При исследовании уголовно-процессуальных правовых общественных отношений как части правовых общественных отношений В.П. Божьев предпочитает методологический подход, при котором сначала рассматривался бы переход от общего к особенному (промежуточному и связующему звену между общим и единичным), а затем переход от особенного к единичному, отдельному.

Принимая за общее правовые отношения в целом, за особенное – процессуальные отношения, а за единичное – уголовно-процессуальные, он считает возможным следующим образом характеризовать категорию особенного (процессуальные отношения):

- 1) процессуальные отношения могут существовать не иначе как в форме правовых;
- 2) в процессе реализации процессуальных отношений применяются не только нормы процессуального, но и нормы материального права;
- 3) для всех процессуальных отношений в совокупности существует общий объект, для каждого индивидуального правоотношения – специальный объект;
- 4) процессуальным отношениям свойственны системность и множественность;
- 5) процессуальные правоотношения многосубъектны.

Наряду со свойствами, присущими всем процессуальным отношениям и по-разному проявляющимися в различных видах процессуальных отношений (уголовно-процессуальных, гражданских процессуальных), существуют особые признаки, присущие уголовно-процессуальным отношениям и потому позволяющие выделить их из числа процессуальных («особенное») общественных отношений, а не вообще правовых отношений («общее»). В связи с этим В.П. Божьев полагает возможным выделить следующие особенности:

1) уголовно-процессуальные отношения играют служебную роль по отношению к уголовным, материальным правовым отношениям, это обусловлено тем, что первые служат средством установления вторых;

2) всем уголовно-процессуальным отношениям в совокупности и каждому из них в отдельности свойственно публично-правовое начало;

3) движению и развитию уголовно-процессуальных правовых общественных отношений свойственен многостадийный характер;

4) уголовно-процессуальные правоотношения изменяются, уголовные материальные правовые общественные отношения стабильны;

5) состав центрального уголовно-процессуального отношения обусловлен соответствующими компонентами материального правоотношения;

6) уголовно-правовые отношения непрерывны (перманентны); уголовно-процессуальные отношения могут быть прерывистыми (дискретными) [61, с. 90].

В отличие от материальных правоотношений, каждое из которых может существовать само по себе, процессуальные отношения существуют лишь в системе, они связаны между собой, взаимообусловлены [324, с. 57].

Божьев В.П. считает, что не существует уголовно-процессуальных отношений, в которых бы не участвовал представитель власти. Он соглашается с Н.Н. Полянским, который различал две группы уголовно-процессуальных отношений. К первой группе отношений отнесены отношения, субъектами которых являются только органы власти, участвующие в уголовном процессе (прокурор и дознаватель, суд и прокурор, суд и следователь); а ко второй группе – отношения, субъектами которых являются органы власти и лица, привлекаемые или допускаемые к участию в уголовном процессе (обвиняемый, гражданский истец, свидетель) [226, с. 48].

Как уже ранее было отмечено, возбуждение уголовного дела является первой самостоятельной стадией уголовного процесса. В этой стадии складывается особый комплекс отношений между органами дознания, дознавателем, руководителем СО, следователем, прокурором, заявителем о преступлении и иными лицами. Эти отношения реализуются в деятельности указанных субъектов, которая начинается с момента появления повода к возбуждению уголовного дела и завершается вступлением принятого решения в законную силу. Она включает в себя действия по приёму и проверке заявлений (сообщений) о совершённых или готовящихся преступлениях, по принятию соответствующих решений и проверке их законности и обоснованности, а также действия, направленные на предотвращение или пресечение преступления, закрепление его следов. Поэтому нельзя согласиться с некоторыми авторами, которые сводят сущность возбуждения уголовного дела лишь к составлению единственного процессуального документа – постановления о возбуждении уголовного дела [322, с. 231; 336, с. 18].

Отношения, возникающие в процессе решения вопроса о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела, урегулированы нормами уголовно-процессуального права и потому носят характер уголовно-процессуальных правоотношений. «Правоотношений не может быть, пока нет нормы, которая бы регулировала эти отношения. Иначе говоря, уголовно-процессуальное правоотношение – это всегда результат регулирования поведения граждан, государственных органов и должностных лиц при возбуждении дела, его расследовании, судебном разбирательстве и при производстве в других стадиях уголовного процесса» [61, с. 77].

Правовое регулирование отношений, складывающихся в стадии возбуждения уголовного дела, предусматривал ещё УПК РСФСР 1923 г., который устанавливал обязанность органов суда, прокуратуры, следствия и дознания принимать все заявления по поводу совершённых кем-либо или готовившихся к совершению преступлений, определял порядок приёма таких заявлений и принятия соответствующих решений. Поэтому не вытекали из закона утверждения отдельных авторов, что приём заявления о совершённом преступлении, осмотр места происшествия не могут считаться уголовно-процессуальными действиями, поскольку в этих случаях якобы осуществляются общеадминистративные полномочия органов милиции и лишь затем решается вопрос о необходимости производства действий уголовно-процессуального характера [152, с. 61]. Внутренне противоречиво и утверждение о том, что в стадии возбуждения уголовного дела существуют уголовно-процессуальные отношения, однако никаких процессуальных действий до возбуждения уголовного дела органы дознания, следствия, прокуратуры производить не могут [288, с. 262–263].

Мнение о том, что в стадии возбуждения уголовного дела процессуальная деятельность не осуществляется, что уголовно-процессуальные отношения возникают только после возбуждения уголовного дела [287, с. 9]⁸, высказывалось и после принятия УПК РСФСР 1960 г. и ныне действующего уголовно-процессуального законодательства. С этим суждением согласиться нельзя, поскольку УПК РСФСР 1960 г. не только уточнил и конкретизировал нормы ранее действовавшего уголовно-процессуального законодательства, регламентировавшие деятельность по возбуждению уголовного дела, но и установил некоторые новые положения, которые касались, в частности, условий и порядка принятия решений о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела, о передаче заявления или сообщения по подследственности или подсудности, а также порядка проверки заявлений (сообщений) о преступлениях; а УПК РФ 2001 г. развил эти положения (ст. 109 УПК РСФСР, ст. 140 – 149 УПК РФ).

Юридическая природа проверки заявлений и сообщений о преступлениях определяется уголовно-процессуальным законодательством и поэтому не может не иметь процессуального характера. Руководитель следственного органа, следователь, орган дознания, дознаватель, проверяя заявление (сообщение) о преступлении и принимая решение о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела, действуют на основании предписаний норм уголовно-процессуального права; следовательно, эта их деятельность и связанные с ней отношения являются процессуальными.

Утверждение о том, что проверка заявлений (сообщений) о преступлениях осуществляется в процессуальных формах, не колеблет положений, содержащихся в УПК РФ, согласно которому эта проверка не может проводиться с помощью следственных действий. Процессуальные действия не сводятся к следственным, не исчерпываются ими. Отношения между процессуальными и следственными действиями есть отношения рода и вида: любое следственное действие является процессуальным, но не каждое процессуальное действие является действием следственным. К числу таких процессуальных

⁸ Строгович М.С., Алексеева Л.Б., Ларин А.М. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. М., 1979. С. 91–92.

(но не следственных) действий и относятся производство документальных проверок, ревизий, истребование необходимых материалов, с помощью которых возможно производство проверки заявлений (сообщений) о преступлениях.

Таким образом, приём, проверка и разрешение заявлений (сообщений) о преступлениях, проверка законности и обоснованности принятого решения – это часть уголовно-процессуальной деятельности, связанной с решением вопроса о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела. Особенностью этой деятельности является не отсутствие процессуальной формы, а её своеобразие. Из этого положения вытекает принципиальный вывод: уголовный процесс начинается не с момента возбуждения уголовного дела, как полагают некоторые авторы [287, с. 9], а с момента поступления в органы, уполномоченные на возбуждение уголовного дела, сведений о совершённом или готовящемся преступлении, т.е. с момента появления повода к возбуждению уголовного дела. Уголовно-процессуальные отношения возникают после того, как органы дознания, следствия и прокуратуры получают известие о совершённом или готовящемся преступлении. Получение таких сведений обязывает соответствующих лиц выполнить действия, составляющие в своей совокупности деятельность по разрешению вопроса о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела, которая и определяет содержание процессуальных отношений в этой стадии уголовного судопроизводства. В противном случае мы неизбежно придём к выводу, что стадия возбуждения уголовного дела, по существу, находится за рамками уголовного процесса, поскольку в ней якобы отсутствуют уголовно-процессуальные отношения и не осуществляется уголовно-процессуальная деятельность.

Процессуальная форма возбуждения уголовного дела, правовая регламентация деятельности всех лиц, участвующих в этой стадии уголовного процесса, служат неперенным условием принятия законного и обоснованного решения.

Решение о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела, как и все другие решения в уголовном судопроизводстве [163, с. 68; 178, с. 75], должно основываться не на произвольном усмотрении органов дознания и следствия, а на фактических данных, полученных из указанных законом источников в установленном законом порядке, т.е. на доказательствах. На доказательствах должно быть основано и решение о задержании подозреваемого или о применении к нему меры пресечения до предъявления обвинения, в том числе и тогда, когда необходимость в принятии этих мер возникает одновременно с возбуждением уголовного дела. Всё это свидетельствует об ошибочности утверждения, что собирание доказательств не является целью стадии возбуждения уголовного дела.

Особый интерес представляет метод правового регулирования в стадии рассмотрения заявлений и сообщений о преступлениях. Теория права определяет метод правового регулирования как обусловленный предметом правового регулирования способ воздействия права на общественные отношения [35, с. 145; 128, с. 34; 136, с. 177; 283, с. 168; 329, с. 104; 333, с. 65; 346, с. 5; 349, с. 70; 351, с. 61].

В настоящее время существует несколько точек зрения о том, каким методом регулируются общественные отношения в российском уголовном процессе. Распространённым является мнение о том, что в уголовном процессе основным является императивный метод правового регулирования, т.е. метод власти и подчинения. Этот метод имеет принудительный характер, например, потерпевшему было причинено проникающее ножевое ранение, но он не желал возбуждения уголовного дела, однако по закону следователь обязан возбудить дело. Таким образом, государственный орган производит по делу независимо от мнения и волеизъявления потерпевшего. Исключением из этого правила являются имеющиеся в законодательстве элементы диспозитивности [193, с. 55; 194, с. 5]. Так, например, гр-н Х., придя домой, из личных неприязненных отношений ударил кулаком свою жену, умышленно причинив ей лёгкий вред здоровью (ст. 115 УК). Однако она не захотела привлечь мужа к уголовной ответственности. В данном случае в рамках диспозитивного метода субъект правоотношения обладает полной свободой в распоряжении своими правами. При этом реализация права не является его обязанностью.

В уголовном процессе метод не должен сводиться к сочетанию императивного и диспозитивного. Волеизъявления субъектов правоотношения (сторон) направлены друг к другу не непосредственно по горизонтали (диспозитивный метод) или по вертикали (императивный метод), а как бы по дуге, будучи опосредствованным волей и усмотрением судебного органа. Таким образом, диалектически «снимаются» диспозитивный и императивный методы, преобразовываясь в качественно новый сплав. Этот метод А.В. Смирнов назвал судопроизводственным. Он органически присущ уголовно-процессуальному праву, делая его отличным от других отраслей права [67, с. 9–10]. На практике соотношение рассмотренных методов является более сложным, зависит от формы процесса, взаимодействия в нём розыскных и состязательных элементов и других факторов.

Поскольку в России сложился, на наш взгляд, смешанный тип уголовного процесса, т.е. в нём присутствуют элементы розыскного процесса (в досудебных стадиях) и элементы состязательного (рассмотрение дела судом присяжных), необходимо рассмотреть метод регулирования, присущий розыскному и состязательному процессу.

Калиновский К.Б. отмечает, что общественные отношения в розыскном процессе носят такой управленческий характер, при котором авторитарно-бюрократическое государство всеобъемлюще деспотически (тоталитарно) подчиняет себе личность участников судопроизводства. В отношениях инквизиционного процесса объектом управляющих воздействий служит не столько процедура отправления правосудия, сколько личность обвиняемого, потерпевшего и даже судьи [128, с. 62]. Иногда отношения в розыскном производстве могут даже сливаться с отношениями в области государственного управления, что ярко выражено в суде «административной расправы» [323, с. 627–628]. В связи с этим основным методом регулирования в розыскном процессе является императивный. Широчайшее применение метода «власти подчинения» характеризует розыскной процесс в отличие от состязательного, где за сторонами признаётся определённая диспозитивность. Метод «власти подчинения» классически признаётся типичным для административного права и в меньшей степени для административного процесса [279, с. 8 – 10; 280, с. 117]. Отсюда следует вывод, что на стадии рассмотрения и разрешения сообщений о преступлениях (в рамках розыскного процесса) применяется административный метод регулирования к общественным отношениям в области уголовного судопроизводства. В этом отношении показателен французский уголовный процесс, дознание в котором подчинено розыскному началу. В связи с этим стирается грань между уголовно-процессуальной и административной деятельностью полиции. С одной стороны, первая приобретает

административные черты, с другой – властные полномочия полиции при существенном ограничении прав граждан стремятся к судопроизводственной форме [86, с. 37–38].

Ещё раз следует подчеркнуть, что розыскной процесс представляет собой применение административного метода «власти подчинения» к отношениям в сфере уголовного судопроизводства при почти полном отсутствии диспозитивности. В отличие от него состязательное судопроизводство характеризуется самостоятельным видом правового регулирования. Развитие предмета уголовно-процессуального права приводит к увеличению свободы основных участников процессуальных отношений (суд получает независимость, а стороны признаются равными). Метод как юридическое выражение предмета фиксирует эту свободу. Таким образом, в основе характеристики метода состязательного типа права лежит известное соотношение свободы основных участников процесса и общества (или диспозитивности и публичности). При этом и юридический режим отрасли, и её метод отражаются в принципах и правоотношениях, т.е. в трёхстороннем состязательном правоотношении⁹ и указанные начала данного типа процесса служат точной характеристикой метода уголовно-процессуального регулирования. В этой связи К.Б. Калиновский считает бесперспективным рассматривать метод права в его расчленении на способы регулирования отношений между отдельными участниками, например, судом и обвиняемым, прокурором и потерпевшим [128, с. 88], как это делают некоторые авторы [333, с. 58].

Шестакова С.Д. полагает, что отношения между государственными органами, осуществляющими производство по делу, и потерпевшими регулируются двумя методами: императивным и диспозитивным. А взаимное положение органов, осуществляющих производство по делу, и обвиняемых должно регулироваться тремя методами: розыскным, смешанным и состязательным, при этом предпочтение отдаётся последнему. Шестакова С.Д. считает, что российский уголовный процесс должен регулироваться состязательным методом. Субъекты должны взаимодействовать в рамках трёхстороннего процессуального отношения: сторона обвинения (органы уголовного преследования) – суд – сторона защиты (подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, законные представители, защитники). Юридическим фактом, порождающим возникновение взаимных процессуальных прав и обязанностей сторон, является соответствующее решение суда. При состязательном методе регулирования взаимное положение органов, осуществляющих процесс, и обвиняемого характеризуется следующим. Во-первых, эти субъекты взаимодействуют в рамках трёхстороннего правоотношения. Во-вторых, для правовой связи между сторонами и судом характерно властное положение суда и подчинённое положение сторон. В то же время в правовой связи сторон элементы власти и подчинения отсутствуют. Взаимное положение сторон отличает процессуальное равноправие, обеспечиваемое присутствием в правоотношениях независимого третьего участника – суда. В-третьих, стороны в равной мере вправе участвовать в формировании решений суда – юридических фактов, порождающих, изменяющих или прекращающих отношения между сторонами. В-четвертых, особенности защиты правомочий субъектов правоотношения как элемент метода правового регулирования заключается в том, что обвиняемый (подозреваемый) вправе обжаловать незаконные действия органов уголовного преследования не в вышестоящие звенья той же системы государственных органов, а в суд, независимый от органов уголовного преследования [333, с. 65 – 68]. Этот метод правового регулирования характерен для состязательной формы уголовного судопроизводства, получившей широкое применение в англосаксонских странах.

Так, например, в США уголовное дело считается возбуждённым с момента утверждения обвинительного заключения судом. Мировой судья (магистрат) утверждает обвинительное заключение и избирает меру пресечения лицу. Именно с этого момента исчисляются сроки расследования. Проверка может проводиться негласно, длительное время (по экономическим преступлениям девять месяцев и более) до истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности. Лицо может и не знать, что в отношении него сотрудниками ФБР проводится проверка. В США сотрудник полиции, ФБР занимается одновременно и оперативно-розыскной деятельностью и предварительным расследованием, то есть эти виды деятельности объединены в одно целое. В России предварительное расследование проводят орган дознания и следователь, а оперативно-розыскной деятельностью занимаются сотрудники уголовного розыска, отдела по борьбе с экономическими преступлениями и других подразделений и служб. По российскому законодательству уголовное дело возбуждается следователем, дознавателем по всем преступлениям, независимо от того, установлено лицо, совершившее преступление, или нет. В США сотрудники полиции, ФБР с согласия прокурора направляют в суд только «перспективные» уголовные дела, по которым установлено лицо, совершившее преступление, и собрано достаточно доказательств его виновности.

Следовательно, в российском уголовном процессе в ходе проверки заявлений и сообщений о преступлениях состязательный метод применять сложно; если не установлено лицо, совершившее преступление, то следователю не с кем состязаться. В этом плане законодатель вынужден объективно обращаться к административно-правовому методу регулирования. Под этим методом понимается метод, в котором преобладает предписание, а два других метода – дозволение и запрет – выполняют функцию его обеспечения [282, с. 17].

1.5. Субъекты, правомочные принимать решения в стадии возбуждения уголовного дела

К кругу субъектов доказывания в первую очередь относятся лица, на которых закон возлагает обязанность собирать, проверять и оценивать фактические данные, свидетельствующие о наличии в деянии признаков преступления, и принять решение о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела. Законодатель к их числу относит руководителя следственного органа, следователя, дознавателя и орган дознания (ст. 146 УПК РФ).

Возбуждение уголовного дела есть деятельность обвинительная, несовместимая с осуществлением правосудия. Поэтому судья, суд не имеют право на возбуждение уголовного дела.

Возбуждение уголовного преследования и поддержание обвинения перед судом являются задачей специальных органов – органов дознания, предварительного следствия и прокуратуры. Суд же обязан проверять результаты их деятельности, объективно и беспристрастно решая вопрос о законности и обоснованности выдвигаемых против лица обвинений, а также

⁹ Понятие процесса как юридического отношения развёрнуто представлено в работе Н.Н. Розина «Уголовное судопроизводство». Петроград, 1916.

рассматривая жалобы на действия и решения должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство на досудебных его стадиях.

В действующем уголовно-процессуальном законе в качестве самостоятельного субъекта возбуждения уголовного дела указан орган дознания в лице его начальника (ст. 146, 148 УПК РФ).

Согласно Письму Генеральной прокуратуры РФ, МВД России № 25/15-1-19-93, № 1/3986 от 9 сентября 1993 года «О процессуальных полномочиях руководителей органов внутренних дел» с сентября 1993 г. по июль 2002 г. процессуальными полномочиями органа дознания обладали начальники криминальной милиции и милиции общественной безопасности (местной милиции), а также территориальных и линейных отделов (отделений) милиции и их заместители [256, с. 36–37].

Было нелогичным лишать начальника органа внутренних дел полномочий начальника органа дознания, поскольку он является начальником и для подразделений криминальной милиции, и милиции общественной безопасности. Положение о том, что его заместители обладают большими полномочиями, противоречило основам теории управления. Этим обусловлено, по всей вероятности, наделение начальника органа внутренних дел функциями начальника органа дознания в УПК РФ.

Если рассмотрение заявления или сообщения о преступлении осуществляет непосредственно начальник криминальной милиции или начальник милиции общественной безопасности, то процессуальные решения, предусмотренные ст. 145 УПК РФ, он выносит от своего имени, ни с кем их не согласовывая.

В случае осуществления указанной деятельности работником органа внутренних дел по поручению начальника, процессуальные решения (о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела, или передаче заявления или сообщения по подследственности или подсудности) должны быть утверждены начальником органа дознания, то есть начальником органа внутренних дел, начальником криминальной милиции, начальником милиции общественной безопасности, либо руководителями территориальных и линейных отделов (отделений) милиции.

Вместе с тем необходимо отметить, что ст. 146 УПК РФ в качестве субъекта возбуждения уголовного дела называют орган дознания. Если следовать буквальному смыслу уголовно-процессуального закона, то все решения на данной стадии должны быть вынесены от имени начальника ОВД, начальника криминальной милиции или начальника милиции общественной безопасности, а не утверждаться ими. Исходя из этого, некоторыми процессуалистами делается вывод, что вынесение постановлений о возбуждении уголовного дела и об отказе в этом от имени оперативного работника с последующим утверждением начальником криминальной милиции не соответствует закону [217, с. 28–29].

В этой связи представляется необходимым четко определить в законе, что постановления о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела утверждаются начальником органа дознания.

Из анализа норм УПК РФ видно, что дознание, кроме органов внутренних дел РФ, осуществляют: судебные приставы; командиры воинских частей, соединений, начальники военных учреждений или гарнизонов; органы государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы; капитаны морских и речных судов, находящихся в дальнем плавании; руководители геологоразведочных партий и зимовок; главы дипломатических представительств и консульских учреждений; дознаватели пограничных органов ФСБ; дознаватели таможенных органов; дознаватели органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ; органы ФСБ; начальники учреждений и органов уголовно-исполнительной системы (ч. 1, 3 ст. 40; ч. 3 ст. 151; ч. 2 ст. 157 УПК РФ). В УПК РСФСР все органы дознания были перечислены в одной статье 117.

По нашему мнению орган дознания выступает в лице руководителя вышеперечисленных органов, тогда как проверку заявлений и сообщений о преступлениях осуществляют непосредственно их подчиненные – должностные лица органа дознания. Такими должностными лицами являются оперуполномоченные уголовного розыска, отдела «К» и подразделений по борьбе с экономическими преступлениями; инспекторы Государственной инспекции безопасности дорожного движения, участковые уполномоченные, оперативные дежурные дежурных частей и другие сотрудники ОВД, на которых законодателем возложены обязанности: принять заявление о преступлении, устное заявление занести в протокол, дать его на подпись заявителю и подписать самому, разъяснить заявителю ответственность за заведомо ложный донос с соответствующей отметкой в протоколе, удостоверенной подписью заявителя.

Кроме органов дознания и вышеперечисленных сотрудников – должностных лиц органов дознания на стадии возбуждения уголовного дела в главе 6 УПК РФ указаны участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения – дознаватель (ст. 41), начальник подразделения дознания (ст. 40.1).

По УПК РСФСР понятие «дознаватель» не существовало. Согласно ведомственным нормативным актам, дознавателем считалось должностное лицо специализированных подразделений дознания милиции общественной безопасности (местной милиции). Функциональные обязанности дознавателя определялись не законом, а ведомственными актами, например, Примерным положением об организации работы специализированных подразделений дознания милиции общественной безопасности (местной милиции), утверждённым приказом МВД России от 16 октября 1992 г. № 368 [256, с. 41 – 53]. До 1992 г. в 30 органах внутренних дел Тамбовской области трудилось 25 «инспекторов дознания», затем, с принятием указанного Примерного положения штатная численность возросла до 125 человек, а должности переименовали в «дознаватель». А с принятием действующего УПК РФ штатная численность была установлена – 180 человек.

В уголовно-процессуальном законе имелась только одна статья, посвящённая деятельности лица, производящего дознание, на стадии возбуждения уголовного дела, которой была установлена обязанность принять и оформить в предусмотренном законом порядке явку с повинной (ст. 111 УПК РСФСР).

В учебной литературе считалось, что лицом, производящим дознание, в широком смысле слова правильно признавать должностное лицо, уполномоченное органом дознания на производство предварительного расследования по делу [306, с. 63].

Дубинский А.Я. считал целесообразным предоставить лицу, производящему дознание, право самостоятельно принимать решение о возбуждении уголовного дела [111, с. 118].

Законодатель лишь в УПК РФ 2001 г. сформулировал понятие «дознатель» – это должностное лицо органа дознания, правомочное либо уполномоченное начальником органа дознания осуществлять предварительное расследование в форме дознания, а также иные полномочия, предусмотренные УПК РФ (п. 7 ст. 5).

По мнению Г.П. Химичевой, дознавателя необходимо наделить правами принимать, регистрировать и рассматривать заявления о любом совершённом или готовящемся преступлении. Однако предусмотренное ст. 145 УПК РФ процессуальное решение по заявлению или сообщению о преступлении в любом случае должно быть утверждено начальником органа дознания [319, с. 23–24]. Со стороны начальника органа дознания необходим контроль за деятельностью дознавателей, оформляющих постановления о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела.

В отличие от крупных городов на должности дознавателей в Тамбовской области назначаются сотрудники, имеющие слабую подготовку либо не имеющие высшего юридического образования (учителя, инженеры и т.п.). На начало 2004 года из 180 дознавателей специализированных подразделений дознания отделов внутренних дел области (всего по штату) юридическое образование имели 86,4%, из них 50,2% – высшее юридическое, 36,2% – среднее юридическое; 13,6% обучались заочно в высших юридических учебных заведениях. Крайне мало опытных, высококвалифицированных работников. Постоянно происходит отток кадров. Одни, получив высшее образование, переходят на следственную работу или руководящие должности, а другие из-за низкого материального обеспечения и высокой нагрузки вообще увольняются из органов внутренних дел.

Решать вопрос о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела должен орган дознания, хотя собирают, проверяют и оценивают необходимые для этого фактические данные должностные лица этих органов. Поэтому лица, производящие дознание, должны быть отнесены к числу субъектов доказывания в стадии возбуждения уголовного дела, но самостоятельно (от своего имени) возбуждать уголовные дела они не вправе.

По своим полномочиям дознаватель близок к следователю. Основное отличие состоит в том, что дознаватель менее процессуально самостоятелен, чем следователь, поскольку все указания прокурора и начальника органа дознания, данные в установленном законом порядке, для него обязательны, а их обжалование не приостанавливает исполнения (ч. 4 ст. 41 УПК РФ).

Дознаватель вправе:

- возбуждать уголовное дело, относящееся к подследственности органов дознания (п. 1 ч. 1 ст. 145 УПК РФ). Вместе с тем, поручать проверку сообщения о преступлении и принятие по нему решения поручает дознавателю начальник подразделения дознания (п. 1 ч. 1 ст. 40.1 УПК РФ);

- отказывать в возбуждении уголовного дела (п. 2 ч. 1 ст. 145 УПК РФ);

- передавать сообщения по подследственности, а по уголовным делам частного обвинения – в суд (п. 3 ч. 1 ст. 145 УПК РФ);

- самостоятельно производить следственные и иные процессуальные действия и принимать процессуальные решения, за исключением случаев, когда в соответствии с УПК РФ на это требуются согласие начальника органа дознания, согласие прокурора и (или) судебное решение; осуществлять иные полномочия, предусмотренные УПК РФ (п. 1 ч. 3 ст. 41).

Единственным процессуальным действием, которое в соответствии с текстом УПК требует получения дознавателем согласия (разрешения) начальника органа дознания, является проведение им проверки сообщения о совершённом или готовящемся преступлении в срок до 10 суток, вместо обычных 3 (ч. 3 ст. 144 УПК РФ). Необходимо, однако, учитывать, что это ограничение касается лишь сотрудников тех органов, учреждений и формирований, которые в целом являются органами дознания. Эти сотрудники полномочны осуществлять предварительное расследование в форме дознания в силу своей должности. В тех же случаях, когда полномочия органа дознания принадлежат не всему органу, учреждению или формированию, а лишь его руководителю (главному и старшему судебному приставу, командиру воинской части, соединения и т.д.), процессуальные полномочия органа дознания лишь делегируются им своим подчинённым. При этом такой руководитель (орган дознания) вправе требовать от дознавателя согласования любых предстоящих действий и утверждения любых процессуальных актов – в зависимости от того объёма своих полномочий, на выполнение которых он специально уполномочил данного сотрудника.

В настоящее время согласие прокурора требуется дознавателю: на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения (п. 5 ч. 2 ст. 37 УПК РФ); на продление до 30 суток срока проверки дознавателем сообщения о преступлении и принятия по нему решения в случае необходимости проведения документальных проверок или ревизий (ч. 3 ст. 144 УПК РФ); на продление 30-суточного срока дознания еще до 30 суток (ч. 3 ст. 223 УПК РФ). Прокурор также утверждает постановление дознавателя о прекращении уголовного дела и обвинительный акт (п.п. 13, 14 ч. 2 ст. 37 УПК РФ).

Прокурор, помимо дачи согласия на указанные действия и утверждения названных решений, вправе также давать дознавателю письменные указания о направлении расследования, производстве любых процессуальных действий (п. 4 ч. 2 ст. 37 УПК РФ); отменять незаконные или необоснованные постановления дознавателя (п. 6 ч. 2 ст. 37 УПК РФ); разрешать отводы, заявленные дознавателю, а также его самоотводы (п. 9 ч. 2 ст. 37 УПК РФ); отстранять дознавателя от дальнейшего производства расследования, если им допущено нарушение требований УПК (п. 10 ч. 2 ст. 37); возвращать уголовное дело дознавателю со своими письменными указаниями о производстве дополнительного расследования, об изменении объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или для пересоставления обвинительного акта и устранения выявленных недостатков (п. 15 ч. 2 ст. 37 УПК РФ).

Дознавателю необходимо получать судебное решение: об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога, о продлении срока содержания под стражей, о производстве осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц, о производстве обыска и(или) выемки в жилище, о производстве личного обыска, за исключением случаев, предусмотренных ст. 93 УПК РФ; о производстве выемки предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, а также предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях; о наложении ареста на

корреспонденцию, разрешении на её осмотр и выемку в учреждениях связи; о наложении ареста на имущество, включая денежные средства физических и юридических лиц, находящиеся на счетах и во вкладах или на хранении в банках и иных кредитных организациях; о временном отстранении обвиняемого от должности в соответствии со ст. 114 УПК РФ; о контроле и записи телефонных и иных переговоров (ч. 2 ст. 29 УПК РФ).

В ч. 2 ст. 41 УПК РФ установлен запрет на возложение полномочий по проведению дознания на то лицо, которое проводило или проводит по данному уголовному делу оперативно-розыскные мероприятия. Он касается лишь тех работников органа дознания, на которых возложены обязанности по производству предварительного расследования в порядке, установленном гл. 32 УПК РФ и не распространяется на сотрудников органов дознания при проведении неотложных следственных действий согласно положениям ст. 157 УПК РФ [267, с. 223].

Законодатель в 2007 г. дополнил УПК РФ новой статьей 40.1 «Начальник подразделения дознания» [14] – это должностное лицо органа дознания, возглавляющее соответствующее специализированное подразделение, которое осуществляет предварительное расследование в форме дознания, а также его заместитель (п. 17.1 ст. 5).

Некоторые процессуалисты, комментируя ст. 40.1 УПК РФ, относят начальника подразделения дознания к тем же руководителям органа дознания, о которых речь шла ранее, это начальник органа внутренних дел, начальник милиции общественной безопасности и начальник криминальной милиции.

По нашему мнению, начальник подразделения дознания – это руководитель отдела (группы) специализированного подразделения дознания, в котором работают, например, 10 дознавателей, т.е. старший группы, отдела. Начальник подразделения дознания (начальник отдела) в свою очередь должен подчиняться руководителю органа дознания (начальнику органа внутренних дел, начальнику милиции общественной безопасности и начальнику криминальной милиции).

Начальник подразделения дознания по отношению к находящимся в его подчинении дознавателям уполномочен: поручать дознавателю проверку сообщения о преступлении, принятие по нему решения в порядке, установленном ст. 145 УПК РФ; выполнение неотложных следственных действий либо производство дознания по уголовному делу. Вносить прокурору ходатайство об отмене незаконных или необоснованных постановлений дознавателя об отказе в возбуждении уголовного дела и др. полномочия.

По мнению А.В. Смирнова и К.Б. Калиновского реакцией на нарушение дознавателем уголовно-процессуальных норм является не передача дела другому дознавателю, а отстранение дознавателя от производства расследования, причём не начальником подразделения дознания, а прокурором. Изъятие и передача начальником подразделения дознания дела другому дознавателю может иметь место во всех прочих случаях.

Согласно п. 4 ч. 2 ст. 37 УПК РФ указания прокурора должны быть адресованы именно дознавателю. Вместе с тем, в законе сказано, что дознаватель вправе представить прокурору письменные возражения на указания начальника органа дознания (ч. 4 ст. 41 УПК РФ). Прокурор обязан реагировать на незаконные указания начальника органа дознания, а именно: требовать от органов дознания устранения нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания, и, таким образом, давать начальникам органов дознания соответствующие указания (п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ) [267].

По УПК РФ, вступившему в действие с 1 июля 2002 г., правом на возбуждение уголовного дела с согласия прокурора обладали орган дознания, дознаватель, следователь.

Затем законодатель в 2007 и 2008 гг. внёс изменения в УПК РФ, дополнив ст. 144, 145, 146, 148 и др. Правом на возбуждение уголовного дела стал обладать ещё и руководитель следственного органа [15]. Согласно п. 38.1 ст. 5 УПК РФ, руководитель следственного органа – должностное лицо, возглавляющее соответствующее следственное подразделение, а также его заместитель. Следственные подразделения в настоящее время имеются в органах внутренних дел; по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ; ФСБ и при прокуратуре.

В конце 2007 г. в системе прокуратуры РФ произошли изменения. Был создан Следственный комитет при Генеральной прокуратуре РФ, обеспечивающий в пределах своих полномочий исполнение законодательства РФ об уголовном судопроизводстве. Следственный комитет возглавляет Первый заместитель Генерального прокурора Российской Федерации – Председатель Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации, назначаемый на должность и освобождаемый от должности Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по представлению Президента Российской Федерации. Председатель Следственного комитета имеет первого заместителя и заместителей, которые назначаются на должность и освобождаются от должности Президентом Российской Федерации по представлению Председателя Следственного комитета. Следственный комитет осуществляет свою деятельность непосредственно и (или) через входящие в его систему Главное следственное управление Следственного комитета, следственные управления Следственного комитета по субъектам Российской Федерации и приравненные к ним специализированные следственные управления Следственного комитета, в том числе военные следственные управления Следственного комитета по военным округам, флотам, Ракетным войскам стратегического назначения и другие военные следственные управления Следственного комитета, приравненные к следственным управлениям Следственного комитета по субъектам Российской Федерации, а также следственные отделы Следственного комитета по районам, городам и приравненные к ним специализированные следственные отделы Следственного комитета, в том числе военные следственные отделы Следственного комитета по объединениям, соединениям, гарнизонам и другие военные следственные отделы Следственного комитета, приравненные к следственным отделам Следственного комитета по районам, городам (далее также – следственные органы Следственного комитета). Учреждены должности руководителей указанных следственных органов.

В ОВД следственными органами (подразделениями) являются: Следственный комитет МВД РФ и его структурные подразделения на местах – следственные управления Следственного комитета по расследованию организованной преступной деятельности по федеральным округам, главные следственные управления (управления, отделы) при МВД или при главных управлениях (управлениях) внутренних дел субъектов РФ, следственные управления (отделы) при управлениях внутренних дел на железнодорожном, водном и воздушном транспорте, на особо важных и режимных объектах, а также следственные управления, отделы, отделения и группы при ОВД в районах, городах, округах, районах в городах, в закрытых административно-территориальных образованиях, при линейных ОВД на железнодорожном, водном и воздушном транспорте.

Уголовное дело считается возбуждённым тогда, когда руководителем СО, следователем, дознавателем или органом дознания вынесено постановление о возбуждении дела и соответствующая статистическая карточка формы № 1 поступает в Информационный центр Управления внутренних дел. Последний присваивает номер каждому возбужденному уголовному делу. Однако такая статистическая карточка не пройдет компьютерную обработку, если не будет правильно заполнена руководителем СО, следователем, органом дознания или дознавателем. Одним из обязательных требований является указание даты и номера регистрации заявления (сообщения) о преступлении в Книге учёта сообщений о происшествиях (далее «КУСП»), находящейся в дежурной части органа внутренних дел.

Факт регистрации преступления стимулирует соответствующие органы на активные действия по поиску виновных и их изобличению [100, с. 39]. Регистрация преступления практически совпадает с возбуждением уголовного дела и выполнением неотложных следственных действий.

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует норма, регламентирующая деятельность руководителя СО, следователя, дознавателя и органа дознания по учёту и регистрации заявлений и сообщений о преступлениях.

Заявления (сообщения) о преступлении – распространённый повод к возбуждению уголовного дела, в связи с чем организационная сторона порядка их регистрации и учёта в органах внутренних дел, прокуратуры, МЧС и др. заслуживает самого пристального внимания.

В настоящее время общие требования регистрации заявлений, сообщений о преступлении закреплены в ведомственном нормативном акте – Инструкции «О порядке приема, регистрации и разрешения в органах внутренних дел Российской Федерации заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях», утверждённой Приказом МВД России № 985 от 1 декабря 2005 г.

В данной инструкции даны определения понятий приёма, регистрации и разрешения сообщений:

– приём сообщений о происшествиях – это действия должностного лица органов внутренних дел, наделённого соответствующими полномочиями по получению сообщений о происшествии (п. 2.1);

– регистрация – это присвоение каждому поступившему сообщению о происшествии порядкового номера и фиксация в учётной документации кратких сведений о нем (п. 2.2);

– разрешение сообщений о происшествиях – это проверка фактов, изложенных в зарегистрированных сообщениях о происшествиях, уполномоченными должностными лицами органов внутренних дел и принятие в пределах их компетенции решений в порядке, установленном законодательством и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации (п. 2.3).

Информация о преступлениях и происшествиях подразделена в зависимости от формы поступления и порядка рассмотрения на две группы:

– сообщения и письменные заявления о событиях, угрожающих личной или общественной безопасности, в том числе о несчастных случаях, дорожно-транспортных происшествиях, авариях, катастрофах, чрезвычайных происшествиях, массовых беспорядках, массовых отравлениях людей, стихийных бедствиях и иных событиях, требующих проверки для обнаружения возможных признаков преступления или административного правонарушения (п. 4.2 Инструкции);

– иная информация о происшествиях (п. 4.3 Инструкции).

Первая группа заявлений – это те поводы, которые перечислены в ст. 140 УПК РФ. Они разрешаются в соответствии с правилами, установленными уголовно-процессуальным законодательством и п. 4.1 Инструкции: заявление о преступлении, явка с повинной и рапорт об обнаружении преступления.

Иная информация о происшествиях – это те сообщения, которые не являются поводами к возбуждению уголовного дела, но требуют проверочных действий с целью установления признаков преступления или отсутствия таковых. Согласно п. 1.4 ранее действовавшей Примерной инструкции, другую информацию составляли:

– информация граждан, представителей общественных организаций и должностных лиц, поступившая по телефону (телефаксу), телеграфу или радио;

– сообщения персонала лечебных учреждений об обращении граждан с телесными повреждениями, происхождение которых может быть результатом преступных действий; работников паспортных аппаратов об утрате гражданами паспортов при обстоятельствах, вызывающих подозрение о совершении преступления; работников Государственной инспекции безопасности дорожного движения о дорожно-транспортных происшествиях; работников подразделений вневедомственной охраны о срабатывании приборов охранной сигнализации; работников государственной противопожарной службы о пожарах и загораниях;

– статьи, заметки и письма, опубликованные в печати и других средствах массовой информации; письма учреждений Госстраха об обращении граждан по фактам правонарушений; оповещения о других происшествиях, событиях или фактах, имеющих отношение к борьбе с преступностью и обеспечению охраны общественного порядка;

– сведения об авариях, пожарах, эпизоотиях, стихийных бедствиях, несчастных случаях с людьми.

Порядок приема сообщений о происшествиях следующий.

Поступающие сообщения о происшествиях, вне зависимости от места и времени их совершения, а также полноты содержащихся в них сведений и формы представления, круглосуточно принимаются в любом органе внутренних дел.

Сообщения о происшествиях, поступившие в подразделение делопроизводства органов внутренних дел по почте, телеграфу, нарочным, регистрируются по правилам делопроизводства и направляются начальником органа внутренних дел в дежурную часть для незамедлительной регистрации. Сотрудникам секретариата запрещается принимать и учитывать сообщение о происшествии, которое доставлено в орган внутренних дел непосредственно заявителем (п. 8 Инструкции).

При получении заявления или сообщения о преступлении непосредственно от заявителя дежурный по органу внутренних дел одновременно с регистрацией сообщения о происшествии в КУСП обязан немедленно выдать заявителю талон-уведомление (п. 22 Инструкции). Талон состоит из двух частей: талон-корешок и талон-уведомление. Обе части талона имеют одинаковый регистрационный номер.

В талоне-корешке указываются сведения о заявителе, краткое содержание заявления и дата его приёма, регистрационный номер по КУСП, подпись сотрудника, принявшего сообщение.

В талоне-уведомлении указываются сведения о сотруднике, принявшем заявление (сообщение) о происшествии, регистрационный номер по КУСП, наименование органа внутренних дел, адрес и служебный телефон, дата приёма и подпись, инициалы и фамилия дежурного (п. 24 Инструкции).

Заявитель расписывается за получение талона-уведомления на талоне-корешке, проставляет время и дату получения талона-уведомления (п. 25 Инструкции). Талоны-корешки хранятся в дежурной части органа внутренних дел (п. 26 Инструкции).

Если разрешение поступившей информации о преступлении и происшествии не входит в компетенцию данного органа внутренних дел или она свидетельствует о деянии, совершённом в зоне обслуживания другого органа предварительного расследования, то такая информация после регистрации пересылается по принадлежности.

Поступившая из других органов внутренних дел информация о преступлениях и происшествиях вновь регистрируется и учитывается в соответствии с требованиями Инструкции.

При регистрации информации о преступлениях и происшествиях, поступившей в письменном виде, на документе проставляется штамп регистрации органа внутренних дел, включающий дату регистрации, порядковый номер регистрационной записи и фамилию дежурного, принявшего информацию. Записи подписывает дежурный по органу внутренних дел.

По нашему мнению, это положение необходимо законодательно урегулировать, а также внести в УПК отдельную статью, посвящённую регистрации заявлений (сообщений) о преступлениях. Установить, что орган дознания, дознаватель, руководитель СО и следователь, обязаны не только принять и зарегистрировать заявление (сообщение) о преступлении, но и нести персональную ответственность за отказ в принятии заявления. Заявителю необходимо предоставить право обжалования в суд действий должностных лиц, которые отказали в приеме заявления, либо не приняли соответствующее решение в сроки, установленные настоящим законом.

Согласно Приложению № 2 к Приказу Генеральной прокуратуры РФ, МВД России, МЧС, Минюста, ФСБ, Минэкономразвития и ФСКН России от 29.12.2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399 субъектами регистрации заявлений являются:

- органы прокуратуры (включая военные прокуратуры);
- органы внутренних дел РФ;
- органы ФСБ (включая пограничные органы);
- органы по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ;
- таможенные органы РФ;
- органы Федеральной службы исполнения наказаний;
- органы Федеральной службы судебных приставов;
- органы Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий.

Кроме Генеральной прокуратуры РФ и МВД РФ аналогичные инструкции были приняты и другими ведомствами, например, МЧС утвердило инструкцию Приказом № 270 от 2.05.2006 г.

Однако в них имеются противоречия. Так Приказ МВД РФ от 01.12.2005 № 985 обязывает зарегистрировать в книге учёта сообщений о преступлениях поручение прокурора и с момента такой регистрации исчислять срок проверки (п. 16 Инструкции). Приказ Генпрокуратуры РФ от 16.03.2006 № 12, напротив, предусматривает регистрацию рапорта, составленного по результатам проверки сообщения о преступлении, распространённого в СМИ (п. 23 Инструкции). Представляется, что ст. 144 УПК, имеющая большую юридическую силу перед ведомственными инструкциями, регулирует проверку публикации в СМИ, т.е. такая проверка есть уголовно-процессуальная деятельность, ограниченная соответствующими процессуальными сроками и вызванная наличием повода к возбуждению дела. Таким образом, поводом к возбуждению дела необходимо считать первоначальный рапорт о том, что в СМИ опубликована информация о признаках совершённого преступления, а если прокурор (руководитель СО) по своей собственной инициативе дал поручение о проведении проверки публикации, то поводом должно считаться это поручение.

Такой вывод подтверждается п. 15 Инструкции (Приказ Генпрокуратуры РФ от 16.03.2006 № 12), в котором сказано, что сведения, распространённые в СМИ, считаются сообщением о преступлении, полученным из иных источников. Согласно п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК – такие сообщения являются поводом для возбуждения дела. Кроме того, указанная Инструкция (п. 35) предусматривает исчисление сроков проверки с момента поступления первого сообщения о преступлении [267, с. 219].

В заключение необходимо подчеркнуть, что возбуждение уголовного дела – это стадия уголовного процесса, представляющая собой процессуальную форму, в рамках которой устанавливается наличие или отсутствие фактических и юридических оснований для производства предварительного расследования или судебного разбирательства.

По нашему мнению, значение этой стадии состоит в том, что акт возбуждения уголовного дела, во-первых, определяет границу между непроцессуальной деятельностью по обнаружению преступлений специальными методами и процессуальной деятельности по установлению фактических обстоятельств преступлений и виновности лиц, их совершивших [249, с. 157]; во-вторых, служит процессуальным основанием для производства следственных действий и применения мер процессуального принуждения [68, с. 6].

Стадия возбуждения уголовного дела является существенной правовой гарантией от необоснованного вовлечения личности в уголовный процесс.

Исследование процессуальной природы, задач, целей, оснований проверки заявлений и сообщений о преступлениях позволяет перейти к рассмотрению методов проверки.

Глава 2

МЕТОДЫ ПРОВЕРКИ ПОСТУПИВШИХ ЗАЯВЛЕНИЙ И СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

2.1. Истребование необходимых материалов

Методы проверки заявлений и сообщений о преступлениях условно можно разделить на три группы:

- 1) методы, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством; к ним относятся: истребование необходимых материалов; производство документальных проверок и ревизий;
- 2) следственные действия: осмотр места происшествия, осмотр трупа и освидетельствование;
- 3) мероприятия, предусмотренные Законами «О милиции» и «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации».

Рассмотрим первую группу проверочных действий.

В ходе предварительного расследования и судебного разбирательства следователь и суд могут применить достаточно большой круг предусмотренных законом способов получения и использования документов. Однако при проверке заявлений и сообщений о преступлениях производство следственных действий законом запрещено, кроме осмотра места происшествия, осмотра трупа и освидетельствования (ч. 2 ст. 176, ч. 4 ст. 178, ч. 1 ст. 179 УПК РФ). Разрешается также истребовать необходимые документы и материалы, требовать производства документальных проверок и ревизий (ч. 1, 2 ст. 144 УПК РФ).

Вопрос о праве на истребование необходимых материалов недостаточно полно исследован в научной и учебной литературе. Среди научных и практических работников сущность данного правового средства проверки заявлений и сообщений о преступлениях не получила однозначного понимания. «Но что такое "достаточные данные", "необходимые материалы", что значит "истребовать"... Закон не даёт ответа на эти вопросы», – пишет, например, Л. Масленникова [186, с. 49]. «Уголовно-процессуальный закон не содержит исчерпывающих указаний о характере материалов, истребуемых в стадии возбуждения уголовного дела, – отмечают также Ю.Н. Белозеров и В.В. Рябконов. – ... Как свидетельствует практика работы правоохранительных органов, чаще всего это письменные документы (накладные, справки, акты ревизий, выписки из приказов, характеристики и т.п.)» [53, с. 35].

Некоторые авторы полагают, что в соответствии со ст. 144 УПК РФ истребованию подлежат только письменные документы. В частности, все материалы, истребуемые в ходе проверки, подразделяются ими на группы:

- непосредственно связанные с преступным событием, например, документы со следами подчисток, подделок;
- устанавливающие обстоятельства, о которых сообщалось в заявлении или сообщении (справки о причинении материального ущерба, телесных повреждений и т.д.);
- материалы различного рода проверок. К ним могут относиться материалы об административных правонарушениях, акты ревизий, контрольных закупок [343, с. 30].

Несмотря на то что документы со следами подчисток обладают признаками вещественных доказательств и, казалось бы, максимально приближают нас к понятию «предметы», которым пользуется законодатель в ст. 81 УПК РФ «Вещественные доказательства», данные юристы не усматривают в праве на истребование материалов дозволение приобщать к производству иные предметы, вещи.

В правовой литературе среди способов проверки заявлений и сообщений о преступлениях называется «истребование от организаций и отдельных граждан документов» [273, с. 204].

Вышеназванные авторы, видимо, убеждены в том, что законодатель предусматривает возможность истребовать только письменные документы, и даже не пытаются объяснить замену термина.

В других литературных источниках чётко указывается, что по инициативе органов дознания, прокуратуры, следствия и суда могут быть истребованы не только документы, но и вещи, предметы [89, с. 78; 163, с. 66; 342, с. 49].

В комментарии к уголовно-процессуальному кодексу РСФСР не содержалось чётких разъяснений на этот счёт, в нём упоминалось об истребовании предметов и документов [204, с. 213].

Анализ ряда правовых предписаний, заключённых в некоторых статьях УПК РФ, позволяет прийти к выводу, что используемый законодателем термин «материалы» носит собирательный характер и включает в себя как письменные документы, так и иные материальные объекты (предметы, вещества).

По мнению В.В. Николук, В.В. Кальницкого и В.Г. Шаламова, под термином «материалы» понимаются не только письменные документы, но и предметы [209, с. 10]. Данный вывод вытекает из анализа закона. В соответствии с ч. 2 ст. 86 УПК РФ подозреваемый, обвиняемый, а также потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители вправе собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательства. Здесь законодатель уже чётко указал, что представляются как письменные документы, так и предметы. Аналогичным образом законодатель поступает и в других случаях, указывая, например, на изъятие предметов и документов при выемке и обыске, их осмотре. Логично предположить, что если бы в ст. 144 УПК РФ под материалами имелись в виду только документы, то именно этот термин и был бы использован. Например, термин «материалы» употребляется в ч. 1 ст. 199 УПК РФ, где речь идёт об обязанности следователя предоставить в распоряжение эксперта, которому поручено

производство экспертизы, соответствующие материалы. Безусловно, что ими чаще являются не только документы, но и предметы, вещества.

Недостаточно конкретна и попытка законодателя очертить круг материалов, могущих быть истребованными в порядке ст. 144 УПК РФ. Законодатель использовал для этого широко применяемую в УПК ссылку на необходимость данных материалов. В русском языке слово «необходимый» означает «такой, без которого нельзя обойтись» [211, с. 348], т.е. набор средств, приёмов, предметов, сведений, без которых невозможно выполнить поставленную задачу, но не сверх того. В противном случае будет иметь место превышение предоставленных полномочий, нередко сопряжённое с нарушением прав граждан. Задачей стадии возбуждения уголовного дела является установление наличия или отсутствия в деянии признаков преступления, а также обстоятельств, исключающих производство по делу. Они в своей совокупности образуют основания к возбуждению или отказу в возбуждении уголовного дела. Поэтому точными следует признать рекомендации, содержащиеся в Комментариях к УПК, где отмечается, что истребование материалов, как и выполнение других проверочных действий, должно быть строго ограничено установлением основания к возбуждению дела или обстоятельств, свидетельствующих об отсутствии таких оснований.

Заранее трудно исчерпывающим образом определить перечень документов или предметов, которые необходимы для того, чтобы признать решения о возбуждении уголовного дела или об отказе в нём обоснованными. Это зависит от характера исследуемого события, своевременности производства уголовно-процессуальной проверки, поведения правонарушителя.

Ведомственными актами (инструкциями, положениями, приказами), которые приняты в связи с действующим законодательством, предписывается истребовать конкретные материалы в целях правильного разрешения заявлений и сообщений о преступлениях. Игнорирование или незнание этого приводит к ошибкам, нарушениям и ущемлениям прав, интересов граждан, учреждений и организаций.

По фактам причинения гражданам телесных повреждений орган дознания, следователь, прокурор, суд истребуют материалы, необходимые для определения степени их тяжести. Поскольку до возбуждения уголовного дела производство экспертизы законом не разрешено, постольку согласно инструкции по организации и производству экспертных исследований в бюро судебно-медицинской экспертизы, утверждённой приказом № 161 от 24.04.2003 Минздрава России, могут производиться судебно-медицинские исследования и освидетельствования с целью выявления признаков преступления. Результаты исследования оформляются актом. Именно этот документ и должен быть истребован в порядке ст. 144 УПК РФ для правильной оценки проверяемого события. Иначе принятое решение может оказаться незаконным.

Отсутствует единообразие и в решении очень важного с точки зрения соблюдения законности вопроса о том, обеспечивается ли истребование материалов государственным принуждением.

В литературе указывается на принудительный характер истребования материалов в порядке ст. 144 УПК РФ. «Требования органов, правомочных решать вопрос о возбуждении уголовного дела, с предоставлением необходимых им материалов обязательны для всех должностных лиц и граждан, кроме случаев, специально предусмотренных в законе» [53, с. 35].

В других источниках прямо не указывается на принудительный характер истребования материалов. Тем не менее отмечается, что наряду с представлением предметов заявителем о преступлении и иными лицами они могут быть истребованы по инициативе органов дознания, следствия, прокуратуры и суда [163, с. 66].

Имеются и противоположные мнения по этому вопросу. Так, В.В. Степанов полагает, что при невыполнении требования в порядке ст. 144 УПК РФ о направлении интересующих документов следователь не располагает какими-либо процессуальными мерами принуждения. С его точки зрения, этот пробел в законе нуждается в устранении [286, с. 79].

На наш взгляд, истребование материалов в стадии возбуждения уголовного дела не может носить принудительного характера. Оно предполагает согласие владельца на их передачу органу дознания, следователю, прокурору. Когда изъятие предметов или документов осуществляется принудительно посредством обыска или выемки, тогда об этом прямо указывается в законе (ст. 182 – 184 УПК РФ). В ст. 144 УПК РФ подобное предписание не содержится, поскольку уголовное дело ещё не возбуждено и расследование не ведётся. Можно считать закон в анализируемой части несовершенным, не способствующим закреплению признаков преступления. Однако закон есть закон. Принудительное, против воли владельцев изъятие у них предметов и документов до возбуждения уголовного дела представляет собой превышение предоставленных законом полномочий.

В процессе истребования материалов необходимо ориентироваться на сугубо добровольный порядок передачи документов и предметов. В противном случае рекомендации о том, что «нельзя решить вопрос о возбуждении уголовного дела по ст. 228 УК РФ, если не истребовано наркотическое вещество и к тому же если не установлено, что оно наркотическое» [342, с. 49–50], вступят в противоречие с судебной практикой, которая не признаёт такие фактические данные доказательствами.

Принудительное изъятие документов, предметов и других материалов можно осуществлять до возбуждения уголовного дела лишь в рамках осмотра места происшествия (ст. 176 УПК РФ) либо в процессе административной деятельности (27.7 – 27.10 Кодекса РФ об административных правонарушениях). Но и для этого надлежит соблюдать ряд условий.

Возможности такого следственного действия, как осмотр места происшествия, ограничены. Во-первых, до возбуждения уголовного дела согласно ч. 2 ст. 176 УПК РФ разрешается производить только осмотр места происшествия (но не помещения, если оно не является местом происшествия), да и то в случаях, не терпящих отлагательства. Во-вторых, понятие места происшествия не подлежит произвольному толкованию, оно означает исключительно место, где произошло исследуемое событие (преступление, несчастный случай). Чтобы осмотреть место происшествия, надо располагать сведениями о нём. В противном случае оснований для производства этого следственного действия нет. Однако достаточно часто можно только предположить, что у лица или в его жилище находятся предметы, документы, указывающие на признаки преступления. В подобных ситуациях проводить осмотр места происшествия для обнаружения самого происшествия нельзя, и это не подразумевается ст. 176 УПК РФ. В-третьих, осмотр не распространяется на живых лиц, а для осмотра помещений,

не являющихся местом происшествия, требуется получение согласия владельца помещения либо руководителя, в чьём ведении находится подлежащее осмотру помещение.

Далеко не всегда работник милиции может прибегнуть и к административно-правовым нормам. Использовать административное законодательство, в частности ст. 27.7 – 27.10 Кодекса РФ об административных правонарушениях, предусматривающие соответственно производство личного досмотра и досмотра вещей, изъятие вещей и документов, для закрепления признаков преступления и предупреждения возможной утраты доказательств правомерно. Вместе с тем, в ст. 27.10 Кодекса РФ об административных правонарушениях записано, что изъятие производится при задержании, личном досмотре и досмотре вещей, а также в иных, предусмотренных этой статьёй случаях, квалифицируемых как административные правонарушения, а не преступления. Упоминание ст. 27.10 Кодекса РФ об административных правонарушениях в протоколе изъятия, например, похищенного личного имущества граждан, иных предметов преступного посягательства или орудий преступления не изменяет ситуации по существу: данные действия не санкционированы законом.

И всё же нередко признаки преступления, сходного с административным правонарушением, усматриваются в материалах, собранных в ходе административного производства, в рамках которого правомерно изъятие предметов, документов. На практике встречаются случаи, когда имеющиеся первоначальные фактические данные не позволяют чётко разграничить административно и уголовно наказуемые деяния. Примером может служить незаконное приобретение или хранение наркотических средств без назначения врача. До изъятия наркотических средств определить их количество или установить в момент задержания правонарушителя, совершил он это деяние повторно или нет, затруднительно. Однако от этого зависит правовая природа действий работников милиции: носят ли они административно- или уголовно-процессуальный характер. В таких ситуациях допустимо и необходимо пользоваться административным законодательством как наиболее полно регламентирующим данные общественные отношения.

Во всех остальных случаях истребование из учреждений и у граждан предметов и документов становится фактически возможным при согласии владельцев выдать требуемое. Такова законодательная конструкция института истребования материалов в стадии возбуждения уголовного дела. Ни в ст. 144, ни в других статьях гл. 19 УПК РФ закон не предусмотрел обязанности государственных органов, общественных организаций и граждан выполнять требования следователя, дознавателя, корреспондирующих органам уголовного судопроизводства на истребование материалов. Такая обязанность лежит на государственных органах, общественных организациях и гражданах, если адресованное им в порядке ст. 144 УПК РФ требование исходит от прокурора или судьи. Федеральный закон от 17 января 1992 г. «О прокуратуре Российской Федерации» (ст. 6)¹⁰, Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 г. «О статусе судей в РФ» (ст. 1)¹¹ обязывают выполнять требования прокуроров и судей, связанные с осуществлением прокурорской или судебной деятельности. Однако, в принципе, это ничего не меняет, поскольку при отказе должностного лица или гражданина выдать истребованные у них материалы, касающиеся преступления, они принудительно могут быть получены лишь после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела и только в рамках обыска, выемки или изъятия образцов для сравнительного исследования.

Закон не регулирует правовую основу проверки заявлений и сообщений о преступлениях, и в условиях дефицита правовых средств юристам приходится прибегать к их расширенному толкованию.

Действительно, вряд ли откажешь в логике работникам органов дознания, стремящимся в ходе проверочных действий в порядке ст. 144 УПК РФ получить, например, письменную справку специалиста о том, что изъятый у лица в соответствии со ст. 27.10 Кодекса РФ об административных правонарушениях нож или иной предмет считается холодным оружием или не относится к таковому.

Здесь следует иметь в виду, что получение образцов и проведение специальных исследований в стадии возбуждения уголовного дела должно быть подчинено цели установления наличия или отсутствия признаков преступления. Если же подобные действия проводятся для проверки причастности конкретного лица к деянию, криминальный характер которого очевиден, т.е. для определения судебной перспективы уголовного дела в случае его возбуждения, то такие действия нельзя признать законными. Например, получение у лица отпечатков пальцев при проверке фактов кражи чужого имущества не связано с установлением оснований к возбуждению уголовного дела и поэтому недопустимо.

Таким образом, требование закона возбуждать уголовные дела только при наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления (ч. 2 ст. 140 УПК РФ), и предоставленное в этой связи должностным лицам органов уголовного судопроизводства право на «истребование необходимых материалов» вполне закономерно привело к тому, что как в теории, так и на практике термин «истребование» интерпретируется как возможность требовать не только уже имеющиеся в распоряжении учреждения, общественной организации, гражданина предметы и документы, но и поручать соответствующим органам производство специальных исследований с представлением актов, справок.

Итак, с учётом изложенного под правом на истребование материалов следует понимать право требовать от администрации предприятий, организаций, учреждений, должностных лиц и граждан представление прокурору, следователю, дознавателю документов, предметов и иных материалов, которые могут служить установлению признаков преступления и закреплению его следов. Истребование возможно также в виде принятия добровольно переданных материалов и приобщения их к процессуальному производству.

Процессуальному порядку истребования материалов в стадии возбуждения уголовного дела закон фактически не уделил внимания. В литературе обоснованно отмечается, что закон не определяет конкретных условий, при которых необходимо и возможно истребование материалов. В нём нет норм, регламентирующих круг участников данного проверочного действия, их прав и обязанностей, несмотря на то что при этом возможно вторжение органов следствия и дознания в сферу личных интересов потенциальных свидетелей, потерпевших и обвиняемых [186, с. 49]. В литературе подчёркивается также, что и на практике этот вопрос решается по-разному [286, с. 78]. Имеет место составление протоколов

¹⁰ Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

¹¹ Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 30. Ст. 1792; 1993 № 17. Ст. 606; Собрание законодательства. 1995. № 26. Ст. 2399.

или актов изъятия, обнаружения, истребования, добровольной выдачи, осмотра места происшествия и даже проведение обыска без возбуждения уголовного дела.

По мнению В.В. Степанова, истребование документов, в которых находит отражение хозяйственно-оперативная производственная деятельность организации, возможно лишь путём направления соответствующего запроса на имя руководителя организации, правомочного выполнить требования. Иные документы могут быть получены без направления специального документа. Если в ходе изучения документов возникает надобность в их изъятии, то перечень документов, изымаемых следователем, должен содержаться в справке, составляемой лицом, которое их изымает. Справка должна быть составлена в двух экземплярах, один из которых остаётся в организации. Автор обращает внимание также на недопустимость составления протокола выемки или изъятия, потому что до возбуждения уголовного дела эти действия проводить нельзя [286, с. 80].

Аналогичный порядок истребования материалов (запрос – справка или акт) считает оптимальным и Н.Г. Шурухнов. Он полагает, что факт передачи материалов недопустимо оформлять как «протокол изъятия», «протокол добровольной выдачи», «протокол истребования материалов», «протокол обнаружения», поскольку употребление такого термина, как «протокол», «ассоциируется с проведением следственного действия, результаты которого отражаются в протоколе» [342, с. 51].

Бедняков Д.И., напротив, считает, что о представлении предметов и документов в стадии возбуждения уголовного дела должен быть составлен протокол. В соответствии с этим он предлагает дополнить уголовно-процессуальное законодательство [46, с. 40].

По мнению В.Н. Григорьева, в подобных ситуациях и в рамках действующего закона целесообразно составлять протокол получения истребованных предметов (документов) или протокол принятия представленных предметов (документов), в которых в присутствии понятых отражать обстоятельства, имеющие значение для дела [89, с. 78–79].

Федоров В.И. считает, что в случаях предоставления заявителем, очевидцем преступления каких-либо документов или предметов следует составлять протокол принятия предмета или документа [316, с. 114].

Форма истребования материалов, на наш взгляд, должна быть следующей. Запрос в учреждение, организацию о предоставлении материалов всегда должен быть письменным и исходить от руководителя органа дознания, руководителя следственного органа, следователя. Копия такого запроса приобщается к материалам проверки для подтверждения фактически произведённых проверочных действий.

Закрепление факта и условий передачи (получения) истребованных материалов. Думается, что факт и условия передачи (получения) истребованных материалов надлежит процессуально оформить актом «Представления истребованных материалов», содержание которого будут составлять сведения, касающиеся:

- должностного лица, истребующего материал, времени и места его истребования;
- граждан, если они присутствуют при истребовании материалов;
- лица, у которого истребуются материалы;
- самих материалов, полученных должностным лицом ОВД (места нахождения объекта, его состояния, индивидуализирующих признаков, объёма, размера, веса);
- использованных технических средств (фотоаппарата, весов и др.);
- упаковки материалов.

Акт подписывается лицом, от которого получены истребованные материалы, должностным лицом, составившим протокол, а если при истребовании присутствовали приглашённые для этого граждане, то и ими также. При отказе лица, у которого истребованы материалы, подписать акт, в нём делается об этом отметка. Копия акта вручается лицу, во владении или распоряжении которого находились истребованные материалы.

В заключение необходимо подчеркнуть, что законодательная конструкция способов уголовно-процессуальной проверки заявлений и сообщений о преступлениях, фиксации выявленных признаков преступлений не отвечает интересам правоохранительных органов и не способствует надлежащей охране прав граждан.

В условиях значительной загруженности оперативных и следственных аппаратов органов внутренних дел практическим работникам нужны чёткие, недвусмысленные предписания законодателя о том, что и как делать. Из-за несовершенства редакции ст. 144 УПК РФ в равной степени страдают как представители органов власти, так и граждане. Нет никаких сомнений в том, что в данную статью необходимо внести ряд изменений:

а) расшифровать термин «материалы», указав на право руководителя следственного органа, следователя, органа дознания и дознавателя истребовать предметы и документы;

б) в целях унификации процессуального порядка истребования материалов в стадии рассмотрения и разрешения поступивших сообщений о преступлении надлежит предусмотреть, что об истребовании предметов и документов, которые могут быть признаны вещественными доказательствами по уголовному делу, составляется акт (возможно и другое название этого документа);

в) следует прямо указать на возможность проведения необходимых специальных предварительных исследований, которые в настоящее время регламентированы ведомственными нормативными актами.

2.2. Производство документальных проверок и ревизий

Кроме истребования материалов в ходе проверки заявлений и сообщений о преступлениях российское уголовно-процессуальное законодательство предусматривает производство документальных проверок и ревизий (ч. 1 ст. 144 УПК РФ).

Материалы ревизии являются объектом изучения во время предварительной проверки в двух случаях: 1) когда ревизия проводилась до предварительной проверки при отсутствии предложения следственных органов; 2) когда ревизия назначалась по требованию следственных органов.

В первом случае материалы ревизии представляются в следственные органы совместно с иными материалами. Ряд неясных вопросов возникает по поводу назначения ревизии по предложению лица, осуществляющего проверку [11].

В данное время в условиях рыночной экономики правоохранительные органы на первоначальном этапе расследования по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 160 УК (присвоение или растрата), ст. 173 УК (лжепредпринимательство), ст. 174 УК (легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретённых другими лицами преступным путём), остро нуждаются в глубоком анализе финансово-хозяйственной деятельности организации, где совершено преступление. Проведение такого анализа следователь может поручить на основании ч. 1 ст. 144 УПК РФ ревизору – лицу, обладающему специальными финансово-экономическими познаниями.

Функции государственного контрольно-ревизионного аппарата в части решения указанных задач сейчас отошли отчасти к контрольным подразделениям системы Министерства финансов РФ, а в основной своей массе к налоговым органам.

Указом Президента Российской Федерации от 3 марта 1998 г. № 224 «Об обеспечении взаимодействия государственных органов в борьбе с правонарушениями в сфере экономики» на Министерство финансов РФ и Министерство по налогам и сборам РФ [92, с. 130] была возложена обязанность не только своевременно информировать соответствующие органы прокуратуры о выявленных правонарушениях в сфере экономики, но и неукоснительно исполнять требования правоохранительных органов о выделении своих специалистов для участия в производстве ревизий по уголовным делам.¹²

Что касается проведения ревизий в негосударственных организациях, то единые подходы к их организации на практике складывались годами, начиная с 1998 года. Для проведения ревизий можно привлекать как сотрудников контрольно-ревизионного аппарата указанных выше органов государственного управления, так и аудиторов (аудиторские фирмы). Возлагать обязанности по проверке финансово-хозяйственной деятельности самой организации на её ревизионные комиссии (ревизоров) нельзя. В настоящее время по поручению правоохранительных органов возможно проведение ревизии аудитором (аудиторской фирмой) [169, с. 8 – 12].

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 119-ФЗ «Об аудиторской деятельности» аудиторская деятельность, аудит – предпринимательская деятельность по независимой проверке бухгалтерского учёта и финансовой (бухгалтерской) отчётности организаций и индивидуальных предпринимателей.¹³

В теоретическом плане ведется спор по вопросу о сущности и природе ревизии, осуществляемой по требованию следственных органов. В литературе по этому поводу высказаны различные мнения.

Одни авторы рассматривают ревизию в качестве процессуального действия [114, с. 102 – 104], другие как институт административного права [213, с. 247 – 255; 219, с. 60 – 62; 259, с. 12 – 15; 297, с. 317].

Безусловно, ревизия представляет собой институт административного права. Между тем, это не исключает необходимости исследовать природу ревизии, о которой имеется указание в ч. 1 ст. 144 УПК РФ.

Не отрицая правовой общности ревизий, назначаемых в плановом порядке и по требованию следственных органов, нельзя игнорировать и их определённые отличия, обусловленные, главным образом, целями ревизии, объектом проверки и т.д. [394, с. 8 – 10].

Эти различия обусловлены процессуальным характером ревизии, назначаемой при расследовании преступлений, в связи с чем последняя приобретает определённую специфику.

При решении рассматриваемого вопроса следует исходить из того, что получение доказательств из источников, предусмотренных УПК, не может не носить процессуального характера. Неслучайно в ст. 74 УПК РФ отмечается, что доказательствами по уголовному делу могут быть любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определённом законом устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Бесспорно, процессуальная природа ревизии, назначаемой следователем, не превращает её в следственное действие [218, с. 178].

Важнейшим условием следственного действия является непосредственное его осуществление лицом, расследующим дело, или возможность участия в его производстве, специально предусмотренная законодателем (ст. 197 УПК РФ).

Исходя из этого, ревизия может рассматриваться как один из способов собирания доказательств. С учётом классификации источников доказательств, данной законом, материалы ревизии должны быть отнесены к «иным документам», с помощью которых устанавливаются интересующие фактические данные (ст. 74 УПК РФ).

Выяснение процессуальной природы ревизии, её места в системе источников доказательств, не до конца раскрывают её сущность в уголовном процессе.

На наш взгляд, ревизия, назначаемая в порядке ст. 86, ч. 1 ст. 144 УПК РФ, представляет собой особую, специфическую форму использования в ходе расследования специалистов в области учёта, отчётности и т. д., то есть является своеобразной формой использования специальных познаний.

Зуйков Г.Г. рассматривает ревизоров в качестве специалистов [158, с. 116]. На особенность ревизии как способа собирания доказательств с использованием специальных познаний обращал внимание В.Г. Танасевич [294, с. 9].

Действующее уголовно-процессуальное законодательство в ст. 58 регламентирует, что специалист – это лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном законом, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию.

¹² Российская газета, 1998, 5 марта.

¹³ Булгакова Л.И. Аудит в России: механизм правового регулирования.

На практике специалисты участвуют не только в ходе расследования преступлений, но и при проверке заявлений и сообщений о преступлениях, о чём прямо указано в ч. 1 ст. 144 УПК РФ – для производства документальных проверок и ревизий привлекаются специалисты. Это и является одной из форм участия.

Мы согласны с В.Г. Танасевичем, который, проводя различия между обычной документальной ревизией и ревизией, назначаемой в связи с уголовным делом, указывает на то, что первый род ревизий является одним из методов управления хозяйством, а второй, применяемый следователем при расследовании уголовного дела, способом собирания доказательств [268, с. 92].

Принципиальное различие ревизии, как формы использования специальных познаний, от привлечения специалиста в порядке ч. 1 ст. 144 УПК РФ заключается в том, что в первом случае ревизор, исследуя по документам хозяйственную деятельность организации, свои выводы излагает в письменной форме в виде акта ревизии; а специалист составляет письменное заключение, т.е. суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами (ч. 3 ст. 80 УПК РФ). Специалисту в порядке ст. 58 УПК РФ разъясняются права и обязанности; а в отношении ревизоров, как показывает практика, это не делается. Специалист несет ответственность, предусмотренную в ч. 4 ст. 58 УПК РФ; на ревизора эти положения не распространяются. Деятельность специалиста непосредственно связана с деятельностью следователя, осуществляющего процессуальное или следственное действие, а деятельность ревизора протекает самостоятельно, вне следственного действия, учитывая, что ревизия не является таковым.

В связи с изложенным, возникает необходимость в дальнейшем совершенствовании норм, регламентирующих участие специалистов в уголовном процессе, в частности, в направлении: а) отражения в действующем законодательстве всех форм участия специалистов, в том числе участия ревизора; б) достаточно полной регламентации всех вопросов, вытекающих из своеобразия форм их участия.

Закон предусматривает ревизию в качестве средства (способа) собирания доказательств. Однако он не регламентирует процессуальные вопросы, связанные с её назначением. Ссылка многих авторов на то, что ревизия – это институт административного права, не решает проблемы, не вносит ясности, не способствует единообразному применению этого института в уголовном процессе.

Представляется, что природа ревизии, не изменяется в зависимости от того, назначается ли она до возбуждения уголовного дела или после такового, как полагают некоторые авторы [158, с. 117].

Вместе с тем порядок назначения ревизии по требованию следственных органов, по мнению В.В. Степанова, в этих случаях должен быть различным. В процессе расследования, осуществляемого в точно установленном законом порядке, решения следователя в случаях, когда это необходимо, должны быть выражены в определённой процессуальной форме – постановлении. Во время предварительной проверки постановление выносится лишь в предусмотренных законом случаях: при отказе в возбуждении уголовного дела или при возбуждении уголовного дела.

Степанов В.В. считает, что решение проверяющего о проведении ревизии в ходе предварительной проверки не может быть облечено в форму постановления. В этих случаях требование о производстве ревизии должно быть выражено в отношении (письме), направляемом должностным лицам организаций, учреждений, предприятий. После возбуждения уголовного дела решение следователя должно оформляться постановлением в соответствии с п. 25 ст. 5 УПК РФ.

В отношении, направляемом на имя руководителя учреждения, следует указать обстоятельства, побудившие назначить ревизию, вопросы, которые необходимо разрешить, срок окончания ревизии. Для правильного определения задания целесообразно проконсультироваться со специалистами. Было бы правильным в отношении указывать, что ревизия производится в соответствии со ст. 144 УПК РФ [286, с. 88–89].

Танасевич В.Г. считает, что во всех случаях должно быть вынесено постановление [268, с. 91 – 94].

Мы разделяем данное мнение, поскольку на практике между волеизъявлением следователя и реальным проведением ревизии возникают порой различные препятствия, в том числе нежелание руководителей организаций, учреждений и предприятий назначать ревизию материально ответственных лиц, подвергать проверке и контролю для следственных органов свою производственную и финансово-хозяйственную деятельность. При этом они ссылаются, как правило, на то, что это ими делается на надлежащем уровне в ведомственном порядке. Однако престиж ведомственного контроля не очень высок.

В уголовно-процессуальном кодексе необходимо закрепить право органа дознания, дознавателя, руководителя СО и следователя назначать ревизию на основании вынесенного ими постановления, и оно должно быть обязательно для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами.

В постановлении о назначении ревизии следователю необходимо указать:

- а) процессуальное основание ревизии (ст. 144 УПК РФ);
- б) организацию или лицо, деятельность которой (которого) подлежит ревизионной проверке;
- в) подлежащий проверке период деятельности организации или определённого лица;
- г) задачи ревизии; срок проведения;
- д) лиц, которых необходимо привлечь к участию в ревизии;
- е) допустимость и порядок обращений ревизоров с запросами в другие организации и встречных проверок.

По таким преступлениям, как уклонение граждан от уплаты налога (ст. 198 УК РФ) и уклонение организаций от уплаты налогов (ст. 199 УК РФ) следователь выносит постановление о проведении документальной налоговой проверки в соответствии со ст. 144 УПК РФ.

По мнению М.В. Савельевой и А.Б. Смушкина, особенностями расследования налоговых преступлений являются сложный многокомпонентный анализ бухгалтерских документов, налоговых деклараций и других отчетных документов, необходимость привлечения соответствующих специалистов (взаимодействия с ревизорами, аудиторами, налоговыми инспекторами и экспертами) и владения специальной терминологией, а также нормативно-правовой базой налоговой сферы.

В частности, при расследовании налоговых преступлений необходимо разграничение понятия налогоплательщик (плательщик сбора) и субъект преступления, так как в ряде случаев эти категории не совпадают.

Для налоговых преступлений нетипично создание больших преступных групп, как правило, это два-три человека: руководитель, его заместитель и бухгалтер, либо руководитель, директор своей, «подставной» фирмы и бухгалтер. В отдельных случаях в крупных фирмах и концернах в преступную деятельность может быть вовлечено большее количество лиц с учётом численности руководящего состава и бухгалтерии и объёма укрываемой налогооблагаемой базы.

Проверка информации о совершении налогового преступления организуется в тесном сотрудничестве и взаимодействии с сотрудниками (служащими) налоговых органов, которые регламентированы соответствующими ведомственными приказами и инструкциями: приказ от 31 мая 2007 г. № ММ-3-06/338@ «Об утверждении форм документов, используемых налоговыми органами при реализации своих полномочий в отношениях, регулируемых законодательством о налогах и сборах»; Инструкция о порядке направления материалов налоговыми органами в органы внутренних дел при выявлении обстоятельств, позволяющих предполагать совершение нарушения законодательства о налогах и сборах, содержащего признаки преступления (утв. приказом МВД России и МНС РФ от 22 января 2004 г. № 76/АС-3-06/37).

Если в течение двух месяцев со дня истечения срока исполнения требования об уплате налога (сбора) налогоплательщик (плательщик сбора) полностью не погасил указанную в данном требовании недоимку, размеры которой позволяют предполагать факт совершения нарушения законодательства о налогах и сборах, содержащего признаки преступления, налоговые органы обязаны в течение 10 дней со дня выявления указанных обстоятельств направить материалы в органы внутренних дел для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Аналізу также подлежат рапорты оперативных сотрудников об обнаружении признаков преступления с приложением актов проверок, проведённых налоговыми инспекторами, находящимися в штате налоговых органов, специалистами в сфере налогообложения, находящимися в штате органов внутренних дел, либо независимыми специалистами (бухгалтерами и аудиторами), которые привлекались в качестве специалистов при производстве оперативно-розыскных мероприятий.

На этапе проверки работники органов внутренних дел должны установить сведения о местонахождении предметов и документов, которые могут стать вещественными доказательствами; о любых других фактах и обстоятельствах, имеющих значение для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, с учётом возможности в необходимых случаях обеспечения последующего наложения ареста на имущество.

Следователь получает от налогового органа и тщательно анализирует следующие документы: акт выездной налоговой проверки с приложениями в случае проведения выездной налоговой проверки; копию возражений по акту выездной налоговой проверки (при их наличии); копию решения о привлечении (об отказе в привлечении) налогоплательщика (плательщика сбора, налогового агента) к налоговой ответственности за совершение налогового правонарушения; при обжаловании принятого решения – копии жалоб, копии ответов на жалобы, а при наличии судебного разбирательства – копии судебных решений (определений); копии объяснений физического лица по фактам налоговых правонарушений, выявленных в ходе проверки (при отсутствии письменных возражений по акту выездной налоговой проверки); документы, содержащие сведения о том, в каком порядке и в какие сроки физическое лицо должно было представить налоговому органу налоговую декларацию; копию налоговой декларации, а также копии документов, на основании которых можно сделать вывод о включении физическим лицом в налоговую декларацию заведомо ложных сведений; справку о том, за какие отчётные периоды, по каким видам налогов и (или) сборов выявлены факты неуплаты их физическим лицом (с разбивкой сумм доначисленных налогов и (или) сборов по периодам платежей и с указанием доли неуплаченных налогов и (или) сборов в общей сумме налогов и (или) сборов, подлежащих уплате), а в случае погашения физическим лицом недоимки по налогам и (или) сборам, уплаты пени, налоговых санкций по выявленным в ходе проверки фактам налоговых правонарушений – справку об уплаченных суммах.

При выявлении в ходе проведения налоговых проверок обстоятельств, позволяющих предполагать совершение нарушений законодательства о налогах и сборах, содержащих признаки преступления, предусмотренные ст. 199 УК РФ, помимо отдельных вышеуказанных документов, в стадии проверки этой информации необходимо анализировать и заверенные копии налоговых деклараций, бухгалтерских балансов, отчётов и иных документов, подтверждающих факты неуплаты налогов и (или) сборов; копии приказов о назначении на должность лиц, ответственных за финансово-хозяйственную деятельность организации в проверяемом периоде, и материалов о привлечении их к административной ответственности (если привлекались); копии объяснений должностных лиц организации по фактам налоговых правонарушений, выявленных в ходе проверки (при отсутствии письменных возражений по акту выездной налоговой проверки); справки о том, за какие отчётные периоды, по каким видам налогов и (или) сборов выявлены факты их неуплаты организацией (с разбивкой сумм доначисленных налогов и (или) сборов по периодам платежей и с указанием доли неуплаченных налогов и (или) сборов в общей сумме налогов и (или) сборов, подлежащих уплате), а в случае погашения организацией недоимки по налогам и (или) сборам, уплаты пени, налоговых санкций по выявленным в ходе проверки фактам налоговых правонарушений – справки об уплаченных суммах [247, с. 202].

Закон предусматривает возможность истребования необходимых материалов в ходе проверки. Круг этих материалов законодателем не ограничен. Материалы ревизии можно отнести к группе иных документов (ст. 74 УПК РФ). Поэтому назначение ревизии при проведении проверки как способ истребования необходимых документов не противоречит закону. Вместе с тем во избежание различного подхода к назначению ревизии и необходимостью единообразной практики её назначения необходимо предусмотреть в УПК РФ возможность проведения ревизии как способа собирания интересующих данных и порядок её назначения.

Кучеров И.И. считает, что хотя ревизия долгое время являлась основным способом выявления хищений и иных злоупотреблений на государственных предприятиях, в настоящее время она как форма применения экономических знаний в расследовании преступлений (особенно налоговых), себя практически изжила, так как упразднены контролирующие органы, на которые ранее возлагалось проведение документальных ревизий [167, с. 142]. В настоящее время обязанности по

осуществлению контроля за деятельностью хозяйствующих субъектов несут специализированные налоговые, таможенные, валютные и другие государственные органы.

По результатам документальных проверок, проводимых налоговыми органами, составляются не акты ревизий, а акты проверок соблюдения налогового законодательства. И ревизионные, и документальные проверки налоговых инспекций являются не процессуальными действиями контролирующих органов, по результатам которых составляются соответствующие акты. Возможность проведения документальной проверки по поручению следователя закреплена в ч. 1 ст. 144 УПК РФ.

К сожалению, акты документальных проверок, проводимых налоговой инспекцией, не соответствуют предъявляемым к ним требованиям, отличаются неполнотой сведений и содержат ошибки [167, с. 143].

Проведение ревизии занимает нередко продолжительное время, а максимальный срок проверки в данном случае 30 суток, в связи с этим проверяющий должен серьезно продумать вопрос о том, действительно ли необходима ревизия, нельзя ли получить необходимую для решения вопроса информацию другим путём, в частности, путём назначения инвентаризации.

Инвентаризация есть установление фактических остатков товарно-материальных и денежных средств, а также всех расчётов учреждения, предприятия, организации. Она является, как правило, частью документальной ревизии. При проведении её имеется возможность проверить, как обеспечены сохранность и правильность хранения ценностей, нет ли недостатков, излишков, неполноценных и залежалых товаров и т.п. Однако при проведении предварительной проверки инвентаризация нередко имеет самостоятельное значение. Это связано, прежде всего, с тем, что её проведение может обеспечить более быстрое получение сведений, из которых могут усматриваться признаки преступления.

Проведение инвентаризации обязательно при выявлении фактов хищения, злоупотребления или порчи имущества (п. 4 ч. 2 ст. 12 Федерального Закона № 129 ФЗ «О бухгалтерском учёте» от 21.11.1996 г.) [13].

Инвентаризация складывается из нескольких этапов.

Первый этап – подготовительная работа. На нём у лиц, ответственных за сохранность ценностей, отбираются расписки о том, что все документы, относящиеся к приходу – расходу ценностей, сданы в бухгалтерию и никаких не оприходованных или списанных в расход ценностей у них нет. Аналогичные расписки отбираются у лиц, имеющих подотчётные суммы.

Второй – выявление, подсчёт и описание материальных средств в натуре путём составления специальных инвентаризационных ведомостей или описей (эта работа называется «снятием остатков»).

Третий – оценка выявленных, подсчитанных и описанных средств в их первоначальной или изменённой стоимости (в связи с ухудшением качества отдельных видов материальных средств или их переоценкой).

Четвёртый – определение расхождений между выявленными остатками в натуре и остатками, значащимися по счетам бухгалтерского учёта.

Инвентаризация проводится, как правило, по месту нахождения имущества. Основные цели инвентаризации: выявление фактического наличия имущества; сопоставление фактического наличия имущества с данными бухгалтерского учёта; проверка полноты отражения в учёте обязательств. В состав инвентаризационной комиссии обязательно должны включаться представители администрации организации, работники бухгалтерской службы и другие специалисты (инженеры, экономисты, техники). Желательно участие сотрудников отделов (управлений) по борьбе с экономическими преступлениями органов внутренних дел.

До начала проверки фактического наличия имущества инвентаризационной комиссии надлежит получить последние на момент инвентаризации приходные и расходные документы или отчёты о движении материальных ценностей или денежных средств. Председатель инвентаризационной комиссии визирует все приходные и расходные документы, приложенные к реестрам (отчётам), с указанием «до инвентаризации на "_____" (дата)», что должно служить бухгалтерии основанием для определения остатков имущества к началу инвентаризации по учётным данным. Материально ответственные лица должны дать расписки о том, что к началу инвентаризации все расходные и приходные документы на имущество сданы в бухгалтерию или переданы комиссии, и все ценности, поступившие на их ответственность, оприходованы, а выбывшие списаны в расход. Сведения о фактическом наличии имущества записываются в инвентаризационные описи или акты инвентаризации не менее чем в двух экземплярах.

Фактическое наличие имущества при инвентаризации определяют путём обязательного подсчёта, взвешивания, обмера. Руководитель организации должен создать условия, обеспечивающие полноту и точную проверку фактического наличия имущества в установленные сроки (обеспечить рабочей силой для перевешивания и перемещения грузов, технически исправными весовыми, измерительными и контрольными приборами, мерной тарой). Акты обмеров, технические расчёты и ведомости отвесов прилагаются к описи.

Инвентаризационные описи могут быть заполнены как с использованием средств вычислительной и другой оргтехники, так и ручным способом. Описи заполняются чернилами или шариковой ручкой чётко и ясно, без помарок и подчисток. Наименования инвентаризируемых ценностей и объектов, их количество указывают в описях по номенклатуре и в единицах измерения, принятых в учёте. На каждой странице описи указывают прописью число порядковых номеров материальных ценностей и общий итог количества в натуральных показателях, записанных на данной странице, вне зависимости от того, в каких единицах измерения (штуках, килограммах, метрах и т.д.) эти ценности показаны. На последней странице описи должна быть сделана отметка о проверке цен, таксировки и подсчёте итогов за подписями лиц, производивших эту проверку. Описи подписывают все члены инвентаризационной комиссии и материально ответственные лица. В конце описи материально ответственные лица дают расписку об отсутствии претензий к членам комиссии и принятии перечисленного в описи имущества на ответственное хранение.

Если инвентаризация имущества проводится в течение нескольких дней, то помещения, где хранятся материальные ценности, при уходе инвентаризационной комиссии должны быть опечатаны. Во время перерывов в работе инвентаризационной комиссии (в обеденный перерыв, ночное время) описи должны храниться в ящике (шкафу, сейфе) в закрытом помещении, где проводится инвентаризация.

В заключение необходимо подчеркнуть, что при проведении инвентаризации необходимо соблюдать следующие правила: 1) инвентаризация должна быть внезапной; 2) она проводится комиссией; 3) при её проведении обязательно присутствие лиц, материально ответственных за инвентаризируемые ценности; 4) перед тем, как начать инвентаризацию, проверяют измерительные приборы, а материально ответственное лицо должно дать подписку о том, что им сданы в бухгалтерию или предъявлены инвентаризационной комиссии все документы по операциям с инвентаризируемыми ценностями; 5) все инвентаризируемые ценности подлежат пересчёту, взвешиванию и перемериванию в натуре; 6) если проверяемые ценности находятся в различных хранилищах, то все хранилища, за исключением того, в котором в данный момент производится инвентаризация, должны быть заперты, опечатаны и опломбированы; 7) во время проведения инвентаризации все операции по приему и отпуску ценностей прекращаются.

2.3. Отдельные следственные действия как метод проверки заявлений и сообщений о преступлениях

До возбуждения уголовного дела закон запрещает производить следственные действия. Исключение сделано для осмотра места происшествия, осмотра трупа и освидетельствования (ч. 2 ст. 176, ч. 4 ст. 178, ч. 1 ст. 179 УПК РФ).

В соответствии с ч. 2 ст. 176 УПК РФ в случаях, не терпящих отлагательства, осмотр места происшествия может быть произведен до возбуждения уголовного дела. И при наличии к тому оснований, уголовное дело возбуждается немедленно. Условия и порядок осмотра регламентированы в ст. ст. 176 – 180 УПК РФ.

Объективно результаты осмотра используются при решении вопроса о возбуждении дела. Практически реализация результатов осмотра осуществляется в меньшей мере в стадии возбуждения уголовного дела, а главным образом, в последующих стадиях уголовного процесса (предварительное и судебное следствие).

При решении вопроса о возбуждении уголовного дела результаты осмотра используются по-разному. В одних случаях достаточно убедиться в наличии происшествия, его характере, что является достаточным основанием для возбуждения уголовного дела. Так, наличие следов взлома всегда свидетельствует о преступлении, независимо от того, имела ли место кража или её инсценировка. В подобных ситуациях уголовное дело можно возбуждать до производства собственно осмотра места происшествия. В других случаях именно обстоятельства, выявленные при осмотре, позволяют сделать вывод о совершении преступления. Иногда даже после осмотра места происшествия невозможно надлежащим образом решить вопрос о возбуждении уголовного дела.

Однако практика свидетельствует, что осмотр места происшествия проводится до возбуждения уголовного дела также и потому, что без него трудно решить вопрос о возбуждении дела, так как следователь не располагает для этого необходимыми данными.

Закон прямо не обуславливает проведение осмотра до возбуждения уголовного дела необходимостью собирания дополнительной информации. Об этом в законе содержится лишь косвенное указание: после проведения осмотра, в случаях, не терпящих отлагательства, при наличии к тому оснований уголовное дело возбуждается немедленно.

На практике упомянутые поправки к закону истолковываются в смысле возможности проведения осмотра до возбуждения уголовного дела во всех случаях, независимо от конкретной ситуации [286, с. 64]. Между тем, в законе говорится о проведении осмотра до возбуждения уголовного дела лишь в «случаях, не терпящих отлагательства».

К безотлагательным, на наш взгляд, следует отнести такие случаи, когда: 1) погодные условия могут уничтожить следы; 2) на месте происшествия находится жертва преступления; 3) происшествие находится в местах с интенсивным движением (пешеходным, автомобильным), что может привести к уничтожению следов; 4) происшествия, связанные с взрывами, пожарами и т.д.; 5) преступник находится на месте происшествия (задержан гражданами, блокирован в помещении), или можно организовать, судя по обстоятельствам, его преследование по горячим следам; 6) заинтересованными лицами может быть изменена обстановка; 7) необходимо предпринять меры по пресечению дальнейшей преступной деятельности; 8) имеется несколько человеческих жертв; 9) характер происшествия таков, что обстановка на месте может угрожать здоровью и жизни людей; 10) промедление с осмотром может отрицательно отразиться на производственной деятельности организации, учреждения, предприятия, а также на нормальной обстановке в семье; 11) сама обстановка места происшествия может возбудить нездоровый интерес посторонних и её длительное сохранение противоречит этическим нормам; 12) промедление с осмотром может привести к необходимости осмотра при усложнённых условиях (например, при искусственном освещении). Это наиболее типичные случаи, однако, их перечень нельзя считать исчерпывающим.

Многие юристы считают, что осмотр места происшествия является одним из важнейших источников объективной информации о событии преступления, его материальных следах и лицах, совершивших это правонарушение. Промедление с производством осмотра может привести к нежелательным последствиям, изменению обстановки, утрате либо сокрытию следов преступления. Последствия несвоевременно проведённого осмотра может быть настолько пагубным, что с тактической стороны это действие нередко характеризуется как незаменимое и неповторимое [119, с. 45; 157, с. 260; 182, с. 23].

Тактика осмотра места происшествия, проводимого до возбуждения уголовного дела, не отличается от тактики осмотра, осуществляемого после возбуждения уголовного дела.

Деятельность следователя, сотрудника органа дознания по осмотру места происшествия можно разделить на три этапа: подготовительный, рабочий и заключительный.

Подготовительный этап осмотра места происшествия начинается с момента принятия следователем, дознавателем решения о его производстве. Фактически этот этап состоит из двух периодов: а) действий следователя, либо дознавателя до выезда на место происшествия и б) действий этих лиц на месте происшествия до начала осмотра.

До выезда на место происшествия в дежурной части органа внутренних дел следователь знакомится с содержанием поступившей исходной информации об обнаруженном преступлении. Следователь должен принять меры к охране места происшествия, решить вопрос о привлечении к осмотру места происшествия специалистов (ст. 178 УПК РФ), а в необходимых

случаях – передвижной криминалистической лаборатории. Э.Б. Мельникова считает, что сама по себе природа осмотра требует участия в нем специалистов [191, с. 54].

Во всех случаях, для выезда на место происшествия следователь должен иметь при себе комплект научно-технических средств, содержащихся в следственном чемодане.

По прибытии на место происшествия следователь самостоятельно и с помощью оперативных работников выясняет обстановку, мысленно определяет границу и порядок предстоящего осмотра. Среди граждан, находящихся на месте происшествия, а также проживающих или работающих поблизости, выявляются потерпевшие и очевидцы. Параллельно с осмотром места происшествия работники милиции осуществляют оперативно-розыскные мероприятия. Их результаты повышают информированность следователя о происшествии, содействуют созданию лучших условий для осмотра.

После решения организационно-технических вопросов следователь приступает к непосредственному осмотру места происшествия.

Сидоров В.Е. считает, что осмотр места происшествия является одной из важнейших тактических задач по установлению лица, совершившего преступление [263, с. 115].

При выборе способа осмотра – концентрического, эксцентрического, фронтального (иногда называемого линейным) или по спирали – следует руководствоваться конкретными условиями обстановки места происшествия, обстоятельствами дела и рекомендациями методики расследования отдельных видов преступления. В самом начале осмотра особое внимание следует обратить на следы, оставленные преступником во время передвижения к месту происшествия («входные следы»), на его территории и при отходе с неё («выходные следы»). Ценность обнаружения на месте происшествия «выходных следов» заключается в том, что они позволяют работникам милиции безотлагательно осуществить поисковые и заградительные мероприятия на пути отхода преступника. При обнаружении видимых следов передвижения целесообразно применить поиск по путям «отхода».

При осмотре места происшествия по «горячим следам» шире, чем в других случаях, применяется субъективный способ осмотра и выборочный осмотр, то есть осмотр по ситуационным узлам, с первоочередным обследованием тех участков места происшествия, где, по мнению осматривающего, могут быть сосредоточены наиболее важные для быстрого раскрытия преступления следы и иные объекты. Перед началом детального осмотра в случае неизвестности преступника, как правило, должна быть применена служебно-розыскная собака для определения направления, в котором скрылся преступник, для его преследования и задержания, а также для обнаружения вещей и других предметов, являющихся источниками запаха преступника. Участвующие в осмотре инспектор-кинолог и специалист-криминалист обязаны помочь следователю в изъятии запаховых следов и их консервации [168, с. 25; 40, с. 59; 74; 133, с. 40; 143]. Применение служебной собаки является мерой оперативно-розыскного характера, и суд не вправе на нее ссылаться в приговоре и при наличии других доказательств [76, с. 294].

При осмотре места происшествия (по кражам) выясняется, был ли заблокирован объект химической ловушкой, сработала ли она при совершении преступления и где она находилась. В случаях «срабатывания» ловушки с помощью специалиста экспертно-криминалистического аппарата изучаются все изменения, произошедшие с предметами, обработанными химическим веществом. Все это должно быть зафиксировано в протоколе осмотра.

Далее в ходе осмотра места происшествия необходимо отыскать следы рук, орудий взлома, применения огнестрельного и холодного оружия, следы зубов, ногтей и т.д. С помощью эксперта – криминалиста необходимо проверить выявленные следы пальцев рук по дактилокартотеке для установления личности преступника.

На заключительном этапе осмотра проводится фиксация его результатов с соблюдением всех необходимых процессуальных правил и тактических требований.

Содержание полученной в ходе осмотра информации определяет направленность последующих следственных действий и служит отправным началом для осуществления параллельно проводимых оперативно-розыскных мер.

На осмотр места происшествия по делам, по которым обязательно производство предварительного следствия, должны обязательно выезжать следователи. Для этого в каждом органе внутренних дел формируются дежурные следственно-оперативные группы. Такая группа обеспечивает немедленное реагирование на заявления и сообщения о преступлениях, производство неотложных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий по «горячим следам» и формируется в составе следователя, сотрудников оперативных и экспертно-криминалистических подразделений, кинолога. Возглавляет её следователь (п. 1.4.1 Инструкции по организации взаимодействия подразделений и служб органов внутренних дел в расследовании и раскрытии преступлений, утверждённой приказом МВД России от 20 июня 1996 г. № 334).

Указанные требования ведомственного акта на практике часто нарушаются. Следственно-оперативные группы не всегда выезжают на осмотр места происшествия в полном составе, руководители органов внутренних дел редко участвуют в осмотрах. Всё это ведёт к утрате вещественных доказательств, а преступления остаются нераскрытыми.

В практике имеют место случаи передачи материалов по проверке заявлений и сообщений о преступлениях из одной службы в другую, от следователя в орган дознания и т.п. Однако передача составленного следователем протокола осмотра места происшествия и других собранных материалов при наличии признаков подследственного следователю преступления в органы дознания недопустима (п. 2.2.7 указанной инструкции).

По нашим данным, осмотр места происшествия проводился до возбуждения уголовного дела в трех случаях из десяти (34,7%), а после возбуждения уголовного дела 6% от общего числа изученных уголовных дел.

Осмотр трупа может быть частью осмотра места происшествия, местности, жилища или иного помещения, и следовательно быть проведен до возбуждения дела (ч. 4 ст. 178 УПК РФ). Поскольку труп может находиться вне места осмотра, не является нарушением закона оформление осмотра трупа отдельным протоколом.

Осмотр трупа как самостоятельное следственное действие производится, когда на месте обнаружения его осмотреть не удалось (например, труп уже увезли в морг), или когда труп обнаружен в результате обыска (ч. 16 ст. 182 УПК РФ), извлечён из места захоронения.

Особенностями осмотра трупа являются:

1) обязательное участие в нем специалиста в области судебной медицины, а при невозможности его участия – иного врача. Действия специалиста – судебно-медицинского эксперта – во время осмотра дополнительно регламентируются Инструкцией по организации и производству экспертных исследований в бюро судебно-медицинской экспертизы, утверждённой Приказом Минздрава России от 24.04.2003 № 161;

2) применение технических средств фиксации при осмотре неопознанного трупа, запрет его кремирования;

3) наличие специальной меры принуждения, обеспечивающей осмотр трупа – эксгумации.

Эксгумация сама по себе не является следственным действием, обеспечивая последующее производство осмотра трупа, предъявление его для опознания, экспертного исследования. В то же время необходимо присутствие при эксгумации всех участников осмотра трупа. По смыслу закона, обстоятельства эксгумации должны быть зафиксированы в протоколе осмотра.

Эксгумация охватывает случаи извлечения трупа из мест только официального захоронения. При необходимости извлечения трупа из места захоронения следователь выносит постановление об эксгумации и уведомляет об этом близких родственников или родственников покойного. Постановление обязательно для администрации соответствующего места захоронения. В случае, если близкие родственники или родственники покойного возражают против эксгумации, разрешение на её проведение выдается судом.

Согласно п. 4 ст. 5 УПК РФ, близкими родственниками являются братья и сёстры, как вытекает из сопоставления данного пункта со ст. 14 СК РФ, рассматриваются в качестве близких родственников, независимо от того, являются ли они полнородными (имеющими обоих общих родителей) или неполнородными (имеющими лишь одного общего родителя). При этом такие братья и сёстры считаются родными. Родственниками в п. 37 ст. 5 УПК РФ названы все иные, помимо близких родственников лица, состоящие между собой в родстве. К их числу, как следует из сравнения данного пункта со ст. 1143 – 1145 ГК, устанавливающими очерёдность наследования, относятся: племянники и племянницы, дяди и тети, двоюродные братья и сёстры, прадедушки и прабабушки, двоюродные внуки и внучки, двоюродные дедушки и бабушки, двоюродные правнуки и правнучки, двоюродные племянники и племянницы, двоюродные дяди и тётки.

Близкие лица, согласно п. 3 ст. 5 УПК РФ, определяются лишь применительно к свидетелям и потерпевшим. Это, прежде всего, собственники потерпевшего и свидетеля. Свойственниками считаются братья, сёстры, родители и дети другого супруга. Прочие близкие лица, согласно данному пункту – те, чья жизнь, здоровье и благополучие дороги потерпевшему, свидетелю в силу сложившихся личных отношений. Другими словами, это люди, связанные со свидетелем или потерпевшим тесным личным общением, дружбой или любовью.

В целях соблюдения прав и законных интересов родственников покойного, их целесообразно заблаговременно уведомлять копией мотивированного постановления об эксгумации. Учитывая, что УПК РФ не относит эксгумацию к числу неотложных процессуальных действий (ч. 5 ст. 165), без судебного разрешения эксгумацию можно проводить при:

а) отсутствии у покойного родственников;

б) получении согласия родственников (например, в виде отметки на постановлении об эксгумации);

в) наличии данных о том, что родственники извещены об эксгумации и не выразили возражений в течение достаточного времени (расписка в получении ими заказного письма с копией постановления об эксгумации).

При возражении родственников эксгумация трупа производится по решению суда. В ст. 165 УПК РФ предусмотрен следующий порядок получения судебного решения на производство принудительных следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан. Следователь (дознатель) выносит мотивированное постановление о возбуждении перед судом ходатайства о производстве данного следственного действия.

По мнению А.В. Смирнова, К.Б. Калиновского, к ходатайству должны быть приложены подтверждающие его обоснованность материалы уголовного дела.

Следует учитывать, что судья проверяет обоснованность ходатайства следователя в судебном заседании (ч. 3 ст. 165), т.е. в порядке осуществления правосудия (п. 50 ст. 5). Это, в частности, означает, что судья должен использовать при принятии решения, прежде всего, доказательства, ибо по смыслу закона (например, ч. 2 ст. 50 Конституции РФ) правосудие по своей сущности предполагает использование именно доказательств. Судебные органы решают переданные им дела и в соответствии с законом, и на основе фактов (пункт 2 «Основных принципов, касающихся независимости судебных органов», одобренных резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН 40/32 от 29 ноября 1985 г. и 40/146 от 13 декабря 1985 г.). Но суд может устанавливать факты («обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела») только на основе доказательств (ст. 74 УПК РФ). Руководитель СО даёт свое согласие на возбуждение ходатайства в виде письменной резолюции на постановлении следователя. Отказ руководителя СО дать согласие может быть обжалован следователем в порядке ч. 3 ст. 39, ч. 4 ст. 124 УПК РФ.

Если с соответствующим ходатайством обращается дознаватель, то согласие должен давать прокурор. Согласно п. 41.1 ст. 5 УПК РФ, согласие – это в том числе разрешение прокурора на производство дознавателем соответствующих следственных и иных процессуальных действий и на принятие ими процессуальных решений.

Ходатайство по выбору следователя подается в суд по месту производства следствия или по месту производства следственного действия и рассматривается в судебном заседании в соответствии с ч. 2 ст. 165 УПК РФ.

Суд своим извещением о времени заседания обеспечивает право прокурора и следователя (дознателя) на участие в нем. Их неявка не препятствует рассмотрению ходатайства.

Если ходатайство возбуждено по просьбе участника процесса (например, потерпевшего, гражданского истца), то он также имеет право на участие в заседании. Остальные участники процесса могут быть приглашены в заседание по усмотрению следователя или судьи.

По результатам заседания судья выносит мотивированное постановление, которое вступает в силу немедленно [267].

Постановление судьи может быть обжаловано заинтересованными лицами в кассационном порядке (ч. 1 ст. 127; 355 УПК РФ).

О с в и д е т е л ь с т в о в а н и е как следственное действие представляет собой процессуальный осмотр подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля для установления на их теле следов преступления или особых примет. Специфический

объект осмотра – тело живого человека – обуславливает особый порядок данного следственного действия, связанный с принуждением и повышенными гарантиями прав граждан.

Систематическое толкование закона позволяет выделить три цели освидетельствования, состоящих в обнаружении и процессуальной фиксации:

- 1) особых примет (физиологические дефекты, родимые пятна, татуировки, рубцы, следы операции др.);
- 2) следов преступления (наличие телесных повреждений: царапин, ран, гематом; пятен крови, частиц волос, микрочастиц и др.);
- 3) внешних признаков освидетельствуемого лица, которые не являются особыми приметами. Например, рост, вес, цвет волос. Это может быть необходимо, например, для следственного эксперимента.

Обнаружение телесных повреждений не является самостоятельной целью освидетельствования, так как телесные повреждения предстают или в виде особых примет (отсутствие пальца на ноге обвиняемого), или в виде следов преступления (травмы потерпевшего).

Законодатель в УПК РФ допускает проведение освидетельствования для выявления состояния опьянения. Однако следует учитывать, что состояние опьянения является внутренним, порой достаточно скрытым свойством, которое иногда недоступно непосредственному наблюдению – основному методу любого осмотра. Установление состояния и степени опьянения может нуждаться в применении самостоятельного исследования на основе специальных медицинских познаний. Так, в наркологии существует достаточно сложная методика выявления опьянения, в том числе с отбором образцов для исследования и использованием специальных приборов. С помощью процессуального освидетельствования можно установить лишь некоторые признаки опьянения (запах алкоголя, следы от инъекций и т.п.), но сделать достоверный вывод о факте опьянения, о его виде и степени, не допуская при этом подмены экспертизы, порой довольно трудно. В подобных сложных случаях участие врача-нарколога в процессуальном освидетельствовании не может заменить экспертизу (как и участие судебно-медицинского эксперта в осмотре трупа), а является лишь подготовительным действием к её проведению. Вместе с тем, освидетельствование явного состояния опьянения, не требующее самостоятельных исследований, может иметь значение, например, для подкрепления результатов оценки следователем показаний такого лица как недостоверных.

Процессуальное освидетельствование (как следственное действие) необходимо отличать от судебно-медицинского (или медицинского – ст. 27.12 КоАП РФ) освидетельствования, которое проводится для определения степени тяжести вреда здоровью, состояния опьянения. Судебно-медицинское освидетельствование является непроцессуальным исследованием и регламентировано законодательством о здравоохранении. Акт судебно-медицинского освидетельствования является ничем иным как заключением специалиста (ч. 3 ст. 80 УПК РФ).

Основанием для освидетельствования служат сведения (часто предположительные) о наличии следов на теле, которые требуется установить.

В ч. 1 ст. 179 УПК РФ предусмотрено два условия освидетельствования:

1) отсутствие оснований для назначения и производства судебной экспертизы. Этим основанием является необходимость специального исследования. В частности, недопустимо путём освидетельствования устанавливать характер и степень вреда, причинённого здоровью; психическое состояние, возраст освидетельствуемого. В этих случаях обязательно назначение экспертизы (ст. 196 УПК РФ);

2) согласие свидетеля на его освидетельствование. Исключение составляет «необходимость оценки достоверности показаний свидетеля». Данная норма нуждается в пояснениях. Закон предусматривает «оценку», а не «проверку» его показаний. Для проверки психических способностей свидетеля по аналогии с потерпевшим нужна экспертиза (п. 4 ст. 196 УПК РФ), для проверки его способности восприятия, запоминания и воспроизведения информации нужен следственный эксперимент. Для оценки достоверности показаний остается необходимость выявления состояния опьянения в момент допроса.

Проведение освидетельствования имеет следующие особенности:

1) необходимость вынесения мотивированного постановления для контроля за обоснованностью принуждения;

2) освидетельствование, связанное с обнажением, производится только в присутствии лиц одного пола с освидетельствуемым лицом (кроме врача, который может быть любого пола). Вместо следователя другого пола освидетельствование производится врачом. Это обеспечивает принцип уважения чести и достоинства граждан (ст. 21 Конституции РФ, ст. 9 УПК РФ);

3) при освидетельствовании, связанном с обнажением, технические средства фиксации изображения применяются только при согласии освидетельствуемого;

4) при производстве освидетельствования не обязательно участие понятых. Однако в силу использования объективного метода наблюдения их участие целесообразно и должно быть обеспечено по ходатайству заинтересованных лиц, но может быть обеспечено и по инициативе следователя.

Изъятие в ходе освидетельствования объектов (например, смыва крови, подногтевого вещества) и фиксация хода и результатов производятся по общим правилам осмотра [267, с. 269–270].

Согласно ст. 180 УПК РФ об осмотре трупа и освидетельствовании составляется протокол с соблюдением требований ст. 166 и 167 УПК РФ. В протоколах описываются все действия следователя, а также все обнаруженное при осмотре и освидетельствовании в той последовательности, в какой они производились, и в том виде, в каком обнаруженное наблюдалось в момент осмотра и освидетельствования. В протоколах перечисляются и описываются все предметы, изъятые при осмотре и освидетельствовании.

В протоколах также должно быть указано, в какое время, при какой погоде и каком освещении производились осмотр или освидетельствование, какие технические средства были применены и какие получены результаты, какие предметы изъятые и опечатаны и какой печатью, куда направлены после осмотра труп или предметы, имеющие значение для уголовного дела.

По буквальному смыслу ст. 144 УПК РФ перечень способов собирания доказательств носит для данной стадии исчерпывающий характер. Тем не менее, многие процессуалисты: С.А. Альперт, А.Н. Васильев, А.К. Гаврилов, Н.В. Жогин, А.С. Кобликов, В.Е. Корноухов, А.Е. Крикунов, В.И. Куклин, З.И. Митрохина, А.Р. Михайленко, Д.П. Рассейкин, Р.Д. Рахунов, И. Садовский, В.А. Стрёмовский, И. Тыричев, Ф.Н. Фаткуллин, В.И. Федулов, В.Я. Чеканов, В.Н. Шпилев, выступают за его расширение, в том числе за проведение и иных, помимо осмотра места происшествия, осмотра трупа и освидетельствования, следственных действий [36, с. 19; 70, с. 28; 78, с. 17–18; 121, с. 174 – 177; 140, с. 28–29; 150, с. 8; 155, с. 12; 164, с. 38; 196, с. 6; 197, с. 18; 234, с. 18–19; 235, с. 11,68; 250, с. 41; 317, с. 11–12; 321, с. 21; 337, с. 88–89].

Так, например, А.Я. Дубинский, Д.Я. Мирский считают возможным до возбуждения уголовного дела производство экспертизы [111, с. 24; 195, с. 327–328].

Гаврилов А.К., Мартинович И.И. допускают в случаях, не терпящих отлагательства, производство обысков, экспертиз, описи имущества [78, с. 200; 183, с. 79 – 81].

По мнению А.К. Гаврилова и В.А. Стрёмовского было бы правомерным освидетельствовать свидетеля, допросить потерпевшего или подозреваемого, если они находятся в опасном для жизни состоянии [80, с. 83].

Шейфер С.А. полагает, что при обнаружении трупа, с которым произошла внезапная (скоропостижная) смерть, необходимо проведение судебно-медицинского исследования, чтобы не допустить необоснованного возбуждения уголовного дела [331, с. 58].

Михайленко А.Р. придерживается другой точки зрения. Он пишет, что исследование трупа до возбуждения уголовного дела проводится в обход закона. Иногда допускаются и прямые нарушения закона. По его данным судебно-медицинская экспертиза до возбуждения дела проводилась по 7% дел; по данным Х.А. Роопа – 10% [197, с. 126; 239, с. 13–14]. В последнее время наметилась тенденция к сокращению нарушений норм уголовно-процессуального законодательства, по нашим данным производство экспертиз до возбуждения дела составило 1,3%.

В процессуальной литературе неоднократно предлагалось узаконить возможность проведения судебно-медицинской экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела [203, с. 14; 239, с. 14].

Имея акт судебно-медицинского исследования, следователь вынужден назначать экспертизу по возбужденному уголовному делу. Неизбежное дублирование работы судебных медиков – существенный недостаток решения проблемы применения специальных познаний в стадии возбуждения уголовного дела. На практике наблюдается тенденция – избежать дублирования путём обхода прямых предписаний ст. 196 УПК РФ.

Следует согласиться с мнением Г.П. Химичевой, утверждающей, что закрепление в законе возможности проведения следственных действий до возбуждения уголовного дела уничтожит важнейшую гарантию, ограждающую граждан от произвола в применении принуждения со стороны органов расследования. В этом случае окажется утраченным единственное основание, позволяющее правомерно ограничить права и законные интересы личности [319, с. 84].

Вряд ли возможно согласиться и с предложением некоторых авторов разрешить производство до возбуждения уголовного дела следственных действий, если они не связаны с применением мер процессуального принуждения [93, с. 49] и не ограничивают права граждан [118, с. 176].

По мнению Г.П. Химичевой, практически все процессуальные действия в той или иной мере содержат элементы принуждения. В этой связи вряд ли возможно чётко определить, какое следственное действие приведет к ограничению прав граждан, а какое – нет. Таким образом, предложение об установлении возможности производства следственных действий, которые не связаны с мерами принуждения и не затрагивают прав граждан, до возбуждения уголовного дела фактически означает разрешение проведения любого следственного действия в ходе проверки заявления или сообщения [319, с. 85].

В разные годы предпринимались попытки расширить перечень следственных действий, проводимых до возбуждения уголовного дела, с использованием различных нормативных актов. Так, Указ Президента Российской Федерации от 14 июня 1994 г. № 1226 «О неотложных мерах по защите населения от бандитизма и иных проявлений организованной преступности»¹⁴ предусматривал, что при наличии достаточных данных о причастности лица к банде или иной организованной преступной группе, подозреваемой в совершении тяжких преступлений, по согласованию с прокурором до возбуждения уголовного дела проводятся экспертизы, результаты которых рассматриваются в качестве доказательств по уголовным делам данной категории (п. 1). Основанием для проведения такой экспертизы служило мотивированное постановление органа дознания, санкционированное соответствующим прокурором (п. 7.3. Совместного указания Генеральной прокуратуры, МВД и ФСБ России от 24 июня 1994 года «О порядке реализации норм Указа Президента Российской Федерации № 1226 от 14 июня 1994 г. «О неотложных мерах по защите населения от бандитизма и иных проявлений организованной преступности»»¹⁵.

Сотрудники Управления по борьбе с организованной преступностью с 1994 по 1997 гг. на основании Указа Президента очень часто использовали в своей деятельности задержание до 30 суток и проведение экспертизы до возбуждения уголовного дела.

Текст данного указа противоречил нормам Конституции РФ и УПК. Нормативные указы Президента являются подзаконными актами, и значит должны издаваться только в строгом соответствии с Конституцией и законами Российской Федерации.

В России институт президента был введен 24 апреля 1991 г. законом «О Президенте РСФСР». В июне 1991 г. состоялись прямые президентские выборы. По Конституции Президент является высшим должностным лицом Российской Федерации и главой её исполнительной власти. Президентство – ключевой институт государственного механизма при соблюдении принципа разделения властей. «Федеральные законы принимаются Государственной Думой» – гласит Конституция РФ (ст. 105). Законодательный процесс построен Конституцией так, что именно Дума играет в нём основную роль.

¹⁴ Собрание законодательства РФ. 1994. № 8. Ст. 804.

¹⁵ Российская газета, 1994. 29 июня.

Издание Президентом указов неоднократно подвергалось критике со стороны юристов. Они подчёркивают, что указы – подзаконные акты, которые не должны противоречить Конституции РФ – основному закону нашего государства.

Так, например, А. А. Деревнин и В. А. Петрушев пишут, что с учреждением в России поста Президента появился новый вид нормативных правовых актов – указы Президента РФ. Вступив в должность, первый Президент России Б.Н. Ельцин стал весьма активно использовать своё право на издание нормативных указов, принимая их по самым разнообразным вопросам. Удельный вес таких актов составлял по оценкам специалистов около 75% от всех исходящих от Президента РФ указов [108, с. 21; 240, с. 28]. И это понятно. В стране создавалась новая правовая система, и Президент РФ не остался в стороне от этого процесса.

Как показывает многолетняя практика издания президентских указов, их внедрение в действующее российское право протекает отнюдь не гладко. Целый ряд указов Президента, принятых в разное время, послужил причиной жесткой конфронтации между ним и федеральной законодательной властью, а также регионами России. Это, как представляется, во многом обусловлено тем, что до сих пор нет полной ясности в понимании юридической природы указов Президента РФ и их места в системе нормативных правовых актов РФ. Разные суждения высказываются на этот счёт в юридической науке. Неконкретным и неопределённым является действующее законодательство, регламентирующее нормотворческую деятельность Президента РФ. Наконец, противоречива и сама практика издания президентских указов. Наряду с указами, которые развивают, детализируют законы, то есть содержат в себе вторичные нормы права, очень часто принимаются указы по вопросам законодательного уровня. Более того, были случаи издания Президентом РФ указов, противоречащих Конституции РФ и другими её законами. В результате этого страна жила (и продолжает жить) не столько по законам, сколько по «указному» праву.

В этих условиях существует острая потребность в обстоятельной научной проработке проблемы президентских указов [108, с. 23].

В Конституции Российской Федерации или в федеральных законах необходимо чётко очертить круг вопросов, по которым могут приниматься президентские указы.

Законодатель, приняв УПК РФ (который введён в действие с 1 июля 2002 г.), на начальном этапе закрепил в ч. 4 ст. 146 положение о том, что, получая у прокурора согласие на возбуждение уголовного дела, следователь или дознаватель приобщают к данному постановлению материалы проверки (протоколы осмотра места происшествия и освидетельствования, постановление о назначении экспертизы) [69, с. 150].¹⁶ Из смысла данной статьи было видно, что до возбуждения уголовного дела разрешалось следователю и дознавателю проводить кроме осмотра места происшествия ещё и такие следственные действия, как освидетельствование и назначение экспертизы. Но с 2007 г. редакция ч. 4 ст. 146 УПК РФ поменялась, в ней не предусмотрено согласие прокурора на возбуждение уголовного дела и сбор материалов проверки в виде производства следственных действий.

Назначение и проведение экспертизы, оценка её результатов представляют собой комплекс процессуальных действий, включающий в себя вынесение постановления о назначении экспертизы, выбор экспертов в зависимости от специальности и компетентности, проверка отсутствия оснований для их отвода, получение заключения эксперта, допрос эксперта и т.д. (ст. 195 – 207 УПК РФ). Проведение всех этих действий до возбуждения уголовного дела фактически означает производство расследования.

Кроме того, ст. 198 УПК РФ предусматривает определённые права подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля при назначении и производстве судебной экспертизы. Вряд ли возможно говорить о соблюдении данного требования уголовно-процессуального закона, если допустить производство экспертизы до возбуждения уголовного дела, поскольку на этом этапе еще может и не быть процессуальной фигуры подозреваемого (обвиняемого).

Нельзя забывать, что проведение экспертизы чаще всего сопровождается другими следственными действиями, необходимыми для обеспечения полноты и объективности экспертного исследования: обыском, выемкой, освидетельствованием, получением образцов для сравнительного исследования, эксгумацией трупа и другими. Поэтому установление в законе возможности производства экспертизы до возбуждения уголовного дела может привести к безграничному расширению круга следственных действий, предпринимаемых в ходе предварительной проверки заявления (сообщения) о преступлении. Это послужило, вероятно, одним из аргументов для принятия решения об отмене Указа Президента РФ от 14 июня 1994 г. № 1226.¹⁷

В ходе проверки заявлений и сообщений о преступлениях сотрудник, осуществляющий проверку, может назначить специальное исследование, пригласив специалиста. Для обоснованного решения вопроса о возбуждении уголовного дела используется помощь специалистов, например, при производстве ревизий, установлении размера материального ущерба, характера и степени причинённого вреда здоровью, исследовании технического состояния транспортного средства, принадлежности вещества к наркотическим средствам и т.д.

Специалист может принять участие в осмотре места происшествия; проконсультировать должностное лицо, проводящее проверку, по различным вопросам. По результатам исследования специалист обычно составляет справку или акт; а участие специалиста в осмотре места происшествия отражается в протоколе, который он подписывает наряду с другими участниками осмотра.

В процессуальной литературе наряду с проведением экспертизы выдвигалось предложение об установлении возможности задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления, до возбуждения уголовного дела [79, с. 93; 121, с. 174 – 177; 122, с. 21 – 23; 139, с. 22; 162, с. 119–120; 164, с. 38; 235, с. 11, 68; 337, с. 88–89].

По своей юридической природе задержание – это следственное действие. Соответственно правом задержания в уголовном процессе пользуются органы дознания, дознаватель, следователь, то есть те, кто осуществляет предварительное расследование. Специфика задержания заключается в том, что оно является процессуальным средством предупреждения

¹⁶ Текст УПК РФ опубликован в «Российской газете» от 22.12.2001 № 249 (2861).

¹⁷ Указ Президента Российской Федерации от 14.06.1997 № 593 «О признании утратившими силу некоторых актов Президента РФ» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 25. Ст. 2898.

совершения лицом, подозреваемым в преступлении, действий, препятствующих достижению задач уголовного судопроизводства, если есть достаточные основания опасаться таких действий.

Гуткин И.М. дал следующее определение задержанию: это регламентированное законом неотложное следственное действие, которое заключается в кратковременном (исчисляемом часами) лишении свободы и применяется органами дознания и предварительного следствия без санкции прокурора к лицу, подозреваемому в преступлении, в целях выяснения причастности задержанного к преступлению и разрешения вопроса о применении к нему меры пресечения в виде заключения под стражу [99, с. 10].

По вопросу о возможности задержания до возбуждения уголовного дела в литературе высказаны две противоположные точки зрения. Одни полагают, что задержание возможно как до, так и после возбуждения уголовного дела [121, с. 175; 174, с. 33; 197, с. 18, 124; 286, с. 68–69], другие же считают, что задержание может производиться только после возбуждения уголовного дела [67, с. 70; 269, с. 142; 305, с. 82; 307, с. 284].

Нет единого мнения по этому вопросу и среди практических работников. Одни допускают такую возможность, а другие считают недопустимым. Правильное решение вопроса о соотношении момента возбуждения уголовного дела и задержания лица в порядке ст. 91 УПК РФ осложнено тем, что допускается отождествление задержания как процессуального института с самим фактом физического (фактического) задержания лица и доставления его в орган внутренних дел. Между тем, задержанным, в процессуальном смысле этого слова, лицо становится лишь после того, как составлен протокол о задержании. При этом необходимо иметь в виду, что срок, установленный для задержания ст. 10 УПК РФ следует исчислять с момента физического задержания, то есть включению в него подлежит и время, затраченное на доставление лица [62, с. 45].

При рассмотрении данного вопроса, прежде всего, следует исходить из юридической природы задержания, предусмотренного ст. 91 УПК РФ, которое является не только процессуальным, но и следственным действием.

В соответствии со ст. 149 УПК РФ производство дознания и предварительного следствия начинается после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела. Согласно ст. 156 УПК РФ, «предварительное расследование начинается с момента возбуждения уголовного дела ...». Из смысла данной статьи видно, что это положение относится и к предварительному следствию и к дознанию, так как они представляют две формы предварительного расследования.

Поскольку задержание является следственным действием, оно может совершаться только после возбуждения уголовного дела. Этот вывод находит свое подтверждение в нормах ст. 149, ч. 5 ст. 152 УПК РФ при определении полномочий органа дознания по делам, по которым обязательно предварительное следствие, указывается, что при наличии признаков преступления орган дознания возбуждает уголовное дело, производит неотложные следственные действия и направляет уголовное дело руководителю следственного органа. Законодатель в ст. 157 УПК РФ конкретно не называет следственные действия, относящиеся к неотложным. А в ч. 1 ст. 119 УПК РСФСР к неотложным следственным действиям относились: осмотр, обыск, выемка, освидетельствование, задержание и допрос подозреваемых, допрос потерпевших и свидетелей. Этот перечень был исчерпывающим и расширенному толкованию не подлежал. Таким образом, по нашему мнению, задержание можно отнести к неотложным следственным действиям.

Задержание лица, подозреваемого в преступлении, неразрывно связано с таким следственным действием, как допрос подозреваемого. Согласно ч. 2 ст. 46 и ч. 4 ст. 92 УПК РФ подозреваемый, задержанный в порядке, установленном ст. 91 УПК РФ должен быть допрошен не позднее 24 часов с момента его фактического задержания. О задержании и допросе как неразрывных действиях говорится в ст. 38 и других УПК РФ.

Допрос подозреваемого – следственное действие и может совершаться только после возбуждения уголовного дела. Законодатель исходит из того, что к моменту задержания вопрос о возбуждении уголовного дела разрешён и соответственно имеются правовые основания для производства иных следственных действий, в частности допроса подозреваемого. Если же допустить, что задержание возможно до возбуждения уголовного дела, то становится невозможным немедленный допрос задержанного, ибо без возбуждения дела следственные действия совершаться не могут.

Согласно ст. 46 УПК РФ лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления, с этого момента ставится в положение участника процесса, именуемого подозреваемым.

Об участнике уголовного процесса можно говорить при условии, что началось и ведётся судопроизводство по конкретному уголовному делу. Утверждение, что задержание возможно до возбуждения уголовного дела, противоречит нормам закона о процессуальном положении задержанного как участника процесса, ибо до возбуждения уголовного производства не может быть и его участника.

Вопрос о задержании лица, подозреваемого в преступлении, во многих случаях возникает, когда уголовного дела ещё нет. Например, в случаях явки с повинной, доставления гражданами правонарушителя в милицию и т.д. Поэтому вопрос о задержании должен решаться одновременно с вопросом о возбуждении уголовного дела. Любое из оснований для задержания, предусмотренных ст. 91 УПК РФ, исходит из того, что преступление имело место, есть основания к возбуждению уголовного дела. Иначе говоря, если по закону можно задержать лицо, подозреваемое в преступлении, то, значит, имеются основания и для возбуждения уголовного дела. В подобных случаях следует вынести постановление о возбуждении уголовного дела и тут же составить протокол задержания. Если же нет оснований для возбуждения уголовного дела, т.е., нет достаточных данных, указывающих на признаки преступления, то тем более нет оснований для лишения свободы человека, в отношении которого невозможно возбудить уголовное дело.

Сторонники возможности задержания до возбуждения уголовного дела утверждают, что:

а) если лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения, то необходимо, прежде всего, задержать преступника, а затем в зависимости от наличия предусмотренных законом оснований решать вопрос о возбуждении уголовного дела;

б) задержание в большинстве случаев производится теми работниками милиции, которые не наделены правом возбуждать уголовные дела [48, с. 123–124].

С этими доводами согласиться нельзя, ибо они основаны на смешении понятий задержания как следственного действия, фактического задержания и доставления как административной меры.

Бекешко С.П. и Матвиенко Е.А. рассматривают доставку в милицию лица, подозреваемого в преступлении, как составную часть задержания [48, с. 95]. Но такая позиция не основана на законе и не отражает юридической сущности этих действий. Доставка правонарушителя в милицию во многих случаях осуществляется лицами младшего начальствующего и рядового состава милиции, которые не пользуются правом возбуждения уголовного дела и производства следственных действий. Следовательно, доставка ими этого лица не может носить уголовно-процессуальный характер, являться следственным действием. Равным образом такое доставление не может рассматриваться как процессуальное действие и тогда, когда оно осуществляется лицами среднего и старшего начальствующего состава милиции при выполнении обязанностей по охране общественного порядка. В обоих случаях, несмотря на то, что в милицию доставляются лица, подозреваемые в преступлении, задержание носит административно-правовой характер. Данное обстоятельство объясняется тем, что доставление в этих случаях вытекает из функции охраны общественного порядка, возложенной на милицию, связано с обязанностью работников милиции пресечь в процессе несения службы любое посягательство на общественный порядок, независимо от того, имело ли место уголовное или административное правонарушение.

Кроме того, здесь еще нет уголовно-процессуальной деятельности и поэтому доставление правонарушителя в милицию не может отождествляться с задержанием в качестве следственного действия.

Доставление в милицию лица, подозреваемого в преступлении, создает предпосылки для разрешения вопроса о возбуждении дела и его задержании в соответствии со ст. 91 УПК РФ.

В Законе РСФСР от 18 апреля 1991 г. «О милиции» предусмотрено, что при наличии одного из указанных в ст. 91 УПК РФ оснований сотрудники вправе доставлять в милицию лиц, подозреваемых в совершении преступлений.¹⁸ Вопрос о применении к ним задержания как процессуального действия решается уполномоченными на то лицами после доставления этих лиц в милицию. Доставка – одно из средств пресечения правонарушений; оно предшествует задержанию, которое начинается после того, как лицо доставлено в милицию.

Доставление приобретает процессуальный характер, является составной частью процессуального задержания тогда, когда оно осуществляется следователем или дознавателем, в связи с находящимися в их производстве уголовными делами. Здесь доставление будет проявлением их процессуальных полномочий.

Доставление может рассматриваться как начало задержания, предусмотренного ст. 91 УПК РФ, и тогда, когда оно осуществляется органом дознания в соответствии с поручением следователя о задержании, которое он дает по находящемуся в его производстве уголовному делу.

Доставление преступника в милицию может производиться представителями общественности, потерпевшими и иными гражданами в целях предотвращения и пресечения преступлений. Однако оно не образует процессуального задержания, предусмотренного ст. 91 УПК РФ. О задержании и доставлении преступника гражданами говорится не в смысле краткосрочного ареста как следственного действия, предусмотренного ст. 91 УПК РФ, а в смысле поимки преступника и передачи его органам власти как мере пресечения правонарушения и обеспечения условий для привлечения правонарушителя к ответственности.

Шейфер С.А. предлагает регламентировать в законе фактическое задержание (доставление) в качестве процессуального действия, допустимого до возбуждения уголовного дела и подлежащего фиксации в особом протоколе [332, с. 62].

Однако поимка, доставка лица, подозреваемого в преступлении, в органы внутренних дел – это еще не уголовно-процессуальное задержание. Те обстоятельства, которые выявляются при поимке лица, застигнутого на месте преступления, при его доставлении в милицию, устанавливаются путём получения информации из письменных или запротоколированных объяснений очевидцев преступления, тех, кто его доставил в дежурную часть органа внутренних дел. Только после получения информации об обстоятельствах, образующих основания подозревать лицо в совершении преступления, возникает вопрос о его задержании. Значит, указанные обстоятельства устанавливаются до задержания и потому оно не может быть средством их установления. Ссылка на них в протоколе задержания имеет своим назначением не удостоверить их существование, а обосновать необходимость задержания, показать, что для этого имеются основания [98, с. 13].

Клюков Е.М. считает, что в законе следует предусмотреть возможность задержания до возбуждения уголовного дела. Обосновывая своё мнение, он утверждает, что «такое решение вопроса имеет большое практическое значение, так как дает возможность рассматривать задержание в качестве законного и обоснованного и в тех случаях, когда после производства задержания и проверки его оснований обнаруживается, что последние не подтверждаются, и нет оснований к возбуждению уголовного дела» [139, с. 34]. Представляется, что такая постановка вопроса неверна по своей сути. Она исходит из посылки, что вопрос о наличии оснований к возбуждению уголовного дела может решаться после задержания, а если окажется, что оснований нет, то в возбуждении уголовного дела должно быть отказано. Рассматриваемое предложение привело бы к узаконению возможности задержания при отсутствии оснований к возбуждению уголовного дела или, иначе говоря, при отсутствии достаточных данных, указывающих на признаки преступления, к признанию подобных задержаний правомерными. Очевидно, что это неизбежно повлекло бы к необоснованным арестам граждан.

Ряд международных документов, посвящённых правам человека, предусматривает, что никто не может быть подвергнут произвольному аресту, задержанию, каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность [2, с. 8, 236, 99].

В заключение необходимо подчеркнуть, что задержание в порядке ст. 91 УПК РФ является следственным действием, которое возможно после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела. До возбуждения уголовного дела возможно доставление лица, совершившего противоправный поступок, в дежурную часть органа внутренних дел для выяснения личности, мотивов его поведения и обстоятельств происшедшего. Если будет установлена причастность доставленного к совершению преступления, то следователь должен составить протокол в порядке ст. 91 УПК РФ. В этом протоколе необходимо указывать время фактического задержания и доставления лица в дежурную часть, а не время составления протокола (как указано обычно в бланках). К сожалению, на практике время задержания исчисляется с момента составления протокола следователем.

¹⁸ Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 16. Ст. 503.

Деятельность следователя, органа дознания по проверке сообщений и заявлений о преступлениях носит в целом уголовно-процессуальный характер, но отдельные действия, которые нередко осуществляются на практике, предусмотрены не в уголовно-процессуальном законодательстве, а в других федеральных законах.

2.4. Проверочные действия, не указанные в УПК РФ

В настоящем параграфе речь пойдёт о проверочных действиях, не предусмотренных УПК РФ, но регламентированных Законом РСФСР от 18 апреля 1991 г. «О милиции»¹⁹ и Федеральным законом РФ от 12 августа 1995 г. «Об оперативно-розыскной деятельности»²⁰.

Практика показывает, что основной объём работы по проверке заявлений и сообщений о преступлениях и по возбуждению уголовных дел выполняют органы внутренних дел. Это подтверждается статистическими данными. Например, сотрудниками ОВД по г. Тамбову в 2008 г. было возбуждено 79% уголовных дел к общему числу всех возбуждённых по городу. Полученные нами данные согласуются с данными других авторов. Например, Х.А. Рооп пишет, что органы дознания возбудили 57,47% дел, из них на органы милиции падает 98,7% [62, с. 12; 197, с. 102; 239, с. 12].

Кроме истребования материалов, осмотра места происшествия, назначения ревизий, инвентаризаций, документальных проверок Закон «О милиции» предоставил право сотрудникам милиции:

1) получать от граждан и должностных лиц необходимые объяснения, сведения, справки, документы и копии с них (п. 4 ст. 11).

В ч. 2 ст. 109 УПК РСФСР было закреплено положение о том, что по поступившим заявлениям и сообщениям могут быть получены объяснения; в действующем УПК РФ аналогичной нормы нет. Однако сложившаяся практика получения объяснений в советский период имеет место и сегодня.

Наши исследования показали, что объяснения составляют значительную часть среди материалов предварительной проверки. Например, по изученным уголовным делам и материалам, послужившим основанием для отказа в возбуждении уголовных дел, они составили 91%. В основном такие объяснения получают от потерпевших и свидетелей.

По мнению Г.П. Химичевой, именно объяснения составляют 86% от числа всех проверочных действий [319, с. 73].

Зипунников Д.А., Каретников А.С. считают, что должностные лица в процессе проверки заявлений о преступлениях вынуждены получать объяснения (которые являются суррогатами допроса) от заявителей и иных лиц, затрачивая столько же времени, что и на допрос [123, с. 53–54].

Неурегулированность данного процессуального действия приводит к тому, что некоторые следователи оформляют не «Объяснения», а «Протокол опроса», исключая отметку о разъяснении положений ст. 306, 307 УК РФ [64, с. 42 – 44].

Получение объяснений – основное средство проверки информации для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Лица, обычно вызываемые для получения объяснений, имеют разное отношение к фактам, интересующим следователя. Ими могут быть: а) заявители, в том числе заявители-потерпевшие; б) лица, имеющие какое-либо отношение к интересующим фактам, но не совершившие преступления; в) лица, которые по имеющимся сведениям могли совершить или совершили преступление; г) лица, которые могут сообщить некоторые сведения, имеющие значение для проверяющего, но не располагающие данными о преступных фактах, по поводу которых ведётся проверка; д) должностные лица, в обязанности которых входил контроль за деятельностью лиц, в отношении которых ведётся проверка.

В принципе, проверку нежелательно, а чаще всего и недопустимо начинать с получения объяснений лиц, о преступной деятельности которых ведётся проверка. Обычно к вызову предполагаемых преступников можно прибегнуть лишь тогда, когда иным путём получить интересующие данные невозможно. Если в конкретной ситуации возникает надобность в вызове предполагаемых виновных, следует их вызов приурочить к моменту, когда с учётом полученных данных можно будет решить вопрос о возбуждении уголовного дела. Получив объяснения и возбудив дело, следователь имеет возможность быстро провести необходимые следственные действия и иные мероприятия, снижающие или полностью исключающие неблагоприятные для расследования последствия, связанные с вызовом этих лиц.

Осторожно следует подходить и к подбору других лиц, подлежащих вызову для получения объяснений. Лишь выяснив отношение лица к предполагаемому виновным и событию, по поводу которого ведётся проверка, с учётом его личности можно правильно решить этот вопрос.

Иногда на практике в целях уменьшения нежелательных последствий дачи этими лицами заведомо ложных объяснений их предупреждают об ответственности по ст. 307, 308 УК РФ или отбирают подписи в порядке ст. 161 УПК РФ. В юридической литературе также встречаются предложения об установлении в уголовно-процессуальном законе правила предупреждать лиц, дающих объяснения в первоначальной стадии, об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний [95, с. 113].

Предупреждение по ст. 307, 308 УК РФ недопустимо, так как такая мера может применяться при допросах, которые возможно проводить лишь в ходе расследования или судебного разбирательства.

У лиц, вызываемых для восполнения первичного материала, также не могут отбираться подписи о неразглашении сведений в порядке ст. 161 УПК РФ. Такая практика является незаконной и ничего не дающей в смысле гарантии неразглашения сведений, так как отбирается подписка о неразглашении данных предварительного следствия, и разглашение данных лишь в таких случаях может повлечь уголовную ответственность в порядке ст. 310 УК РФ.

¹⁹ Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 16. Ст. 503. Далее по тексту: Закон «О милиции».

²⁰ Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 6135.

Нельзя вызывать лиц, от которых требуется получить объяснения, через должностных лиц, о преступлениях которых ведётся проверка, так как последние будут осведомлены о вызове и будут иметь возможность всячески воздействовать на своих подчинённых.

В связи с необходимостью вызова для получения объяснений граждан и должностных лиц возникает вопрос о том, как следует поступать в случаях, если вызываемое лицо, уклоняясь от дачи объяснений, не является по вызову. В настоящее время не существует каких-либо мер процессуального принуждения, которые могли бы быть применены в отношении этих лиц. В этих случаях приходится ограничиваться лишь разъяснением необходимости получения объяснений, значением их для принятия решения, обращением к гражданскому долгу лица.

Законодателю необходимо включить в УПК РФ штрафные санкции за неявку, а также невыполнение иных требований лица, осуществляющего проверку.

Если имеется возможность, к получению объяснений необходимо подготовиться. Прежде всего должны быть тщательно изучены и проанализированы имеющиеся материалы, сделаны нужные выписки. Во время подготовки необходимо определить круг обстоятельств (вопросов), подлежащих выяснению, предмет беседы. Желательно располагать хотя бы минимумом данных о личности того, с кем предстоит беседа. Сведения о личности могут быть получены путём истребования характеристики, получения объяснений от знакомых, родственников, сослуживцев, собиранья данных через органы МВД. До начала беседы лицо, дающее объяснения, должно представить документ, удостоверяющий его личность, чтобы следователь убедился в том, что он беседует именно с тем гражданином, которого приглашал для дачи объяснений.

Получение объяснений производится в следующем порядке. Сначала выясняются анкетные данные гражданина: фамилия, имя, отчество, время и место рождения, национальность, семейное положение, место работы и жительства, привлекался ли к административной или уголовной ответственности. При необходимости выясняются его отношения с определёнными лицами (заявителем, предполагаемым правонарушителем).

Затем лицу предлагается рассказать об интересующих следователя фактах. При необходимости задаются вопросы.

В процессе получения объяснений могут быть предъявлены для обозрения некоторые материалы (например, документы), по которым желательно получить объяснения. Однако использовать этот приём необходимо лишь в случаях действительной необходимости. Особенно осторожно следует подходить к предъявлению материалов лицам, преступная деятельность которых является предметом проверки.

Подобная линия поведения проверяющего обуславливается тем, что в дальнейшем, если будет возбуждено уголовное дело, может возникнуть надобность в предъявлении этих объектов для опознания.

Объяснения, как правило, записываются лицом, проводящим проверку (следователем, оперативным работником, дознавателем). Вместе с тем, лицу, от которого получают объяснение, можно предложить написать их собственноручно.

Объяснение излагается от имени лица, дающего его. Определённой формы документа, в котором оно излагается, закон не устанавливает. На наш взгляд, в таком документе должны содержаться такие сведения: время и место получения объяснений, лицо, получающее объяснение (должность, звание), необходимые данные о лице, давшем объяснения, отметка о том, что написаны объяснения собственноручно или что они прочтены и запись произведена правильно, подписи как давшего, так и получившего объяснения лица.

При получении объяснений от лица, не достигшего шестнадцати лет, необходимо приглашать педагога. В случае необходимости вызываются также законные представители несовершеннолетнего или его близкие родственники. В случае вызова для получения объяснений лица, не владеющего языком, на котором ведётся судопроизводство, должно быть обеспечено участие переводчика.

Если в ходе получения объяснений предъявлялись какие-либо материалы, это должно быть отражено в объяснениях лица.

Бесспорно, что объяснения и истребованные материалы могут относиться только к таким источникам доказательств, которые в законе именуется «иными документами» (ч. 2 ст. 74 УПК РФ). По общему правилу любой документ может быть использован в качестве источника доказательств, если он имеет значение для уголовного дела и получен надлежащими органами и должностными лицами «в определённом законом порядке» из установленных законом источников.

По поводу доказательственного значения объяснений в юридической литературе встречаются различные точки зрения. Михайленко А.Р. считал, что получение объяснений – процессуальное действие, так как оно было предусмотрено законом (ст. 109 УПК РСФСР), следовательно, содержащиеся в таком объяснении необходимые фактические данные имели самостоятельное доказательственное значение [197, с. 127]. По мнению Н.В. Жогина и Ф.Н. Фаткуллина, объяснения представляли собой «зачаточную форму» доказательств. Лишь на последующих стадиях процесса им предстояло трансформироваться в доказательства – показания [121, с. 42]. Позицию этих авторов разделял и Ю.Н. Прокофьев [231, с. 46].

Ряд авторов считает, что объяснения очевидцев в стадии возбуждения уголовного дела являются документами, но в стадии предварительного расследования доказательствами не являются [87, с. 191; 205, с. 185; 300, с. 69]. Иную позицию занимают А.И. Винберг, Г.И. Кочаров и Г.М. Миньковский, Л.М. Карнеева, А.Р. Михайленко, В.В. Степанов, Л.Т. Ульянова [75, с. 19 – 27; 132, с. 57; 197, с. 127; 286, с. 127; 313, с. 28–29]. Они считают, что все фактические данные, собранные в стадии возбуждения уголовного дела, являются доказательствами, ибо получены способом, установленным законодателем для данной стадии, и облечены в форму, также предписанную законом.

По мнению авторов, отрицающих доказательственное значение объяснений, основным «пороком» этих объяснений, препятствующим их использованию в качестве доказательств, является то, что они получены без предупреждения об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний. Однако было бы неправильно исходить из заведомой недостоверности сведений, содержащихся в объяснении, лишь потому, что лицо, дающее объяснение, не предупреждалось об уголовной ответственности по ст. 307, 308 УК РФ. Разумеется, процессуальный порядок допроса создаёт наиболее благоприятные условия для получения достоверных сведений. Однако само по себе предупреждение об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний не является полной гарантией

того, что полученные сведения, безусловно, достоверны, поскольку в отдельных случаях ложные показания даются и после такого предупреждения [163, с. 67].

Изучение практики показывает, что сведения, содержащиеся в объяснениях, как правило, достоверны. По нашим данным, по 96,3% уголовных дел сведения, содержащиеся в объяснениях будущих потерпевших, свидетелей, подозреваемых (обвиняемых, подсудимых), аналогичны показаниям, данным на предварительном следствии и в суде.

Несомненно, лицо, у которого до возбуждения уголовного дела было получено объяснение, должно быть допрошено в ходе предварительного расследования, поскольку использование объяснений вместо показаний свидетелей, потерпевших, обвиняемых недопустимо, так как в противном случае будет иметь место подмена доказательств определённого вида материалами предварительной проверки. Однако тогда, когда лицо, давшее объяснение, допрашивается при производстве предварительного расследования, объяснение сохраняет свою доказательственную силу [163, с. 68].

Представляет интерес вопрос об использовании объяснений в качестве доказательств в случае изменения в последующем характера сообщаемых сведений. Здесь следует согласиться с мнением В.В. Степанова, который считает, что этот вопрос должен решаться в каждом конкретном случае. «Если гражданин при допросе не подтвердил сведений, содержащихся в объяснении, то ранее данное объяснение используется судом как документ для изобличения такого лица в даче ложных показаний». При этом объяснению придаётся значение документа в смысле ст. 84 УПК РФ [286, с. 138].

Сергеев А.И. полагает, что использование объяснений вместо показаний может иметь место только в тех случаях, когда лицо, давшее объяснение, невозможно допросить, например, в случае его смерти [310, с. 542].

Шейфер С.А. придерживается такого же мнения и подчёркивает, что все документы, собранные в целях установления признаков преступления и сохранившие свойства допустимости и относимости на последующих стадиях процесса, могут использоваться в них как доказательства [332, с. 64].

Следует отметить, что, хотя получение объяснений и является самым распространённым проверочным действием, на практике при их получении нередко допускаются различные ошибки, которые отрицательно сказываются как на принятии решения в этот период, так и на дальнейшем расследовании преступления. В частности, эти недостатки сводятся к излишнему схематизму; краткости сведений, изложенных в объяснении; ненужной детализации обстоятельств предмета объяснения, неправильному определению времени, места и обстановки при получении объяснений и т.п.;

2) проводить в установленном законом порядке освидетельствование лиц, подозреваемых в совершении преступления или административного правонарушения, для определения наличия в организме алкоголя или наркотических средств либо направлять или доставлять данных лиц в медицинское учреждение ... (п. 19 ст. 11). Так, например, после совершения дорожно-транспортного преступления в ходе проверки сотрудник Государственной инспекции безопасности дорожного движения должен провести освидетельствование водителя с помощью индикаторной трубки «Контроль трезвости» в присутствии двух свидетелей. А водители (судоводители) – участники дорожно-транспортных и водных происшествий, в результате которых имеются пострадавшие (ст. 264 УК РФ), подлежат обязательному направлению на освидетельствование в медицинское учреждение для определения наличия в организме алкоголя или наркотических средств. Приём на освидетельствование от должностных лиц производится по письменным направлениям. Врач составляет акт освидетельствования по установленной Минздравом форме. Один экземпляр акта выдаётся сотруднику Государственной инспекции безопасности дорожного движения, доставившему водителя, либо высылается по почте в орган внутренних дел. При несогласии виновного лица с результатами медицинского освидетельствования производится повторное освидетельствование другим врачом или медицинской комиссией. За уклонение водителя от прохождения освидетельствования наступает административная ответственность (ст. 12.26 КоАП РФ).

По мнению Б.В. Россинского, управление транспортным средством в состоянии опьянения является одним из наиболее опасных видов нарушений Правил дорожного движения. По этой причине ежегодно совершается до 14 – 17% ДТП (каждое шестое-седьмое происшествие). Причём такие ДТП характеризуются наиболее тяжёлыми последствиями, среди которых в первую очередь следует назвать гибель людей. Между тем управление в состоянии опьянения выявляется нечасто, а доказать его удаётся ещё реже.

До вступления в силу КоАП РФ действовал механизм, позволявший доказывать факт опьянения водителя, не прибегая к помощи врача. Водители, управлявшие транспортными средствами, в отношении которых имелись достаточные основания полагать, что они находятся в состоянии опьянения, освидетельствовались сотрудниками милиции с помощью индикаторных трубок «Контроль трезвости» или других специальных технических средств. Положительная проба на алкоголь в выдыхаемом воздухе являлась подтверждением факта употребления алкогольного напитка, а протокол освидетельствования при согласии водителя с результатами обследования служил основанием для привлечения его к ответственности за управление транспортным средством в нетрезвом состоянии. Если же обследуемое лицо было не согласно с результатами пробы, то оно направлялось на освидетельствование в медицинское учреждение.

В соответствии с действующей в настоящее время редакцией ст. 27.12 КоАП РФ факт опьянения водителей транспортных средств должен устанавливаться только медицинским освидетельствованием на состояние опьянения, что, как казалось законодателю при принятии Кодекса, должно было стать шагом вперёд в осуществлении производства по делам об административных правонарушениях, в соблюдении прав и законных интересов участников дорожного движения. Порядок медицинского освидетельствования и оформления его результатов установлен Постановлением Правительства РФ от 26 декабря 2002 г. № 930 «Об утверждении Правил медицинского освидетельствования на состояние опьянения лица, которое управляет транспортным средством, и оформления его результатов», а по проведению медицинского освидетельствования водителей – Приказ Минздрава России от 14 июля 2003 г. № 308 «О медицинском освидетельствовании на состояние опьянения», зарегистрирован в Минюсте России 21 июля 2003 г., регистрационный № 4913.

Согласно этим актам медицинское освидетельствование на состояние опьянения лица, которое управляет транспортным средством, должно проводиться в организациях здравоохранения, имеющих лицензию на осуществление медицинской деятельности с указанием соответствующих работ и услуг, на основании протокола о направлении на освидетельствование, подписанного должностным лицом ДПС. При этом освидетельствование может проводиться как непосредственно в

организациях здравоохранения, так и в специально оборудованных для этой цели передвижных пунктах (автомобилях), соответствующих установленным требованиям.

Освидетельствование должно проводиться врачом, имеющим соответствующую специальную подготовку на базе наркологических учреждений органов управления здравоохранением субъектов РФ. В сельской местности при невозможности проведения медицинского освидетельствования врачом разрешается осуществлять его фельдшером фельдшерско-акушерского пункта с аналогичной специальной подготовкой. Основой заключения о состоянии освидетельствуемого лица служат данные его комплексного медицинского освидетельствования с учётом результатов лабораторных исследований. Средство (вещество), вызвавшее опьянение, должно определяться по результатам соответствующего химико-токсикологического исследования. Однако для освидетельствования могут также применяться технические средства индикации и измерения, зарегистрированные и разрешённые Минздравом России для использования в медицинских целях и рекомендованные для проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения.

Однако, к великому сожалению, на дорогах большинства регионов России не удаётся в полном объёме реализовывать положения указанных актов.

Во-первых, организации здравоохранения нередко находятся далеко от места отстранения водителя от управления транспортным средством (во многих субъектах РФ до 100 км и более от места на дороге, где инспектором ДПС принято решение о направлении водителя на освидетельствование, нет даже медпунктов, тем более имеющих лабораторное оборудование, необходимое для проведения химико-токсикологического исследования), в регионах катастрофически не хватает специально оборудованных для этой цели передвижных пунктов. На территории ряда подразделений ГИБДД вообще отсутствуют медицинские учреждения, имеющие право проводить освидетельствование на состояние опьянения. Ввиду особенностей организации работы медицинских учреждений в отдельных регионах зачастую невозможно оформление результатов медицинского освидетельствования в ночное время.

Во-вторых, в стране ощущается недостаток врачей и фельдшеров, имеющих соответствующую специальную подготовку. Кроме того, учреждениям здравоохранения, специально оборудованным передвижным пунктам, врачам, проводящим освидетельствование, необходимо иметь в достаточном количестве комплекты одноразовых инструментов, расходные материалы и др., чего нередко не хватает. В медицинских учреждениях фактически нет современных технических средств индикации и измерения, внесённых в Государственный реестр средств измерения и разрешённых Минздравом России для проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (тем более технических средств, способных с достаточной точностью определять концентрацию алкоголя в организме человека). Не случайно, что на практике массовым явлением стало применение врачами при освидетельствовании водителей тех же самых индикаторных трубок «Контроль трезвости», которые используются и сотрудниками милиции, явно не отвечающих указанным выше требованиям, предъявляемым к техническим средствам. Безусловно, медицинским освидетельствованием это назвать нельзя.

В-третьих, как показывает практика, нередко медицинские учреждения вообще не хотят получать лицензии на осуществление освидетельствования на состояние опьянения. Прежде всего, это увеличивает и так не малый объём их работы. Но кроме этого сотрудники медицинских учреждений не хотят портить отношения с местным населением, которое должно проходить у них освидетельствование.

В любой ситуации удалённость медицинских учреждений приводит к большим временным затратам, необходимым для доставления водителя на медицинское освидетельствование.

Освидетельствование на состояние алкогольного опьянения осуществляется в присутствии двух понятых [353].

По мнению специалистов административного права, сотрудники ДПС должны быть вооружены современными измерительными приборами, позволяющими осуществлять количественное определение алкоголя в выдыхаемом воздухе. Для этого могут использоваться только те технические средства, которые внесены в Государственный реестр средств измерения и проверены в установленном порядке. При несогласии водителя с результатами освидетельствования с использованием таких приборов он будет иметь возможность пройти повторное, теперь уже медицинское, освидетельствование.

Предоставление сотрудникам ДПС права освидетельствовать водителей на состояние алкогольного опьянения, оснащение их современными измерительными приборами, позволяющими осуществлять количественное определение алкоголя в выдыхаемом воздухе, важно и по другой причине. В соответствии с международными договорённостями, зафиксированными в Европейском соглашении, дополняющем Конвенцию о дорожном движении, участником которой является и Россия, в странах должен быть допустимый законом уровень содержания алкоголя в крови, а в соответствующих случаях – в выдыхаемом воздухе, превышение которого является недопустимым. Во всех случаях максимальный уровень содержания алкоголя в крови не должен превышать 0,80 г чистого алкоголя на литр крови (0,8 промилле) или 0,40 мг на литр выдыхаемого воздуха. Массовое использование измерительных приборов, позволяющих определять концентрацию алкоголя в выдыхаемом водителями воздухе, в принципе, даст возможность реализовать в России данную международную норму, под которой подписалась и наша страна [241].

Выполняя международные договорённости России, законодатель дополнил ст. 27.12 КоАП РФ примечанием, в котором указывается, что «под состоянием опьянения в настоящей статье следует понимать наличие абсолютного этилового спирта в концентрации 0,3 и более грамма на один литр крови или 0,15 и более миллиграмма на один литр выдыхаемого воздуха, наличие наркотических средств или психотропных веществ в организме человека, определяемое в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, а равно совокупность нарушений физических или психических функций человека вследствие употребления вызывающих опьянение веществ».

Определять такую дозу сотрудники ДПС смогут лишь тогда, когда они будут оснащены современными измерительными приборами, позволяющими осуществлять количественное определение алкоголя в выдыхаемом воздухе. Данные положения вступили в силу с 1 июля 2008 г.

Гайтов Э.Ш. считает, что в настоящее время освидетельствование для установления состояния алкогольного опьянения могут проводить не только медицинские работники, но и сотрудники ГИБДД при согласии водителя. Для этого

приглашаются понятые, в присутствии которых водителю даётся для продувания специальный тестирующий прибор – это различного рода алкометры, алкотестеры, разрешённые и одобренные Минздравом России. По его мнению, для проведения освидетельствования должностным лицом необходимы не примитивные приборы типа трубки «Контроль трезвости», а современные средства индикации, позволяющие осуществлять количественное определение алкоголя в выдыхаемом воздухе. Он отмечает, что мировой опыт свидетельствует о том, что право проводить анализ выдыхаемого воздуха на содержание алкоголя с помощью специальных средств предоставлено дорожной полиции многих стран. Так, в Австрии, Дании, Нидерландах, Польше, Швеции полицейские это делают всегда, когда сочтут нужным, независимо от того, подозревается ли водитель, управляющий транспортным средством, в употреблении алкоголя или нет. В Бельгии, Великобритании, Италии, Швейцарии такая проверка осуществляется только при подозрении на управление транспортным средством в состоянии опьянения и в случае дорожно-транспортного происшествия. В Великобритании и Испании полиция может проверить водителей с помощью алкотестеров при остановке за любое нарушение правил дорожного движения. Безусловно, далеко не во всех странах показания приборов, используемых полицией, признаются судами в качестве доказательства состояния опьянения. Однако во многих государствах (Австрии, Великобритании, Италии, Польше, Швеции и др.) такие показания имеют значение доказательств, естественно, при условии технической исправности приборов, их периодической метрологической проверке, а также наличии у производящих анализы полицейских соответствующих знаний и навыков. Более того, полиция зарубежных стран успешно привлекается к оперативному выявлению признаков не только алкогольного, но и наркотического опьянения среди участников дорожного движения. После соответствующей подготовки патрульные полицейские способны посредством достаточно простых тестов установить наличие опьянения (включая наркотическое) с точностью до 90% и обосновывать правомерность своих действий в суде [81];

3) при наличии данных о влекущем уголовную или административную ответственность нарушении законодательства, регулирующего финансовую, хозяйственную, предпринимательскую и торговую деятельность, изымать необходимые документы на материальные ценности, денежные средства, кредитные и финансовые операции, а также образцы сырья и продукции. Они могут изымать у граждан и должностных лиц документы, имеющие признаки подделки, а также вещи, предметы и вещества, изъятые из гражданского оборота, находящиеся у граждан без специального на то разрешения (наркотические вещества, сильнодействующие яды, радиоактивные изотопы, взрывчатые вещества и др.) – п. 27 ст. 11;

4) производить в соответствии с законодательством РФ досмотр ручной клади и багажа пассажиров на воздушном транспорте, а при необходимости и личный досмотр пассажиров (п. 21 ст. 11).

Сущность досмотра состоит в принудительном обследовании гражданина либо его имущества с целью обнаружения и изъятия документов, вещей и других предметов, являющихся орудием или непосредственным объектом правонарушения, установления личности задержанного. На предприятиях, определённых перечнем Правительства РФ, порядок досмотра регулируется ведомственными инструкциями, согласованными с МВД РФ и Прокуратурой РФ. Содержание личного досмотра составляют действия по внешнему осмотру лиц работниками, осуществляющими пропускной режим, а также их вещей с помощью стационарных контрольных установок. Досмотру должно предшествовать предложение уполномоченных работников лицу, в отношении которого имеются данные о совершении правонарушения, предъявить документы или вещи, другие предметы, являющиеся орудием или непосредственным объектом правонарушения, подтверждающие личность задержанного. Личный досмотр гражданина осуществляется лицом одного пола с досматриваемым в присутствии двух понятых того же пола в помещении или иных местах, исключающих доступ посторонних граждан и отвечающих правилам санитарии и гигиены. При производстве личного досмотра должны быть обеспечены безопасность и здоровье досматриваемого, его личное достоинство, сохранность сведений, компрометирующих досматриваемого, полученных при производстве досмотра. Данное требование определяется положением ст. 2, 21, 23 Конституции РФ, в которых подчёркнуто, что достоинство, честь и доброе имя личности охраняются государством, а их защита является обязанностью всех государственных органов и должностных лиц. Досмотр вещей, товаров и других предметов производится уполномоченным лицом в присутствии двух понятых и, как правило, собственника данных вещей и предметов. При этом должна быть обеспечена сохранность досматриваемых вещей и предметов, их товарного внешнего вида. Широкими полномочиями по осуществлению личного досмотра, досмотра вещей и товаров обладают сотрудники милиции. Так, сотрудники Государственной инспекции безопасности дорожного движения имеют право производить личный досмотр граждан, совершивших правонарушение, досмотр транспортных средств при подозрении, что водитель использует его в противоправных целях, а также досмотр груза при наличии оснований полагать, что он перевозится незаконно. Сотрудники вневедомственной охраны могут производить личный досмотр, досмотр вещей, товаров, транспортных средств на охраняемых ими предприятиях, в учреждениях и организациях.

После производства личного досмотра или досмотра вещей, товаров, транспортных средств уполномоченным лицом составляется протокол, который подписывается уполномоченным лицом, двумя понятыми и досматриваемым. Предметы, обнаруженные у досматриваемого, являющиеся орудием, изымаются должностными лицами. Об изъятии составляется протокол. Вещи и документы, являющиеся орудием или непосредственным объектом правонарушения, хранятся до рассмотрения дела. В зависимости от результатов его рассмотрения они в установленном порядке конфискуются или возвращаются владельцу, либо уничтожаются, а при возмездном изъятии вещей – реализуются. Органами внутренних дел производится изъятие вещей и документов: огнестрельного оружия и боевых припасов – при нарушении правил приобретения, хранения и пользования ими; удостоверений на право управления транспортными средствами – при использовании заведомо подложного документа; предметов незаконной охоты и рыболовства – при нарушении правил охоты и рыболовства.

Кроме указанных мероприятий, предусмотренных Законом «О милиции», на органы дознания возлагается принятие необходимых оперативно-розыскных и иных предусмотренных уголовно-процессуальным законом мер в целях обнаружения преступлений и лиц, их совершивших.

Оперативно-розыскные мероприятия представляют собой проводимые уполномоченными органами гласные и негласные действия, направленные на выявление и раскрытие преступлений [99, с. 69; 143, с. 7 – 10; 163, с. 73; 201, с. 77;

229, с. 276; 291, с. 29–30; 327, с. 10 – 12]. Оперативно-розыскная деятельность органов дознания играет большую роль в процессе собирания доказательств. Не будучи процессуальными, оперативные мероприятия содействуют доказыванию, помогая в обнаружении источников необходимой информации, в определении характера и тактики проведения процессуальных действий, с помощью которых эта информация может быть получена, в построении версий, определении направления расследования [49, с. 39; 110, с. 70; 144, с. 54; 315, с. 155].

В перечень оперативно-розыскных мероприятий включены опрос граждан; наведение справок; сбор образцов для сравнительного исследования; проверочная закупка; исследование предметов и документов; наблюдение; отождествление личности; обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств; контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений; прослушивание телефонных переговоров; снятие информации с технических каналов связи; оперативное внедрение; контролируемая поставка; оперативный эксперимент (ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»). Перечень оперативно-розыскных мероприятий является исчерпывающим и может быть изменён или дополнен только федеральным законом.

Опрос граждан. Суть данного розыскного действия состоит в том, что работник органа дознания расспрашивает возможных очевидцев и других лиц, могущих располагать интересующей его информацией об обстоятельствах, имеющих значение для принятия процессуальных решений. Поскольку до возбуждения уголовного дела закон не разрешает производить допросы, то их можно заменить опросами, осуществляющимися в произвольной форме. Опрос граждан направлен, как правило, на установление свидетелей обстоятельств преступления. Он является частью подворного обхода, но может проводиться и самостоятельно, например, на месте происшествия.

С помощью опроса достаточно установить степень осведомлённости того или иного лица с тем, чтобы решить вопрос о необходимости его допроса в дальнейшем. В то же время информация, полученная от таких лиц, принимается к сведению незамедлительно и служит основанием для принятия решений как процессуального, так и тактического характера (о производстве следственных действий, прочёсывании местности, поиске по горячим следам и т.п.).

Поскольку действующим законодательством порядок опроса не регламентирован, а также не установлена ответственность за отказ, его тактической особенностью является возможность получения необходимой информации от лиц, которые по различным причинам не хотят давать официальные показания (например, из-за боязни мести). Достигается это разъяснением указанным лицам, что беседа не носит официального характера, а её содержание нигде не фиксируется. Нередко именно это обстоятельство играет решающую роль и может привести к обнаружению доказательств.

По мнению В.М. Мешкова и В.Л. Попова, опрос граждан допускается только при их добровольном согласии на беседу. В случаях, когда от опрашиваемого поступила просьба о конфиденциальном характере сообщаемых сведений, данные о нём не разглашаются и это лицо впоследствии в качестве свидетеля в ходе предварительного или судебного следствия не допрашивается. Результаты опроса могут быть оформлены либо объяснением, либо рапортом. В первом случае составленный документ может быть приобщён к материалам уголовного дела и впоследствии опрошенный, как правило, допрашивается в качестве свидетеля по уголовному делу. Во втором случае, при оформлении результатов опроса в форме рапорта, полученные сведения используются в качестве ориентирующей информации при выдвижении версий, планировании расследования, а также как источник о лице, обладающем определённой информацией. Этот рапорт также может быть приобщён к материалам уголовного дела. Они считают, что в ходе опроса могут быть применены технические средства (магнитофон, видеокамера, кинокамера и др.) как гласным путём, так и негласным, но в любом случае факт звуко-, видеозаписи оперативно-розыскного мероприятия оформляется рапортом сотрудника их применявшего. В этом документе должны быть отражены основные параметры произведённой записи, вид магнитофона, тип магнитной плёнки, условия производства записи, текст записанного сообщения и т.п. Впоследствии магнитная плёнка может быть направлена на исследование эксперту. Звукозапись беседы, в установленном порядке, исследованная экспертом в области акустики, может быть признана источником доказательств по делу и положена в основу приговора [192, с. 26–27].

Наведение справок и сбор образцов для сравнительного исследования.

Наведение справок – это сбор информации об интересующих оперативные подразделения субъектах, в том числе о лицах, причастных к преступной деятельности.

Сотрудник органа дознания может навести справки о любом гражданине по месту его работы или учёбы. В отделе кадров любого учреждения хранятся личные дела, в которых содержатся анкеты, автобиографии как работающих, так и уволенных сотрудников. Сведения, содержащиеся в анкете и автобиографии, позволяют установить личность разыскиваемого, его адрес, родственные связи. Заявление о приёме на работу и автобиография гражданина могут быть изъяты для дальнейшего использования при проведении почерковедческой экспертизы. Что же касается фотографий, то они значительно облегчают поиск и установление личности. Они могут быть официально предъявлены для опознания.

Наиболее полные сведения о любом лице, имеющем регистрацию в данной местности, можно получить в УФМС (адресном бюро), военкоматах, домоуправлениях.

Поскольку преступники нередко прибегают к изменению или смене фамилии, то подлинная имеется в книге записей актов гражданского состояния, хранящейся в бюро ЗАГСа. Эти же сведения хранятся в сельских советах, а в некоторых случаях (смена фамилии в связи с расторжением брака) в канцеляриях судов.

Если есть сведения о травмах, телесных повреждениях, личность разыскиваемого может быть установлена через документацию медицинских учреждений: травмунктов, больниц, поликлиник. Сведения могут находиться также и в тех учреждениях, где необходимо предъявлять документы: гостиница, кемпинг, дом отдыха, санаторий. Информацию можно получить в медицинских вытрезвителях, спецприёмниках. Маршрут движения и место вероятного нахождения устанавливаются и по авиационному билету, квитанциям багажного отделения железнодорожного вокзала или речного порта, контейнерной станции, а также корешкам денежных переводов, хранящихся в почтовых отделениях, на центральных почтамтах.

Местонахождение похищенного имущества устанавливается по документации ломбардов, комиссионных и скупочных магазинов. Из неё же можно выяснить личность граждан, продавших или сдавших на хранение вещи. Сведения об автотранспорте могут содержаться в Государственной инспекции безопасности дорожного движения МВД РФ.

Если лицо известно, то о сборе информации в учреждении необходимо уведомить лишь руководителя. При установлении, что подозреваемый не работает в данном учреждении, необходимо привлечь компетентных работников для поиска необходимой документации. В другом случае, когда разыскиваемый либо кто-то из его родственников работает в данном учреждении и имеет возможность наблюдать за действиями сотрудника милиции, последний не должен привлекать к себе внимание, чтобы не вызывать подозрений. В этой ситуации важно продумать, организовать, спланировать розыскные действия. Например, можно взять личные дела нескольких лиц, среди которых и то, что интересует следователя, или просматриваются документы за больший период времени, чем необходимо. Для наведения справок используются информационно-поисковые системы МВД РФ и других государственных органов. Сделав запрос в Информационный центр УВД, можно узнать, не привлекалось ли лицо к уголовной или административной ответственности. Результаты данного оперативно-розыскного мероприятия оформляются рапортом или справкой, которые могут быть приобщены к материалам проверки.

В ходе наведения справок, во-первых, происходит одновременное исследование предметов и документов. Оно заключается в изучении тех из них, которые, возможно, сохранили (могли сохранить) на себе следы преступления, являлись или могли являться орудием совершения преступления или результатом преступной деятельности. Оно проводится оперативно-техническими и криминалистическими подразделениями органов безопасности, внутренних дел для обнаружения совершённого преступления и лиц, к нему причастных. А во-вторых, может быть осуществлён сбор образцов для сравнительного исследования. Данное оперативно-розыскное мероприятие заключается в обнаружении и изъятии материальных носителей информации (вещей, предметов, документов и прочее), сохранивших следы преступления (или лица, совершившего преступление), служивших объектами преступных посягательств, и иных предметов, могущих служить средством к обнаружению общественно опасного противоправного деяния и лиц, к нему причастных.

Тактика сбора образцов для сравнительного исследования в зависимости от решаемых задач может быть основана на гласных или негласных методах. Поскольку законом не ограничен перечень собираемых образцов, по мнению В.М. Мешкова и В.Л. Попова к ним могут быть отнесены любые объекты, в том числе микроследы, микрочастицы, выделения человека, отпечатки различных частей тела. Ими приведен пример, когда вор-домушник был идентифицирован по отображению ушной раковины, которое осталось на дверном полотне. Они предлагают привлекать специалистов при отборе образцов. Но ответственность за достоверность и сохранность образца полностью несёт оперативный работник.

В процессе сбора образцов запрещается совершать действия, создающие угрозу здоровью граждан, унижающие их честь и достоинство, затрудняющие нормальное функционирование предприятий, организаций и учреждений, а также нарушающие жизнедеятельность отдельных лиц.

По их мнению, оперативный работник должен в каждом конкретном случае согласовывать со следователем вопрос о предварительном исследовании изъятых образцов, ещё до возбуждения уголовного дела, чтобы не испортить его, не утратить признаки и т.п. [192, с. 29].

Казак А.Е. высказывает предположение, что законодатель имел в виду необходимость получения оперативно-розыскным путём таких образцов, как образцы запаха, голоса, волос, пальцевых отпечатков [127, с. 158]. В целях неукоснительного соблюдения закона, недопущения нарушений прав человека практическим работникам необходимы чёткие рекомендации. Поэтому законодателю следовало бы конкретно перечислить основные виды образцов, необходимых для сравнительного исследования, способы их собирания и условия проведения данного мероприятия.

На наш взгляд, А.Ю. Шумилов допускает смешение таких оперативно-розыскных действий как отождествление личности и сбор образцов для сравнительного исследования. По его мнению, отождествление личности заключается в установлении и идентификации личности проверяемого лица по пальцевым отпечаткам, составу крови и слюны, следам запаха и следам, оставленным на месте происшествия. Оно проводится по заданию оперативных подразделений специальными лабораториями и оперативно-техническими подразделениями правоохранительных органов или научно-исследовательскими институтами [338, с. 62]. Мы полагаем, что ближе к истине авторы ведомственного комментария, усматривающие сущность данного мероприятия в негласном опознании лиц, причастных к преступной деятельности, по признакам внешности, голосу и другим приметам [145, с. 53].

В числе наиболее распространённых и эффективных форм использования «отождествления личности» на практике является патрулирование с потерпевшим или свидетелем в местах вероятного появления преступника, предъявление фотоальбомов и видеотек очевидцам событий, использование компьютерных банков данных для установления, подозреваемых по признакам внешности. Результаты такого мероприятия могут быть использованы в последующем в процессе доказывания, особенно в тех случаях, когда кроме потерпевшего никто не сможет опознать подозреваемых [127, с. 160]. В связи с этим в Законе следовало бы оговорить основные условия проведения оперативно-розыскного отождествления личности. В число этих условий необходимо включить запрет на оказание воздействия на участников оперативной идентификации, искусственное создание обстановки, допускающей возможность ошибки в отождествлении личности, исключающей или ставящей под сомнение процессуальное опознание.

Вообще предпочтительнее было бы каждому мероприятию, перечисленному в ст. 6 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» посвятить отдельную статью, в которой дать законодательное определение понятия мероприятия, его цели и условий применения, а также порядок оформления полученных результатов. Назрела необходимость законодательного урегулирования способов проведения оперативно-розыскных мероприятий, которые могут осуществляться, например, в рамках оперативно-розыскного процесса. Мы поддерживаем мнение Д.В. Ривмана, К.В. Суркова и А.Ю. Шумилова о создании оперативно-розыскного процесса [292, с. 76; 340, с. 164 – 167].

Перечень ст. 6 данного закона в 1995 году был дополнен новыми оперативно-розыскными мероприятиями: оперативное внедрение; оперативный эксперимент и контролируемая поставка.

Оперативное внедрение – это внедрение в организованную преступную группу в качестве агента официального сотрудника спецслужбы, который в соответствии с разработанной легендой, будучи снабжен фиктивными документами и другим обеспечением, переводится на нелегальное положение с целью разработки этой группы, добывания всесторонней, полной и достоверной информации о характере её преступной деятельности, руководстве, членах группы, преступных связях, планируемых преступлениях и другой информации.

По мнению В.М. Мешкова и В.Л. Попова, оперативное внедрение оправдывает себя в следующих ситуациях:

- когда доказательства о преступной деятельности не могут быть получены в ходе процессуальных действий;
- в условиях дефицита времени, когда процедура принятия решения о возбуждении уголовного дела, его регистрации, создания оперативно-следственной группы, распределения функций между её членами и т.п. не позволяет предотвратить готовящиеся преступления или участники криминального формирования могут скрыться от правосудия.

При осуществлении внедрения оперативные сотрудники имеют право пользоваться документами, зашифровывающими его принадлежность к правоохранительным органам, в том числе сведения о работе, об используемом транспортном средстве и т.п.

Для разоблачения деятельности организованных преступных сообществ внедрение сотрудника может быть долговременным, длящимся несколько месяцев или лет. Кратковременное внедрение может иметь место от нескольких часов до нескольких суток.

Права лиц, внедряемых в состав преступных группировок, дополнительно защищены. Сведения о них составляют государственную тайну и могут подлежать к опубликованию или преданы гласности только с их письменного согласия [192, с. 41–42].

Оперативный эксперимент заключается в получении оперативной информации посредством конспиративного наблюдения за объектом оперативно-розыскной деятельности в специально созданных, полностью управляемых или контролируемых условиях. Проведение оперативного эксперимента допускается только на основании постановления, утверждённого руководителем ОВД, для выявления, пресечения и раскрытия тяжкого или особо тяжкого преступления или предупреждения его совершения, а также с целью выявления и установления лица (лиц), его совершающего.

Целью оперативного эксперимента является получение информации в условиях, максимально приближенных к тем, в которых было совершено интересующее оперативного сотрудника событие. Как правило, к его производству привлекаются те же лица, технические или транспортные средства, воссоздается соответствующая обстановка.

Нередко целью данного эксперимента является получение данных об исключительных свойствах личности. Так, при расследовании деятельности организованной преступной группы только в ходе оперативного (а затем и следственного) эксперимента возможно выявить и впоследствии доказать факт создания и руководство группой конкретным субъектом, поскольку остальные группы преступного сообщества не располагают такими личными качествами, позволяющими выполнить все действия, например по анализу хозяйственной деятельности предприятий определённой отрасли в данном регионе; по организации производственной деятельности вновь созданного на криминальные средства предприятия, начиная с закупки сырья и заканчивая «отмыванием» доходов и т.п.

Оперативный эксперимент не должен провоцировать лицо к совершению противоправных действий; не должен унижать достоинство участвующих в нем лиц; подвергать опасности здоровья окружающих; воспроизводить, повторять все обстоятельства расследуемого преступления и т.п.

Оперативный эксперимент, в отличие от следственного может быть произведён в отношении неизвестных лиц с целью выявления их намерений продолжить совершение серийных преступлений (нередко тайных и открытых похищений) путём применения различных «ловушек» или «приманок». При этом если в ходе эксперимента проверяемое лицо совершает действия, содержащие признаки преступления, оно привлекается к уголовной ответственности по действующему законодательству [192, с. 43–44].

Результаты эксперимента оформляются актом и могут служить основанием как для выдвижения версий по делу, так и для принятия решения о возбуждении уголовного дела и о задержании подозреваемого в соответствии со ст. 91 УПК РФ.

Контролируемая поставка состоит в искусственном создании оперативным подразделением (органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, во взаимодействии с компетентными органами иностранного государства), находящейся под его наблюдением ситуации передачи товара потребителю для оказания решающего влияния на преступную деятельность тех или иных лиц с целью эффективного выявления, пресечения и расследования в основном тяжких, особо тяжких длящихся преступлений (в частности, контрабанды наркотических средств и психотропных веществ, в том числе транзитной).

Контролируемая поставка наркотических средств, психотропных веществ и оружия – это допущение таможенными органами Российской Федерации (на основе договоренностей с таможенными и иными компетентными органами иностранных государств или международных договоров РФ) под своим контролем ввоза в Россию, вывоза из неё или транзита через её территорию наркотических средств, психотропных веществ и оружия, включённых в незаконный оборот, в целях пресечения международного незаконного оборота оружия, наркотических средств и психотропных веществ и выявления лиц, участвующих в таком обороте.

Контролируемая поставка – сложное, многоэтапное оперативно-розыскное мероприятие, осуществляемое на основании мотивированного постановления сотрудника оперативного аппарата и утверждённого руководителем ОВД. При проведении контролируемой поставки на территории других стран она разрабатывается на основании существующих межгосударственных Договоров, соглашений.

Целью этого мероприятия является получение информации о поставке, закупке, продаже, перемещении предметов, веществ и продукции, свободная реализация которых либо запрещена, либо оборот которых ограничен.

Различают следующие виды контролируемой поставки:

– объект поставки полностью или частично тайно подменяется идентичным (как правило, это используется при раскрытии фактов незаконного оборота наркотиков);

– объект поставки не подвергается подмене или изъятию.

Органы, осуществляющие контролируемую поставку, обязаны предпринять все меры в пути следования и в месте доставки по сохранности груза, его пребывания в нетронутом состоянии. Действия правоохранительных органов должны быть организованы таким образом, чтобы не дешифровать сущность проводимой операции [192, с. 42–43].

Проверочная закупка или контролируемая поставка предметов, веществ и продукции, свободная реализация которых запрещена либо оборот которых ограничен, а также оперативный эксперимент или оперативное внедрение должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, проводятся на основании постановления, утверждённого руководителем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность (ст. 8 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности»).

Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств заключается в конспиративном осмотре (как правило, оперативном) объектов (помещений, транспортных средств и др.), занимаемых или используемых проверяемым лицом или его связями, для возможного обнаружения следов преступления, орудий совершения преступления, иных предметов или документов, вероятно имеющих отношение к преступной деятельности. Данное оперативно-розыскное мероприятие предполагает скрытое и беспрепятственное проникновение в жилище (вскрытие дверных запоров, отключение охранной сигнализации, невозможность в течение определённого времени возвращения жильцов квартиры), использование видео-аудиотехники, кино – фотосъёмки, меточных средств, недопустимость изъятия каких-либо предметов, замена их, скрытый уход по завершении мероприятия [145, с. 49 – 55].

Наблюдение – это устанавливаемое в общественных местах на определённое время наблюдение за лицами, представляющими оперативный интерес для органов милиции. Наблюдение может проводиться как самими оперуполномоченными уголовного розыска, отделений по борьбе с экономическими преступлениями, так и поручаться специализированным службам, которые фиксируют места пребывания наблюдаемых лиц, их связи на кино – фотопленку. Наблюдение позволяет, не вызывая подозрений у наблюдаемых, собирать сведения об их преступных действиях и связях.

В настоящее время используется три вида наблюдения: физическое, электронное и комплексное.

Наблюдение можно признать одним из наиболее разработанных мероприятий в оперативно-розыскной деятельности. Его аспекты интересовали специалистов ещё в начале XX в. Так, по мнению И.Н. Якимова, наблюдение за преступником путём введения в близкий круг его друзей осведомителей приносит большую пользу [352, с. 69].

В ходе физического наблюдения, основанного на визуальном способе слежения, оперативным сотрудником могут быть использованы технические средства – фотоаппараты, видеокамеры, позволяющие фиксировать действия наблюдаемого лица в реальном времени.

Электронное наблюдение, основанное на применении специальных технических средств, позволяет организовывать и проводить наблюдение за интересующим лицом как в помещении, в транспортном средстве, так и на открытой местности. При этом привлекаются, как правило, сотрудники оперативно-технических подразделений. В ходе этого вида наблюдения нередко используется аппаратура аудио-, видеозаписи с целью контроля и записи разговоров, действий и операций проверяемого лица.

Комплексное наблюдение позволяет фиксировать в хронологическом порядке, в реальном времени, буквально всю жизнедеятельность проверяемого лица на протяжении всего временного интервала, в течение которого осуществляется данное мероприятие.

Поскольку наблюдение – мероприятие, которое ограничивает права граждан, то простая (физическая) форма его осуществляется по решению руководителя оперативного аппарата УВД области (края), как правило, за лицами, подозреваемыми в совершении тяжких преступлений. Квалифицированная (электронная) форма наблюдения проводится только на основании решения суда, поскольку предполагает ограничение конституционных прав гражданина на неприкосновенность жилища.

Результаты проведённого наблюдения фиксируются в справках, оформляются рапортом, актом. От участников наблюдения могут быть получены объяснения. К этим документам прилагаются фотографии, магнитные ленты и видеокассеты, которые могут передаваться органам предварительного следствия или судье. Причём передается только подлинная запись. Объективность и достоверность технических источников информации могут быть проверены в ходе отдельных следственных действий (например, при допросе оперативного работника в качестве свидетеля по делу) или в ходе проведения судебной фоноскопической экспертизы.

Необходимо подчеркнуть, что хотя оперативно-розыскные мероприятия судебными доказательствами не являются, они имеют важное значение в расследовании, способствуя обеспечению его быстроты, полноты и объективности.

Контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений заключается в конспиративном просмотре определённой корреспонденции с целью обнаружения сведений о преступной деятельности проверяемого лица, выявления его связей и получения иной информации, способствующей решению задач оперативно-розыскной деятельности. Поскольку это мероприятие затрагивает охраняемые конституционные права граждан на тайну переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст.23 Конституции РФ), его проведение возможно только на основании судебного решения, выносимого на основании мотивированного постановления соответствующего руководителя ОВД.

Данное оперативно-розыскное мероприятие осуществляется в негласной форме, именуемой как перлюстрация корреспонденции. Контролю может подвергаться почтовая корреспонденция как адресованная конкретному лицу, так и исходящая от него. В необходимых случаях перлюстрации подвергается также корреспонденция, поступающая в конкретный адрес или исходящая из него.

Контроль почтовых отправлений может носить разовый характер и длящийся, устанавливаемый на срок до шести месяцев. Разовый контроль осуществляется с помощью сотрудников предприятий связи. Длящийся контроль почтовых отправлений проводится сотрудниками оперативно-технических подразделений МВД РФ.

Результаты всех видов контроля почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений оформляются соответствующими актами, рапортами. К ним прилагаются отснятые копии, ксерокопии, фотографии, образцы для исследования (содержимое из посылки).

В ходе данного оперативно-розыскного мероприятия оперативный работник обязан обеспечить сохранение в тайне факта контроля; обеспечить сохранность почтового отправления; сохранить в тайне сведения, содержащиеся в почтовом отправлении [192, с. 38–39].

Прослушивание телефонных переговоров заключается в конспиративном слуховом контроле телефонных переговоров (на основании судебного решения) и, как правило, их фиксации с помощью звукозаписывающих технических средств с целью обнаружения сведений о преступной деятельности проверяемого лица, выявления его связей и получения иной информации, способствующей решению задач оперативно-розыскной деятельности.

Контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, а также прослушивание телефонных переговоров осуществляются по заданиям оперативных подразделений исключительно с использованием оперативно-технических сил и средств органов безопасности и внутренних дел. Данные оперативно-розыскные действия проводятся при наличии следующих условий: 1) должны быть данные о том, что конкретное лицо, в отношении которого проводятся оперативно-розыскные мероприятия, готовит, покушается, совершило, совершает тяжкое преступление; 2) должно быть мотивированное постановление о проведении оперативно-розыскных мероприятий в отношении указанного лица, связанного с нарушением тайны переписки, телефонных и иных переговоров, телеграфных сообщений, подписанное руководителем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность; 3) наличие судебного решения на осуществление указанных оперативно-розыскных мероприятий [25, с. 473–474].

Прослушивание телефонных переговоров возможно не только при использовании заподозренными лицами проводных линий связи, но и радиотелефонных каналов, в том числе каналов сотовой, космической связи. Прослушиваться могут переговоры как двух абонентов, так и передача сообщений на автоответчик. Ход данного мероприятия, как правило, фиксируется в справке оперативно-технического подразделения, а также на магнитных носителях, которые в определённых случаях (например, при фиксации факта вымогательства, угроз и т.п.) на основании постановления оперативного сотрудника могут быть переданы в экспертно-криминалистическое подразделение для производства предварительного исследования [192, с. 40].

Следует подчеркнуть, что в качестве доказательств могут быть использованы лишь те сведения, которые получены в ходе прослушивания телефонных переговоров, оформленных в установленном порядке. Аналогичные нормы имеются и в зарубежном законодательстве. Например, в уголовно-процессуальном кодексе Германии сведения, полученные в результате осуществления неправомерного контроля, также не допускает к использованию в качестве доказательств, и поэтому они не могут быть использованы при вынесении приговоров [320, с. 8].

Проведение оперативно-розыскных мероприятий, затрагивающих охраняемую законом тайну переписки, телефонных и иных переговоров, а также право на неприкосновенность жилища, направленных на предотвращение террористического акта или диверсии в случаях, которые не терпят отлагательства, допускается на основании мотивированного постановления одного из руководителей соответствующего органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность. При этом орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, обязан незамедлительно уведомить об этом соответствующего судью в течение 24 часов и получить судебное решение в течение 48 часов с момента начала проведения указанных оперативно-розыскных мероприятий.

При обследовании помещений, контроле почтовых отправлений, прослушивании телефонных переговоров, снятии информации с технических каналов связи, если уголовное дело уже возбуждено, то необходимо руководствоваться нормами уголовно-процессуального законодательства.

Следует иметь в виду, что прослушивание переговоров, ведущихся с телефонов или иных переговорных устройств граждан, допускается в случае возникновения угрозы жизни, здоровью, собственности этих граждан на основании постановления, утверждённого руководителем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, с обязательным уведомлением судьи в течение 48 часов.

В Руководящих принципах для предупреждения организованной преступности и борьбы с ней, принятых на восьмом конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, говорится, что «... надёжным и эффективным методом является перехват сообщений по телекоммуникационной связи и использование электронного оборудования при условии соблюдения прав человека» (ст. 10) [257, с. 46].

Снятие информации с технических каналов связи имеет свои особенности. Здесь речь идет, прежде всего, об улавливании и фиксации неречевой информации, передаваемой или хранимой подозреваемыми лицами. К информации, которую Закон позволяет снимать с технических каналов связи, можно, на наш взгляд, отнести сведения, передаваемые по факсимильным средствам связи, компьютерным сетям, видеоканалам и другим видам связи. Указанное мероприятие должно включать в себя возможность снятия статической компьютерной информации, хранящейся в памяти электронно-вычислительных машин. Ввиду технической сложности, проведение таких мероприятий должно поручаться специальным оперативно-техническим службам. Условия их осуществления целесообразно приравнивать к условиям проведения контроля почтовых отправлений и прослушивания телефонных переговоров.

По мнению В.М. Мешкова и В.Л. Попова при снятии информации с компьютерных сетей, с жёсткого диска компьютера необходимо соблюдать предельную осторожность и допускать к производству этих действий специалиста высокого класса, поскольку программы, содержащие интересующую правоохранительные органы информацию, нередко настроены на самоуничтожение в случае несанкционированного доступа. Преодолеть действующую систему защиты оперативный

работник самостоятельно, как правило, не в состоянии [192, с. 41].

Всеобщая декларация прав человека (1948 г.) провозглашает, что каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность (ст. 3), никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию (ст. 12) [2, с. 7–8]. Конституция Российской Федерации гарантирует гражданам России право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений; на неприкосновенность жилища (ст. 23, 25). Конституция устанавливает, что при отправлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального законодательства (ст. 50). Эти нормы исключают прямое использование в суде тех оперативных данных, которые вызывают сомнения с точки зрения своей достоверности, а, в конечном счёте, не обеспечивают объективность решений, принимаемых по делу.

Результаты оперативно-розыскной деятельности могут быть использованы для подготовки и осуществления следственных действий и проведения оперативно-розыскных мероприятий по предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, а также в качестве доказательств по уголовным делам после их проверки, в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством [127, с. 156].

Правовой природе негласных оперативно-розыскных мероприятий присуща известная противоречивость. Наиболее радикальные из них связаны с ограничением конституционных прав и свобод человека и гражданина. С одной стороны, негласные оперативно-розыскные мероприятия осуществляются во имя высоких, благородных, гуманных целей, а с другой, для достижения этих целей приходится жертвовать определёнными конституционными правами и свободами граждан. Однако негласные оперативно-розыскные мероприятия не подрывают режима правового государства. Возможность ограничения прав и свобод граждан при определённых условиях допускает ст. 55 Конституции РФ.

Оперативно-розыскная деятельность существует во всех странах. Например, в Германии, как и в России, она регулируется не только законом, но и секретными ведомственными нормативными актами. Это «Циркуляр по использованию осведомителей и других информаторов», одобренный Гамбургскими органами внутренних дел и юстиции, «Инструкция по работе с осведомителями» Ганноверского управления полиции, которые дают достаточно полное представление о содержании и характере этих нормативных актов [85, с. 63 – 69].

Оперативно-розыскные действия применяются в соответствии с правилами конспирации, выработанными многолетней практикой и закреплёнными в соответствующих ведомственных актах. В ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий могут быть использованы информационные системы, видео- и аудиозапись, кино- и фотосъёмка, а также другие технические средства, не причиняющие вреда жизни и здоровью личности и окружающей среде. Негласный характер оперативно-розыскных действий связан с использованием особых познаний, умений и навыков, специальной подготовки оперативных сотрудников, специальных технических средств, источников информации [171, с. 123].

В заключение необходимо подчеркнуть следующие обстоятельства. Поскольку предварительная проверка заявлений и сообщений о преступлениях является деятельностью процессуальной, постольку и методы её проведения должны быть процессуальными. Они должны регламентироваться уголовно-процессуальным законодательством, а не Законами «О милиции», «О прокуратуре», «Об оперативно-розыскной деятельности», Приказами и другими нормативными актами. По нашему мнению, с учётом сложившейся практики, в УПК РФ необходимо предусмотреть нормы, регламентирующие методы предварительной проверки. А так же форму документов, отражающих ход и результаты этой проверки.

Законодателю необходимо расширить формулировку ст. 89 УПК РФ, посвящённую использованию результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам. В ней следует отразить, что результаты оперативно-розыскной деятельности, имеющие значение для правильного разрешения дела, могут быть использованы в доказывании в соответствии с требованиями УПК, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств. Органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, в этом случае обязаны предоставить по требованию суда, прокурора и следователя сведения, необходимые для использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании [110, с. 72].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современное состояние преступности в России характеризуется новым динамичным ростом её уровня. В связи с этим проблемы выявления готовящихся и совершённых преступлений, надлежательной проверки поступающих в правоохранительные органы сообщений и заявлений о преступлениях приобретают особую социальную значимость. Необходимость исследования указанных проблем применительно к деятельности органов внутренних дел определяется многими факторами. Во-первых, подавляющее большинство заявлений и сообщений о преступлениях поступает в органы внутренних дел и разрешается их сотрудниками. Во-вторых, значительная часть поступающих сообщений о преступлениях

подвергается предварительной проверке, так как не содержит достаточных данных для принятия законного и обоснованного решения. В-третьих, в практике органов внутренних дел присутствуют многочисленные факты незаконного возбуждения или отказа в возбуждении уголовного дела, нарушающие конституционные права граждан.

В работе комплексно исследованы правовая природа стадии возбуждения уголовного дела и производства по проверке заявлений и сообщений о деяниях с признаками преступления, поводы и основания к производству проверки, к возбуждению и к отказу в возбуждении уголовного дела, характер правоотношений, складывающийся между участниками первоначальной стадии уголовного судопроизводства, субъекты правомочные принимать решения в стадии возбуждения уголовного дела, многочисленные методы проверки поступивших в органы внутренних дел заявлений и сообщений о преступлениях, предусмотренные как уголовно-процессуальным кодексом, так и другими законами.

Проведённое исследование позволяет нам сделать следующие выводы:

1. Возбуждение уголовного дела – самостоятельная и необходимая стадия уголовного процесса, представляющая собой процессуальную форму, в рамках которой устанавливается наличие или отсутствие фактических и юридических оснований для производства предварительного расследования или судебного разбирательства.

2. Основное значение первоначальной стадии уголовного судопроизводства состоит в том, что акт возбуждения уголовного дела, во-первых, определяет границу между непроцессуальной деятельностью по обнаружению преступлений специальными методами и процессуальной деятельностью по установлению фактических обстоятельств преступления и совершивших его лиц; во-вторых, служит процессуальным основанием для производства следственных действий и применения к гражданам мер процессуального принуждения. Таким образом, стадия возбуждения уголовного дела является существенной правовой гарантией от незаконного и необоснованного вовлечения личности в сферу уголовного судопроизводства.

3. Название первоначальной стадии российского уголовного процесса не отражает всего многообразия процессуальных отношений, складывающихся между должностными лицами правоохранительных органов, прокуратуры, суда и заявителем, а также другими лицами. Должностные лица принимают решения не только о возбуждении дела, но и о производстве проверки поступившего сообщения, об отказе в возбуждении уголовного дела, о передаче материалов по подследственности. Очевидно, что первоначальную стадию российского уголовного процесса следует переименовать в стадию рассмотрения и разрешения сообщений о преступлениях.

4. Поводами к возбуждению уголовного дела являются предусмотренные уголовно-процессуальным законом юридические акты или поступки, с которыми закон связывает обязанность органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя СО решить вопрос о возбуждении либо об отказе в возбуждении уголовного дела.

5. Для признания наличия основания к возбуждению уголовного дела достаточен предварительный, вероятностный вывод о соответствующих фактах. Содержание обстоятельств, знание о которых необходимо для возбуждения уголовного дела, может быть ограничено объектом и объективной стороной, а по некоторым категориям дел и субъектом преступления. Однако дать однозначный для всех случаев ответ об объёме фактических оснований для принятия решения о возбуждении уголовного дела невозможно. В связи с этим, для правильной его оценки необходим избирательный подход, зависящий от особенностей конкретного состава преступления.

6. С точки зрения правовой природы, предварительная проверка сообщений о преступлениях представляет собой часть уголовно-процессуальной деятельности, своеобразие процессуальной формы которой состоит в административно-правовом методе регулирования производства проверочных действий. Этот вывод обуславливает необходимость внедрения в правовое регулирование элементов судопроизводственного (состязательного) метода регулирования.

7. Предварительная проверка сообщений о преступлениях – это деятельность по собиранию дополнительных сведений (материалов) об исследуемом событии с целью установления законности повода к возбуждению дела, наличия или отсутствия основания к возбуждению дела и обстоятельств, исключающих производство по делу, поскольку именно с этими тремя факторами закон связывает возможность принятия решений в стадии возбуждения уголовного дела.

8. Проверка заявлений и сообщений о преступлениях проводится при наличии основания, указывающего на отсутствие достаточных данных, необходимых для принятия законного и обоснованного решения о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела с учётом уголовно-процессуальных требований, гарантирующих правомерность её производства.

9. Своевременность, полнота и объективность сбора дополнительных данных в первой стадии российского уголовного процесса зависит от правильного определения в каждом конкретном случае обстоятельств, подлежащих выяснению при проведении проверки, от целенаправленного применения типовых рекомендаций, составляющих её методику, от использования тактических приемов, обеспечивающих производство проверочных действий.

10. Общими требованиями тактического характера являются: а) ограничение проверки оптимальным количеством проверочных действий; б) использование тактических приемов, обеспечивающих получение объективных данных при наличии гарантий прав и законных интересов граждан; в) проведение проверки в необходимых случаях несколькими должностными лицами при наличии единого руководства; г) взаимодействие органа дознания со следователем при проведении предварительной проверки.

11. При проведении предварительной проверки должно быть обеспечено надлежащее взаимодействие следователя и органа дознания. Чаще всего оно осуществляется при проведении осмотра места происшествия; направлении следователю материалов, собранных органом дознания в ходе предварительной проверки; проведении органом дознания определённых

проверочных действий; направлении следователю любой информации, представляющей интерес для эффективности раскрытия преступления, если такая информация не нашла своего отражения в материалах проверки.

12. Исследование показало, что обязанность производства проверки поступивших сообщений о преступлениях и принятия решений в стадии возбуждения уголовного дела должны быть возложена на дознавателя, орган дознания, следователя, руководителя СО. По делам частного обвинения заявление подается в мировой суд с копиями по числу лиц, в отношении которых возбуждается уголовное дело. Мировой судья, приняв заявления к своему производству, выносит постановление (ч. 6, 7 ст. 318 УПК РФ).

13. Предложение о ликвидации в уголовном процессе института проверки поступивших заявлений и сообщений о преступлениях следует отвергнуть. Существование рассматриваемого института позволяет не доводить до стадий предварительного расследования и судебного разбирательства многие заявления и сообщения о деяниях, в которых нет состава преступления. Благодаря регламентированной законом процедуре фильтрации сообщений о преступлениях, органы расследования и суд освобождаются от излишней работы.

14. Монография содержит комплекс предложений по совершенствованию норм действующего уголовно-процессуального законодательства. В частности, автор предлагает дополнить УПК РФ нормами, регламентирующими порядок принятия и регистрации сообщений о преступлениях; дать в уголовно-процессуальном законе полный перечень проверочных действий; сформулировать в законе «Об оперативно-розыскной деятельности» понятие проверочного мероприятия, цели и условия его производства, порядок оформления полученных результатов; приступить к формированию оперативно-розыскного процесса.

Проведённое исследование свидетельствует о том, что изучение проблем стадии возбуждения уголовного дела должно быть продолжено. Особого внимания специалистов заслуживают вопросы, связанные с процессуальными гарантиями прав и законных интересов заявителей о преступлениях и лиц, пострадавших от преступлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации. – М., 2009.
2. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. // Права человека и судопроизводство. Собрание международных документов. – Варшава ОБСЕ, 1996. – С. 7 – 10.
3. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. // Права человека и судопроизводство. – Варшава, ОБСЕ, 1996. – С. 95 – 111.
4. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // Права человека и судопроизводство. – Варшава, ОБСЕ, 1996. – С. 235 – 257.
5. Уголовно-процессуальный кодекс РФ. – М., 2009.
6. Уголовный кодекс РФ. – М., 2009.
7. Гражданский кодекс РФ. – М., 2009.
8. Семейный кодекс РФ. – М., 2009.
9. Налоговый кодекс РФ. – М., 2009.
10. О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений : федер. закон Российской Федерации от 15.07.1995 // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 29. – Ст. 2795.
11. О прокуратуре Российской Федерации : федер. Закон Российской Федерации от 17.01.1992 // Собрание законодательства РФ. – 1992. – № 47. – Ст. 4472.
12. Об аудиторской деятельности : федер. закон Российской Федерации от 07.08.2001 № 119-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001.
13. О бухгалтерском учёте : федер. закон Российской Федерации от 21.11.1996 № 129-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. – № 48. – Ст. 5369.
14. О внесении изменений в УПК РФ : федер. закон Российской Федерации от 06.06.2007 № 90-ФЗ.
15. О внесении изменений в УПК РФ : федер. закон Российской Федерации от 2.12.2008 № 226-ФЗ.
16. О средствах массовой информации : федер. закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1.
17. О государственной тайне : федер. закон Российской Федерации от 21.07.1993 № 5485-1-ФЗ.
18. Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон Российской Федерации от 12.08.1995 № 144-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.

19. О статусе судей в Российской Федерации : закон Российской Федерации от 26.06.1992 // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1992. – № 30. – Ст. 1792; Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 26. – Ст. 2399.
20. О Президенте РСФСР : закон от 24.04.1991 // Собрание законодательства РФ. – 1991.
21. О милиции : закон РСФСР от 18.04.1991 // ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 16. – Ст. 503.
22. Концепция судебной реформы, одобренная Верховным Советом РСФСР 24 октября 1991 г. // Ведомости Съезда народных депутатов РФ. – 1991. – № 44. – Ст. 1435.
23. По делу о проверке конституционности ст. 418 УПК РСФСР : Постановление Конституционного суда Российской Федерации по запросу Каратузского районного суда Красноярского края // Российская газета. – 1996. 6 декабря.
24. Постановление Конституционного суда РФ по запросу Костомукшского городского суда Республики Карелия о проверке конституционности. ч. 4 ст. 113 УПК РСФСР // Российская газета 1998. 7 мая.
25. О некоторых вопросах, связанных с применением ст. ст. 23 и 25 Конституции РФ : постановление Пленума Верховного суда РФ № 13 от 24.12.1993 // Сборник постановлений Пленумов Верховных судов СССР и РСФСР по уголовным делам (пункт 4). – М., 1999. – С. 473–474.
26. Определение Конституционного Суда РФ по запросу Ванинского суда Хабаровского края о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР от 26 января 1999 года // Российская газета 1999. – 23 марта.
27. О порядке реализации норм Указа Президента Российской Федерации : совместное указание Генеральной прокуратуры, МВД и ФСБ России от 24 июня 1994 года № 1226 от 14 июня 1994 г. «О неотложных мерах по защите населения от бандитизма и иных проявлений организованной преступности».
28. О признании утратившими силу некоторых актов Президента РФ : указ Президента Российской Федерации от 14.06.1997 № 593 // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 25. – Ст. 2898.
29. О порядке приема, регистрации и разрешения в органах внутренних дел РФ заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях : инструкция, утвержденная Приказом МВД России 01.12.2005. – № 985.
30. Инструкция по организации и производству экспертных исследований в бюро судебно-медицинской экспертизы, утверждена приказом № 161 от 24.04.2003 Минздрава России.
31. О процессуальных полномочиях руководителей органов внутренних дел : письмо Генеральной прокуратуры РФ, МВД России № 25/15-1-19-93, № 1/3986 от 09.09.1993.
32. Примерное положение об организации работы специализированных подразделений дознания милиции общественной безопасности (местной милиции), утверждённое приказом МВД России от 16.10.1992 № 368.
33. Об утверждении Правил медицинского освидетельствования на состояние опьянения лица, которое управляет транспортным средством, и оформления его результатов : постановление Правительства РФ от 26.12.2002 № 930.
34. О медицинском освидетельствовании на состояние опьянения : приказ Минздрава России от 14.07.2003 № 308, зарегистрирован в Минюсте России 21 июля 2003 г., регистрационный № 4913.
35. Алексеев, С.С. Теория права / С.С. Алексеев. – М., 1994. – 224 с.
36. Альперт, С.А. Возбуждение уголовного дела органами милиции / С.А. Альперт, В.А. Стрёмовский. – Харьков, 1957. – 30 с.
37. Арсеньев, В.Д. О дальнейшей дифференциации порядка производства по уголовным делам / В.Д. Арсеньев, Н.Ф. Метлин, А.В. Смирнов // Правоведение. – 1986. – № 1. – С. 78 – 83;
38. Атанесян, Г.А. Судебная бухгалтерия / Г.А. Атанесян, С.П. Голубятников. – М., 1989.
39. Афанасьев, В. Незаконные отказы в возбуждении дела / В. Афанасьев, Ю. Белозеров, А. Чувилов // Социалистическая законность. 1971. – № 7. – С. 28 – 31.
40. Бажанов, М.И. Производство дознания по новому уголовно – процессуальному кодексу УССР / М.И. Бажанов // Уч. Записки Харьковского юридического института. – Вып. 16. Харьков. – 1962. – С. 59.
41. Бажанов, С. Оправдана ли так называемая доследственная проверка? / С. Бажанов // Законность. – 1995. – № 1. – С. 51 – 53;
42. Балакшин, В. Проблема административной ответственности за хищение / В. Балакшин // Законность. – 1997. – № 4. – С. 30 – 33.
43. Баранова, З.Т. Расследование дел о взяточничестве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / З.Т. Баранова. – М., 1956. – 18 с.
44. Басков, В.И. Прокурорский надзор : учебник / В.И. Басков. – М., 1996. – 558 с.
45. Бедняков, Д.И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений / Д.И. Бедняков. – М., 1991. – 206 с.
46. Бедняков, Д.И. О принятии предметов и документов, представленных в порядке / Д.И. Бедняков ; ч. 2 ст. 70 УПК РСФСР // Процессуальные вопросы предварительного расследования на современном этапе. – Волгоград, 1988. – С. 40.
47. Безуглов, М.В. Расследование поджогов и преступных нарушений правил пожарной безопасности : автореф. ... дис. канд. юрид. наук / М.В. Безуглов. – М., 1972. – 18 с.
48. Бекешко, С.П. Подозреваемый в советском уголовном процессе / С.П. Бекешко, Е.А. Матвиенко. – Минск, 1969. – 128 с.
49. Белкин, Р.С. Собираение, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы / Р.С. Белкин. – М., 1966. – 295 с.
50. Белкин, Р.С. Судебная экспертиза: Вопросы, требующие решения / Р.С. Белкин // Советская юстиция. – 1988. – № 1. – С. 21–22.
51. Белозеров, Ю.Н. Возбуждение уголовного дела : учебно-практическое пособие / Ю.Н. Белозеров. – М., 1976. – 40 с.
52. Белозеров, Ю.Н. Возбуждение уголовного дела / Ю.Н. Белозеров // Советский уголовный процесс. – М., 1982. С. 194–195.

53. Белозеров, Ю.Н. Законность и обоснованность возбуждения уголовных дел органами внутренних дел / Ю.Н. Белозеров, В.В. Рябоконь. – М., 1988. – 35 с.
54. Белозеров, Ю.Н. Проблемы обеспечения законности и обоснованности возбуждения уголовного дела / Ю.Н. Белозеров, А.А. Чувилев. – М., 1973. – 127 с.
55. Бенчев С.Г. Организация и тактика взаимодействия следователя со специалистами при расследовании преступлений : по материалам МВД НРБ ; дисс. ... канд. юрид. наук / С.Г. Бенчев. – М., 1981. – 182 с.
56. Берекашвили, А.Ш. Предварительная проверка материалов и возбуждение уголовного дела по факту взяточничества : сборник аспирантских работ по вопросам государства и права / А.Ш. Берекашвили. – Свердловск, 1963. – С. 404–405.
57. Боботов, С. Французская уголовная юстиция пятой республики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. Боботов. – М., 1964. – 16 с.
58. Боботов, С. Французская уголовная юстиция / С. Боботов. – М., 1968.
59. Боботов, С.В. Пути совершенствования системы уголовной юстиции / С.В. Боботов и др. // Советское государство и право. – 1989. – № 4. – С. 91 – 95.
60. Бобров, В.К. Стадия возбуждения уголовного дела : учебное пособие / В.К. Бобров. – М. : МЮИ МВД России, 1997. – 69 с.
61. Божьев, В.П. Уголовно-процессуальные правоотношения / В.П. Божьев. – М., 1975. – 176 с.
62. Бородин, С.В. Разрешение вопроса о возбуждении уголовного дела / С.В. Бородин. – М., 1970. – 120 с.
63. Бородин, С.В. Рассмотрение и разрешение органами внутренних дел заявлений и сообщений о преступлениях / С.В. Бородин, В.И. Елесин, М.Н. Шавшин. – М., 1971. – 32 с.
64. Будников, В. «Показания в уголовном процессе» / В. Будников, А. Русяев // Законность. – 2006. – № 9. – С. 42 – 44.
65. Буторин, Л.А. Обеспечение обязательного и своевременного рассмотрения ОВД заявлений и сообщений о преступлениях : процессуальные и организационные аспекты : дис. ... канд. юрид. наук / Л.А. Буторин. – М., 1987. – 289 с.
66. Быховский, И.Е. Осмотр места происшествия : справочник следователя / И.Е. Быховский и др. ; общ. ред. А.А. Леви. – 2-е изд. – М., 1982. – 270 с.
67. Вандышев, В.В. Уголовный процесс : учебно-методическое пособие в 2-х ч. / В.В. Вандышев, А.П. Дербенев, А.В. Смирнов. – СПб., 1996. – Ч. 1. – 97 с. ; Ч. 2 – 73 с.
68. Вандышев, В.В. Возбуждение уголовных дел о преступлениях, совершенных работниками милиции : учебно-методическое пособие / В.В. Вандышев, М.Ф. Пушкарев ; под ред. В.П. Сальникова. – СПб., 1997. – 53 с.
69. Вандышев, В.В. Уголовный процесс в схемах / В.В. Вандышев. – СПб : Питер, 2003. – 2-е изд. – 496 с.
70. Васильев, А.И. Рассмотрение сообщений о совершенных преступлениях / А.И. Васильев. – М., 1954.
71. Васильев, А.Н. Тактика отдельных следственных действий / А.Н. Васильев. – М., 1981. – 112 с.
72. Васильченко, А.А. Проблемы реализации материальных уголовных правоотношений в уголовном процессе (предложения по совершенствованию законодательства) / А.А. Васильченко. – Тамбов : Тамбовский филиал МосУ МВД России, 2005. – 40 с.
73. Великошин, И.И. Обеспечение законности и обоснованности отказов в возбуждении уголовного дела : дис. ... канд. юрид. наук / И.И. Великошин. – М., 1979.
74. Винберг, А. Криминалистическая одорология / А. Винберг // Социалистическая законность. – 1971. – № 11. – С. 15 – 17.
75. Винберг А. Актуальные вопросы теории судебных доказательств в уголовном процессе / А. Винберг, Г. Кочаров, Г. Миньковский // Социалистическая законность. – 1963. – № 3. – С. 19 – 27.
76. Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных судов СССР и РСФСР (1938 – 1978). – М., 1980. – 294 с.
77. Гаврилов, А.К. Возбуждение уголовного дела органами милиции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.К. Гаврилов. – Ростов н/Д, 1964. – 20 с.
78. Гаврилов, А.К. Возбуждение уголовного дела органами милиции : дис. ... канд. юрид. наук / А.К. Гаврилов. – Ростов н/Д, 1964.
79. Гаврилов, А.К. Раскрытие преступлений на предварительном следствии : правовые и организационные вопросы / А.К. Гаврилов. – Волгоград, 1976. – 207 с.
80. Гаврилов, А.К. Законность и обоснованность возбуждения уголовного дела в советском уголовном процессе / А.К. Гаврилов, В.А. Стремковский. – Ростов н/Д, 1968.
81. Гайтов, Э.Ш. Освидетельствование на состояние опьянения в свете нового КОАП РФ / Э.Ш. Гайтов // «Общество и право», 2008. – № 3. Система Консультант Плюс : Юридическая пресса. версия 28.01.2010.
82. Галаган, В.И. Использование следователем информации на первоначальном этапе расследования : автореф. ... канд. юрид. наук / В.И. Галаган. – Киев, 1992. – 20 с.
83. Галкин, Б.А. Советский уголовно-процессуальный закон / Б.А. Галкин. – М., 1962. – 255 с.
84. Гельдибаев, М.Х. Уголовный процесс : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по юридическим специальностям / М.Х. Гельдибаев, В.В. Вандышев. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2007 – 624 с.
85. Гесснер, Р. За фасадом права : методы новой тайной полиции / Р. Гесснер, У. Херцог ; пер. с нем. – М., 1990. – 222 с.
86. Головкин, Л.В. Дознание и предварительное следствие в уголовном процессе Франции / Л.В. Головкин. – М., 1995. – 130 с.
87. Горский, Г.Ф. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе / Г.Ф. Горский, Л.Д. Кокорев, П.С. Элькинд. – Воронеж, 1978. – 304 с.
88. Горшенев, В.М. Разновидности процессуальных норм в советском праве / В.М. Горшенев // Правоведение. – 1969. – № 2. – С. 24 – 27.
89. Григорьев, В.Н. Возбуждение уголовного дела при непосредственном обнаружении признаков преступления / В.Н. Григорьев // Правоведение. – 1982. – № 5. – С. 97 – 99.

90. Григорьев, В.Н. Обнаружение признаков преступления органами внутренних дел / В.Н. Григорьев. – Ташкент, 1986. – 86 с.
91. Григорьев, В.Н. Первоначальные действия при получении сведений о преступлении (процессуальные и организационно-правовые формы) : учебное пособие / В.Н. Григорьев, Ю.В. Прушинский. – М. : ЮИ МВД РФ, Книжный мир, 2002. – 103 с.
92. Гриценко, В.В. Налоговый кодекс РФ (ч. 1) : учебное пособие / В.В. Гриценко. – Воронеж, 1999. – 238 с.
93. Гуляев, А.П. О повышении надежности доказывания на стадии возбуждения уголовного дела / А.П. Гуляев // Проблемы надежности доказывания в советском уголовном процессе. – М., 1984. – С. 47 – 50.
94. Гуляев, А.П. Процессуальные сроки в стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования / А.П. Гуляев. – М., 1976. – 143 с.
95. Гуляев, А.П. Следователь в уголовном процессе / А.П. Гуляев. – М., 1981. – 191 с.
96. Гуляев, А.П. Задержание лиц, подозреваемых в совершении преступлений : учебное пособие / А.П. Гуляев. – М., 1988. – 42 с.
97. Гусаков, А.Н. Криминалистика США: теория и практика ее применения / А.Н. Гусаков. – Екатеринбург, 1993. – 125 с.
98. Гуткин, И.М. Актуальные вопросы уголовно-процессуального задержания : учебное пособие / И.М. Гуткин. – М., 1980. – 89 с.
99. Гуткин, И.М. Сущность взаимодействия органов предварительного следствия и дознания в советском уголовном процессе / И.М. Гуткин // Органы дознания и предварительного следствия системы МВД и их взаимодействие. – М., 1973. – С. 67 – 70.
100. Гуценко, К.Ф. Основы уголовного процесса США / К.Ф. Гуценко. – М., 1993. – 88 с.
101. Гуценко, К.Ф. Правоохранительные органы : учебник для вузов / К.Ф. Гуценко, М.А. Ковалев. – М., 1998. – 368 с.
102. Гуценко, К.Ф. Уголовный процесс западных государств / К.Ф. Гуценко, Л.В. Головкин, Б.А. Филимонов ; изд. 2-е, доп. и испр. – Издательство «Зерцало-М», 2002. – 528 с.
103. Давлетов, А.А. Возбуждение уголовного дела / А.А. Давлетов. – Екатеринбург, 1994. – 54 с.
104. Давыдов, П.М. Применение мер процессуального принуждения по Основам уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик / П.М. Давыдов, П.П. Якимов. – Свердловск, 1961. – 58 с.
105. Даев, В.Г. Взаимосвязь уголовного права и процесса / В.Г. Даев. – Л., 1982. – 112 с.
106. Демидов, И.Ф. Заявитель в советском уголовном процессе // Вопросы борьбы с преступностью / И.Ф. Демидов. – М., 1982. – Вып. 36. – С. 85 – 90.
107. Денежкин, Б.А. Подозреваемый в советском уголовном процессе / Б.А. Денежкин. – Саратов, 1982. – 142 с.
108. Деревнин, А.А. Указы Президента Российской Федерации в системе нормативных правовых актов Российской Федерации / А.А. Деревнин, В.А. Петрушев // Проблемы правотворчества и совершенствования законодательства : сб. науч. тр. – Иркутск, 1996. С. 23 – 32.
109. Добровольская, Т.Н. Принципы советского уголовного процесса : вопросы теории и практики / Т.Н. Добровольская. – М., 1971. – 199 с.
110. Доля, Е.А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности / Е.А. Доля. – М., 1996. – 111 с.
111. Дубинский, А.Я. Исполнение процессуальных решений следователя: правовые и организационные проблемы / А.Я. Дубинский. – Киев, 1984. – 182 с.
112. Дубинский, А.Я. Производство предварительного расследования органами внутренних дел / А.Я. Дубинский. – Киев, 1987.
113. Дулов, А.В. Тактика следственных действий / А.В. Дулов, П.Д. Нестеренко. – Минск, 1971. – 92 с.
114. Дулов, А.В. Вопросы теории судебной экспертизы в советском уголовном процессе / А.В. Дулов. – Минск, 1959. – 188 с.
115. Евгеньев-Тиш, М.Е. План расследования уголовного дела / М.Е. Евгеньев-Тиш // Научные труды. – Саратов, 1957. Вып. 1. – С. 171–172.
116. Епифанова, Э.Д. Методика расследования хищений при заготовках сельскохозяйственных продуктов / Э.Д. Епифанова – М., 1955.
117. Еремин, С.Г. Выявление признаков экономических преступлений в бухгалтерском учёте с использованием методов фактического контроля / С.Г. Еремин // Адвокат № 9, 2006. Система Гарант. Версия 28.01.2010.
118. Еремян, А.В. Основания возбуждения уголовного дела : дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Еремян. – М., 1990. – 180 с.
119. Ефимичев, С.П. Следственный осмотр / С.П. Ефимичев, Н.И. Кулагин, А.Е. Ямпольский. – Волгоград, 1983. – 36 с.
120. Ефимичев, С.П. Возбуждение и предварительное расследование дел о преступлениях несовершеннолетних : учебное пособие / С.П. Ефимичев. – Волгоград, 1982. – 99 с.
121. Жогин, Н.В. Возбуждение уголовного дела / Н.В. Жогин и Ф.Н. Фаткуллин. – М., 1961. – 206 с.
122. Жогин, Н.В. Предварительное следствие в советском уголовном процессе / Н.В. Жогин и Ф.Н. Фаткуллин. – М., 1965. – 367 с.
123. Зипунников, Д.А. Сообщения о преступлениях – проблемы теории и практики / Д.А. Зипунников, А.С. Каретников // Российская юстиция. – 2006. – № 12. – С. 53–54.
124. Зусь, Л.Б. Правовое регулирование в сфере уголовного судопроизводства / Л.Б. Зусь. – Владивосток, 1984. – 145 с.
125. Изотова, О.В. Проблемы судебного контроля при возбуждении и предварительном расследовании уголовных дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О.В. Изотова. – М., 1996. – 22 с.
126. Каз, Ц.М. Пределы доказывания в стадии возбуждения уголовного дела / Ц.М. Каз // Ученые записки Саратовского юридического института. – Саратов, 1964. – Вып. XI. – С. 35 – 38.

127. Казак, А.Е. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел и права человека : дис. ... канд. юрид. наук / А.Е. Казак. – СПб., 1997. – 285 с.
128. Калиновский, К.Б. Законность и типы уголовного процесса : дисс. ... канд. юрид. наук / К.Б. Калиновский. – СПб., 1999. – 208 с.
129. Карев, Д.С. Возбуждение и расследование уголовных дел / Д.С. Карев, Н.М. Савгирова. – М., 1967. – 142 с.
130. Карнеева, Л.М. Подозреваемый в советском уголовном процессе / Л.М. Карнеева // Социалистическая законность. – 1959. – № 4. – С. 37–38.
131. Карнеева, Л.М. Доказывание при отказе в возбуждении уголовного дела / Л.М. Карнеева // Советское государство и право. – 1975. – № 2. – С. 93 – 98.
132. Карнеева, Л.М. Основания отказа в возбуждении уголовного дела / Л.М. Карнеева // Социалистическая законность. – 1977. – № 3. – С. 55 – 58.
133. Карнеева, Л.М. Доказательства в советском уголовном процессе : учебное пособие / Л.М. Карнеева. – Волгоград, 1988. – 68 с.
134. Карнеева Л.М. Организация работы следователя / Л.М. Карнеева, В.И. Ключанский. – М., 1961.
135. Кваша, Ю.Ф. Сущность, задачи, правовая основа и принципы оперативно-розыскной деятельности : лекция / Ю.Ф. Кваша, К.В. Сурков. – СПб., 1994. – 56 с.
136. Керимов, Д.А. Философские проблемы права / Д.А. Керимов. – М., 1972. – 472 с.
137. Кертэс, И. Основы теории вещественных доказательств / И. Кертэс. – Минск. – 1973. – 16 с.
138. Кечекьян, С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе / С.Ф. Кечекьян. – М., 1958. – 187 с.
139. Клюков, Е.М. Мера процессуального принуждения / Е.М. Клюков. – Казань. 1974. – 109 с.
140. Кобликов, А.С. Возбуждение уголовного дела / А.С. Кобликов. – М., 1962.
141. Ковалев, В.А. Органы расследования и судебная система Великобритании : учебное пособие / В.А. Ковалев, С.Г. Чадаев. – М., 1985. – 49 с.
142. Ковалев, А.В. Планирование проверки первичных материалов о нарушении правил техники безопасности в сельском хозяйстве / А.В. Ковалев // Вопросы криминалистики и судебной экспертизы. – Саратов, 1976. – Вып. 1. – С. 95 – 97.
143. Коврига, З.Ф. Дознание в органах милиции / З.Ф. Коврига. – Воронеж, 1964. – 59 с.
144. Колесниченко, А. О соотношении доказывания и оперативно-розыскной деятельности / А. Колесниченко // Социалистическая законность. – 1963. – № 8. – С. 54.
145. Комментарий Закона Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» / под ред. Е.А. Абрамова. – М. : Академия МВД России, 1994.
146. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / под ред. А.М. Рекункова и А.К. Орлова. – М., 1985. – 687 с.
147. Кондрашов Б.П. Российский закон о милиции / Б.П. Кондрашов, Ю.П. Соловей, В.В. Черников. – М., 1992. – 176 с.
148. Конституция, закон, подзаконный акт / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М., 1994. – 133 с.
149. Концепция судебной реформы, одобренная Верховным Советом РСФСР 24 октября 1991 г. / Ведомости съезда народных депутатов РФ. – 1991. – № 44. – Ст. 1435.
150. Корноухов, В.Е. Расследование и предупреждение хищений колхозного имущества, совершаемых путём присвоения, растрат либо путём злоупотребления служебным положением : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.Е. Корноухов. – Саратов, 1970. – 19 с.
151. Корнуков, В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве / В.М. Корнуков. – Саратов, 1978. – 137 с.
152. Коршевер, И. Объем компетенции и формы процессуальной деятельности органов дознания / И. Коршевер // Социалистическая законность. – 1954. – № 9. – С. 61.
153. Косенко, А.С. Розыскные действия в советском уголовном процессе : учебное пособие / А.С. Косенко. – Хабаровск, 1989. – 41 с.
154. Кочетков, В.Г. Подозреваемый в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.Г. Кочетков. – М., 1965. – 16 с.
155. Крикунов, А.Е. Расследование дел о спекуляции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.Е. Крикунов. – Киев, 1965. – 19 с.
156. Криминалистика : учебник для вузов МВД СССР / под ред. Р.С. Белкина. – М., 1980. – 507 с.
157. Криминалистика : учебник для вузов по спец. «Правоведение» / под ред. Б.Е. Богданова, А.Н. Васильева, В.Н. Герасимова и др. – М., 1980. – 496 с.
158. Криминалистическая экспертиза. – Вып. 1. – М., 1966. – 165 с.
159. Кругликов, А.П. Правовое положение органов и лиц, производящих дознание, в советском уголовном процессе : учебное пособие / А.П. Кругликов. – Волгоград, 1986. – 43 с.
160. Крылов, И.Ф. Розыск, дознание, следствие : учебное пособие / И.Ф. Крылов, А.И. Бастрыкин. – Л., 1984. – 217 с.
161. Крючатов, И.А. Обоснованное возбуждение уголовного дела – гарантия соблюдения социалистической законности / И.А. Крючатов // Проблемы социалистической законности на современном этапе развития советского государства. – Харьков, 1968. – С. 231 – 233.
162. Крючатов, И.А. Правовая природа возбуждения уголовного дела в советском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук / И.А. Крючатов. – Одесса, 1969.
163. Кузнецов, Н.П. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела / Н.П. Кузнецов. – Воронеж, 1983. – 117 с.
164. Куклин, В.И. Неотложные следственные действия / В.И. Куклин. – Казань, 1967. – 141 с.

165. Куцова, Э.Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. (Предмет, цель, содержание) / Э.Ф. Куцова. – М., 1973. – 167 с.
166. Кучеров, И.И. Налоги и криминал: Историко-правовой анализ / И.И. Кучеров. – М., 2000.
167. Кучеров, И.И. Налоговые преступления / И.И. Кучеров. – М., 1997. – 214 с.
168. Лавров, В.П. Расследование преступлений по горячим следам : учебное пособие / В.П. Лавров, В.Е. Сидоров. – М., 1989. – 56 с.
169. Лапин, Е. Ревизия аудитора по уголовным делам / Е. Лапин // Законность. – 1998. № 9. – С. 8 – 12.
170. Ларин, А.М. Работа следователя с доказательствами / А.М. Ларин. – М., 1966. – 156 с.
171. Ларин, А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции / А.М. Ларин. – М., 1986. – 159 с.
172. Ларин, А.М. Структура института возбуждения уголовного дела / А.М. Ларин // Советское государство и право. – 1978. – № 5. – С. 78 – 81.
173. Ларин, А.М. Истребование и представление предметов и документов в стадии расследования / А.М. Ларин // Актуальные проблемы совершенствования производства следственных действий. – Ташкент, 1982. – С. 61 – 65.
174. Лившиц, Ю.Д. Меры пресечения в советском уголовном процессе / Ю.Д. Лившиц. – М., 1964. – 138 с.
175. Лубенский А. Предварительное расследование по законодательству капиталистических государств / А. Лубенский. – М., 1977. – 160 с.
176. Лукьянчиков, Е.Д. Деятельность органов милиции по разрешению заявлений и сообщений о деяниях несовершеннолетних и производству неотложных следственных действий (организационные и процессуальные вопросы) : дис. ... канд. юрид. наук / Е.Д. Лукьянчиков. – Киев, 1979.
177. Лупинская, П.А. Доказывание в советском уголовном процессе. Учебное пособие для студентов, изучающих спецкурс «Доказательства в уголовном процессе» / П.А. Лупинская. – М., 1966. – 102 с.
178. Лупинская, П.А. Законность и обоснованность решений в уголовном судопроизводстве / П.А. Лупинская. – М., 1972. – 79 с.
179. Лупинская, П.А. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы / П.А. Лупинская. – М., 1976. – 168 с.
180. Лютиков, Н.Е. Возбуждение уголовного дела о нарушении правил безопасности движения и эксплуатации автотранспорта : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.Е. Лютиков. – Воронеж, 1968. – 19 с.
181. Макаров, В.Г. Теория бухгалтерского учёта : учебник для экономических специальностей вузов / В.Г. Макаров 3-е изд. – М., 1983. – 271 с.
182. Максудов, И.Х. Осмотр места происшествия / И.Х. Максудов. – Л., 1965. – 40 с.
183. Мартинович, И.И. Некоторые вопросы возбуждения уголовного дела / И.И. Мартинович // Ученые записки Белорусского университета. – Вып. 34. – Минск, 1957. – С. 79 – 81.
184. Марфицин, П.Г. Обеспечение прав и законных интересов личности в стадии возбуждения уголовного дела : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / П.Г. Марфицин. – М., 1993. – 20 с.
185. Масленникова, Л.Н. Процессуальное значение результатов проверочных действий в доказывании по уголовному делу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Л.Н. Масленникова. – М., 1990. – 20 с.
186. Масленникова, Л. Проверочные действия в стадии возбуждения уголовного дела / Л. Масленникова // Социалистическая законность. – 1989. – № 6. – С. 49.
187. Махов, В. Возбуждение уголовного дела в отношении определенного лица / В. Махов // Российская юстиция. – 1997. – № 12. – С. 25.
188. Махов, В. Сделка о признании вины / В. Махов, М. Пешков // Российская юстиция. – 1998. – № 7. – С. 17 – 19.
189. Машовец, А.О. Принцип состязательности и его реализация в предварительном следствии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 1994. – 26 с.
190. Меликян, М. Надзор за регистрацией преступлений / М. Меликян // Законность. – 1997. – № 9. – С. 50 – 52.
191. Мельникова, Э.Б. Участие специалистов в следственных действиях / Э.Б. Мельникова. – М., 1964. – 87 с.
192. Мешков, В.М. Оперативно-розыскная тактика и особенности легализации полученной информации в ходе предварительного следствия : учебно-практическое пособие / В.М. Мешков, В.Л. Попов. – М. : Издательство «Щит-М», 1999. – 80 с.
193. Мизулина, Е.Б. Независимость суда не есть еще гарантия правосудия / Е.Б. Мизулина // Государство и право. – 1992. – № 4. – С. 55.
194. Мизулина, Е.Б. О модели уголовного процесса / Е.Б. Мизулина // Правоведение. – 1989. – № 5. – С. 52.
195. Мирский, Д.Я. О дальнейшем укреплении законности в стадии возбуждения уголовного дела / Д.Я. Мирский // Материалы теоретической конференции, посвященной 50-летию Советской власти. – Свердловск, 1968. – С. 327–328.
196. Митрохина, З.И. Методика расследования преступных нарушений правил безопасности движения и эксплуатации городского электрического транспорта : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / З.И. Митрохина. – Харьков, 1970. – 19 с.
197. Михайленко, А.Р. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе / А.Р. Михайленко. – Саратов, 1975. – 150 с.
198. Михайленко, А.Р. Вопросы теории и практики возбуждения уголовного дела в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.Р. Михайленко. – М., 1971. – 17 с.
199. Михайлов, И.В. Дознание в органах советской милиции и его взаимодействие с предварительным следствием : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И.В. Михайлов. – М., 1965. – 16 с.
200. Михеенко, М.М. Уголовно-процессуальное право Великобритании, США и Франции / М.М. Михеенко, В.П. Шибико. – Киев, 1988. – 187 с.

201. Москалькова, Т.Н. Этика уголовно-процессуального доказывания (стадия предварительного расследования) / Т.Н. Москалькова. – М., 1996. – 125 с.
202. Мотовиловкер, П.О. Обстоятельства, исключаящие производство по уголовному делу / П.О. Мотовиловкер // Советское государство и право. – 1984. – № 12. – С. 66.
203. Мудьюгин, Г. Судебно-медицинскую экспертизу в стадию возбуждения уголовного дела / Г. Мудьюгин, П. Похис // Социалистическая законность. – 1971 – № 9. – С. 14 – 18.
204. Научно-практический комментарий к УПК РСФСР / под общ. ред. В.М. Лебедева. – 2-е изд. – М., 1997. – 788 с.
205. Незванова, Г.Г. Проверка основания к возбуждению уголовного дела / Г.Г. Незванова // Научные труды Ташкентского университета. – Вып. 309. – 1967. – С. 185 – 188.
206. Никандров, В.И. Возбуждение уголовного дела / В.И. Никандров. – М., 1990. – 24 с.
207. Николайчик, В.М. США: «Билль о правах» и полицейское расследование / В.М. Николайчик. – М., 1973. – 254 с.
208. Николайчик, В.М. Уголовный процесс США / В.М. Николайчик. – М., 1981. – 224 с.
209. Николок, В.В. Истребование предметов и документов в стадии возбуждения уголовного дела / В.В. Николок, В.В. Кальницкий, В.Г. Шаламов. – Омск, 1990. – 73 с.
210. Николок В.В. Стадия возбуждения уголовного дела. (В вопросах и ответах) : учебное пособие / В.В. Николок, В.В. Кальницкий, П.Г. Марфицин. – Омск, 1995. – 108 с.
211. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов ; под ред. Н.Ю. Шведовой. – 16-е изд. – М., 1984. – 797 с.
212. Орлов, Ю. Лица, обладающие специальными познаниями, как субъекты уголовного процесса / Ю. Орлов // Советская юстиция. – 1988. – № 8. – С. 14–15.
213. Остроумов, С.С. Основы бухгалтерского учёта и судебно-бухгалтерской экспертизы / С.С. Остроумов, С.П. Фортинский. – М., 1964. – 291 с.
214. Очередин, В.Т. Обеспечение законности при расследовании преступлений несовершеннолетних следователями органов внутренних дел : учебное пособие / В.Т. Очередин. – Волгоград, 1990. – 82 с.
215. Павлов, Н.Е. Производство по заявлениям, сообщениям о преступлениях : учебное пособие / Н.Е. Павлов. – Волгоград, 1980. – 56 с.
216. Павлов, Н.Е. Возбуждение уголовного производства / Н.Е. Павлов. – М., 1992.
217. Павлов, Н.Е. Рассмотрение криминальной милицией заявлений и сообщений о преступлениях организованных групп и преступных сообществ / Н.Е. Павлов. – М., 1996.
218. Пацевич, В.В. Назначение документальной ревизии по требованию следственных органов / В.В. Пацевич // Вопросы государства и права. – Вып. XII, Саратов, 1965. – С. 178.
219. Петрухин, Л.И. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе / Л.И. Петрухин. – М., 1964. – 266 с.
220. Петрухин, И.Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе / Л.И. Петрухин. – М., 1989. – 252 с.
221. Пешков, М.А. Особенности возбуждения уголовного дела в уголовном процессе США / М.А. Пешков // Следователь. – 1997. – № 2. – С. 76–77.
222. Пидусов, Е.А. Правовые, организационные и тактические основы задержания подозреваемого по делам о незаконном обороте наркотиков : учебное пособие / Е.А. Пидусов ; под ред. д-ра юрид. наук, проф. В.В. Трухачева. – М. : ЦОРК МВД России, 2007. – 128 с.
223. Пидюков, П.П. Отказ в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. / П.П. Пидюков. – Киев, 1990. – 23 с.
224. Письменный, Д.П. Отказ в возбуждении уголовного дела в советском уголовном процессе (по материалам органов МВД УССР) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д.П. Письменный. – Харьков, 1980. – 19 с.
225. Познанский, В.А. К вопросу о возбуждении уголовного дела (по материалам практики) / В.А. Познанский // тезисы докладов науч. конф. – Саратов, 1951. – С. 56 – 59.
226. Полянский, Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса / Н.Н. Полянский. – М., 1956. – 271 с.
227. Попов, А.П. Непосредственное обнаружение признаков преступления как повод к возбуждению уголовного дела : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.П. Попов. – Н.-Новгород, 1999. – 21 с.
228. Потапенко, С. Соблюдать процессуальные права потерпевшего по делам частного обвинения / С. Потапенко // Советская юстиция. – 1985. – № 12. – С. 25 – 28.
229. Похмелкин, В.А. Понятие дознания в советском уголовном процессе / В.А. Похмелкин // уч. Записки Пермского гос. ун-та. Т. 15. Вып. 3. Пермь, 1958. С. 275 – 277.
230. Пошнонас, П.К. Документальная ревизия и ее значение в советском уголовном процессе / П.К. Пошнонас // сб. науч. работ НИИ судебной экспертизы при СМ Литовской ССР. – Вып. 10. – Вильнюс. – 1968. – С. 86 – 99.
231. Прокофьев, Ю.Н. Понятие и сущность документов как доказательств в советском уголовном процессе : учебное пособие / Ю.Н. Прокофьев. – Иркутск, 1978. – 78 с.
232. Прокофьев, Ю.Н. Процессуальная форма документов на стадии возбуждения уголовного дела / Ю.Н. Прокофьев // Проблемы Советского государства и права. Вып. 9–10. Иркутск, 1975. – С. 126.
233. Разник, А. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе // Социалистическая законность / А. Разник. – 1951. – № 2. – С. 35–36.
234. Рассейкин Д.П. Расследование преступлений против жизни. Саратов, 1965. – 186 с.
235. Рахунов, Р.Д. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе / Р.Д. Рахунов. – М., 1954. – 88 с.
236. Рахунов, Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву / Р.Д. Рахунов. – М., 1961. – 277 с.

237. Ремнев, В.И. Законность возбуждения уголовного дела. (Рассмотрение заявлений и сообщений о преступлениях) / В.И. Ремнев, Л.А. Быков, Н.В. Маслов. – М., 1967. – 55 с.
238. Розин, Н.Н. Уголовное судопроизводство : пособие к лекциям / Н.Н. Розин. – изд. 3-е пересм. – Петроград, 1916. – 599 с.
239. Рооп, Х.А. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Х.А. Рооп. – Тарту, 1967. – 19 с.
240. Российское законодательство: проблемы и перспективы. (А.И. Абрамова, С.А. Боголюбов, М.И. Брагинский и др. / Гл. ред. Л.А. Окуньков. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М., 1995. – 457 с.
241. Россинский, Б.В. Новеллы в производстве по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения / Б.В. Россинский // «Законы России: опыт, анализ, практика». – 2007. – № 11 – Система Консультант Плюс: Юридическая пресса. Версия 28.01.2010 г.
242. Руководство для следователей / под общ. ред. В.В. Мозякова. – М., 2005.
243. Рустамов, Х.У. Уголовный процесс. Формы : учебное пособие для вузов / Х.У. Рустамов. – М., 1998. – 304 с.
244. Рыжаков, А.П. Деятельность органов государственного пожарного надзора на стадии возбуждения уголовного дела и первоначальном этапе расследования : учебное пособие / А.П. Рыжаков. М., 1992. – 62 с.
245. Рыжаков, А.П. Возбуждение и отказ в возбуждении уголовного дела. Уголовный процесс на практике / А.П. Рыжаков. – М., 1997. – 248 с.
246. Рязановский, В.А. Единство процесса / В.А. Рязановский. – М., 1996. – 75 с.
247. Савельева, М.В. Криминалистика : учебник / М.В. Савельева, А.Б. Смушкин. – М., 2009.
248. Савицкий, В.М. Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве / В.М. Савицкий. – М., 1975. – 383 с.
249. Савицкий, В.М. Прокурорский надзор за соблюдением законности в деятельности органов дознания и предварительного следствия / В.М. Савицкий. – М., 1959. – 262 с.
250. Садовский, И. Вопросы теории и практики судебных доказательств / И. Садовский, И. Тыричев // Социалистическая законность. – 1963. – № 11. – С. 41 – 47.
251. Салтевский, М.В. Криминалистическая одорология (работа с запаховыми следами) : лекция / М.В. Салтевский. – Киев, 1976. – 47 с.
252. Салтевский, М.В. Использование запаховых следов для раскрытия и расследования преступлений : лекция / М.В. Салтевский. – Киев, 1982. – 52 с.
253. Сальников, В.П. Основы Конституции РФ / В.П. Сальников. – СПб., 1996. – 197 с.
254. Самощенко, И.С. Ответственность по советскому законодательству / И.С. Самощенко, М.Х. Фарушкин. – М., 1971. – 240 с.
255. Самощенко, И.С. Понятие правонарушения по советскому законодательству / И.С. Самощенко. – М., 1963. – 286 с.
256. Сборник нормативных актов по деятельности органов дознания и предварительного следствия / под ред. В.К. Боброва. – М., 1998. – 148 с.
257. Сборник стандартов и норм Организации Объединенных наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. – Нью-Йорк, 1992.
258. Селиванов, Н.А. Первоначальные следственные действия : справочник / Н.А. Селиванов, В.И. Теребилев. – 2-е изд. – М., 1969. – 296 с.
259. Сергеев, Л.А. Ревизия при расследовании преступлений / Л.А. Сергеев. – М., 1969. – 101 с.
260. Сергеев, А.И. Субъекты уголовного процесса : учебное пособие / А.И. Сергеев, А.П. Рыжаков. – Тула, 1996. – 318 с.
261. Сердюков, П.П. Доказательства в стадии возбуждения уголовного дела : учебное пособие / П.П. Сердюков. – Иркутск, 1981. – 86 с.
262. Сереброва, С.П. Проблемы рационализации досудебного производства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С.П. Сереброва. – Н.-Новгород, 1995. – 20 с.
263. Сидоров, В.Е. Начальный этап расследования: организация, взаимодействие, тактика / В.Е. Сидоров. – М., 1992. – 176 с.
264. Следственные действия (процессуальная характеристика, тактические и психологические особенности) : учебное пособие для вузов МВД СССР / А.К. Гаврилов, Ф.В. Глазырин, С.П. Ефимичев и др. – Волгоград, 1984. – 238 с.
265. Смирнов, А.В. Достаточные фактические основания уголовно-процессуальных решений: (Стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Смирнов. – Л., 1984. – 20 с.
266. Смирнов, А.В. Уголовный процесс / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский. – СПб. : Питер, 2005 – 272 с.
267. Смирнов, А.В. Комментарий к УПК РФ. Система-ГАРАНТ. Версия 28.01.2010 г. / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский. – 482 с.
268. Смирнов, Д.В. Основы бухгалтерского учёта и судебно-бухгалтерской экспертизы / Д.В. Смирнов, В.Г. Танасевич. – Л., 1964. – 140 с.
269. Советский уголовный процесс / под ред. С.В. Бородина и И.Д. Перлова. М., 1968.
270. Советский уголовный процесс / И.В. Тыричев, П.А. Лупинская, Ф.Н. Фаткуллин и др. – М., 1980.
271. Советский уголовный процесс / под ред. Н.С. Алексеева, В.З. Лукашевича. – Л., 1989.
272. Советский уголовный процесс. Возбуждение уголовного дела и предварительное расследование : учебное пособие / под общей ред. С.В. Бородина и И.Д. Перлова. – М., 1968. – 304 с.
273. Советский уголовный процесс / под ред. Н.С. Алексеева и В.З. Лукашевича. – Л., 1989. – 469 с.

274. Советский уголовный процесс / И.В. Тыричев, П.А. Лупинская, Ф.Н. Фаткуллин и др. – М., 1980. – 568 с.
275. Соколов, В.Я. Законодательные основы бухгалтерского учёта в России / В.Я. Соколов, М.Л. Пятов. – М., 1998. – 223 с.
276. Соловей, Ю.П. Правовое регулирование деятельности милиции в Российской Федерации / Ю.П. Соловей. – Омск, 1993. – 501 с.
277. Сологуб, Н.М. Расследование хищений в строительстве / Н.М. Сологуб, В.С. Бурданова и др. – Л., 1981.
278. Сологуб, Н.М. Налоговые преступления: методика и тактика расследования / Н.М. Сологуб. – М., 1998. – 165 с.
279. Сорокин, В.Д. Административно-процессуальные отношения / В.Д. Сорокин. – Л., 1968. – 75 с.
280. Сорокин, В.Д. Административно-процессуальное право / В.Д. Сорокин. – М., 1972. – 240 с.
281. Сорокин, В.Д. Метод правового регулирования. Теоретические проблемы / В.Д. Сорокин. – М., 1976. – 142 с.
282. Сорокин, В.Д. Семь лекций по административному праву / В.Д. Сорокин. – СПб., 1998. – 82 с.
283. Спиридонов, Л.И. Теория государства и права : учебник / Л.И. Спиридонов. – М., 1996. – 300 с.
284. Спиридонов, Л.И. Общественные отношения как объект уголовно-правовой охраны : лекция / Л.И. Спиридонов. – М., 1977. – 30 с.
285. Становление судебной власти в обновляющейся России / отв. ред. Б.Н. Топорнин. – М., 1997. – 56 с.
286. Степанов, В.В. Предварительная проверка первичных материалов о преступлениях / В.В. Степанов. – Саратов, 1972. – 142 с.
287. Стрёмовский, В.А. Участники предварительного следствия в советском уголовном процессе / В.А. Стрёмовский. – Ростов н/Д, 1966. – 260 с.
288. Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса / М.С. Строгович. – М., 1958.
289. Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса / М.С. Строгович. – М., 1970. – Т. 2. – 502 с.
290. Строгович, М.С. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности / М.С. Строгович. – М., 1979. – 319 с.
291. Сумин, А. Выявление сокрытия преступлений от учёта / А. Сумин // Законность. – 1998. – № 10. – С. 29–30.
292. Сурков, К.В. Принципы оперативно-розыскной деятельности и их правовое обеспечение в законодательстве, регламентирующем сыск : монография / К.В. Сурков. – СПб., 1996. – 216 с.
293. Таджиев, Х.С. Прокурорский надзор и ведомственный контроль за расследованием преступлений / Х.С. Таджиев. – Ташкент, 1985. – 86 с.
294. Танасевич, В.Г. Ревизия и бухгалтерская экспертиза при расследовании дел о хищениях государственного и общественного имущества : методическое пособие / В.Г. Танасевич. – М., 1958. – 152 с.
295. Тархов, В.А. Ответственность по советскому гражданскому праву / В.А. Тархов. – Саратов, 1973. – 456 с.
296. Теория государства и права : курс лекций / под ред. М.Н. Марченко. – М., 1996. – 475 с.
297. Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть особенная / отв. ред. Н.В. Жогин. – М., 1967. – 415 с.
298. Терегулова, А.А. Правовое положение подозреваемого в уголовном процессе России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Терегулова. – Челябинск, 2008. – 27 с.
299. Терентьев, Д. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе / Д. Терентьев // Социалистическая законность. – 1951. – № 6. – С. 27 – 29.
300. Тетерин, Б.С. О способах собирания доказательств в уголовном процессе / Б.С. Тетерин // Правоведение. – 1964. – № 2. – С. 65 – 69.
301. Тетерин, Б.С., Возбуждение и расследование уголовных дел / Б.С. Тетерин, Е.З. Трошкин. – М., 1997. – 224 с.
302. Токарева, М.Т. Процессуальные сроки при расследовании преступлений / М.Т. Токарева. – М., 1976. – 70 с.
303. Толстой, Ю.К. К теории правоотношений / Ю.К. Толстой. – Л., 1959. – 87 с.
304. Томин, В.Т. Острые углы уголовного судопроизводства / В.Т. Томин. – М., 1991. – 240 с.
305. Тополь, Л.Е. Некоторые аспекты института задержания подозреваемого в советском уголовном процессе // Развитие гражданского, уголовного и процессуального законодательства в советских республиках Прибалтики (1940 – 1975): тезисы докладов республиканской научной конференции (23 – 25 апреля 1975) / Л.Е. Тополь. – Рига, 1975. – С. 82 – 86.
306. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. – М., 2003. – 797 с.
307. Уголовный процесс : учебник для юридических институтов и факультетов / под ред. Н.С. Алексеева, В.З. Лукашевича, П.С. Элькинд. – М., 1972. – 583 с.
308. Уголовно-процессуальные основы деятельности органов внутренних дел : учебное пособие для слушателей Академии МВД СССР / под ред. Б.Т. Безлепкина. – М., 1988. – 180 с.
309. Уголовный процесс : учебное пособие / под ред. П.М. Давыдова и др. – Екатеринбург, 1992. – 311 с.
310. Уголовно-процессуальное право : учебник / под общей ред. П.А. Лупинской. – 2-е изд. – М., 1997. – 591 с.
311. Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации на 3.06.1996. (Сборник нормативных актов) : учебное пособие / сост. П.Н. Бирюков и В.А. Панюшкин. – Воронеж, 1996. – 270 с.
312. Уголовное дело № 1-68–1997 / архив суда Советского района г. Тамбова.
313. Ульянова, Л.Т. О доказывании в стадии возбуждения уголовного дела / Л.Т. Ульянова // Вестник Московского ун-та. Сер. 12. Право. – 1971. – № 3. – С. 28–29.
314. Фаткуллин, Ф.Н. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ф.Н. Фаткуллин. – М., 1959. – 16 с.
315. Фаткуллин, Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания / Ф.Н. Фаткуллин. – 2-е изд. – Казань, 1976. – 206 с.
316. Федоров, В.И. Значение истребования и представления документов для обоснования процессуальных решений по уголовному делу : дис. ... канд. юрид. наук / В.И. Федоров. – Куйбышев, 1990.
317. Федулов, В.И. Расследование и предупреждение хищений почтовых отправлений, совершаемых работниками предприятий связи : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.И. Федулов. – Саратов, 1970. – 20 с.

318. Францифоров, Ю. Производство экспертизы до возбуждения уголовного дела / Ю. Францифоров, В. Николайченко, Н. Громов // Российская юстиция. – 1999. – № 3. – С. 27 – 29.
319. Химичева, Г.П. Рассмотрение милицией заявлений и сообщений о преступлении / Г.П. Химичева. – М., 1997. – 138 с.
320. Цитш, У. Контроль за телефонными разговорами / У. Цитш // Переводы материалов о практике правоохранительных органов зарубежных стран. – М., 1997. – № 3. – С. 8.
321. Чеканов, В.Я. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе : учебное пособие / В.Я. Чеканов. – Саратов, 1958. – 26 с.
322. Чельцов, М.А. Советский уголовный процесс / М.А. Чельцов. – М., 1962. – 504 с.
323. Чельцов-Бебутов, М.А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах / М.А. Чельцов-Бебутов. – СПб., 1995. – 846 с.
324. Чечина, Н.А. Гражданские процессуальные отношения / Н.А. Чечина. – Л., 1962. – 68 с.
325. Чечина, Н.А. Об уголовно-процессуальной и гражданско-процессуальной ответственности / Н.А. Чечина, П.С. Элькинд // Советское государство и право. – 1973. – № 9. – С. 89 – 91.
326. Чувилев, А.А. Институт подозреваемого в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Чувилев. – М., 1968. – 19 с.
327. Шалумов, М. Надзор за следствием, дознанием и оперативно-розыскной деятельностью / М. Шалумов // Законность. – 1998. – № 10. – С. 10 – 12.
328. Шапиро, Л.Г. Использование специальных познаний при расследовании преступных уклонений от уплаты налогов / Л.Г. Шапиро. – Саратов, 2001.
329. Шаргородский, М.Д. О системе советского права / М.Д. Шаргородский, О.С. Иоффе // Советское государство и право. – 1957. – № 6. – С. 104;
330. Шаталов, А.С. Возбуждение уголовного дела : лекция и методические материалы / А.С. Шаталов. – 2-е изд., переработанное и дополненное. – М., 2006. – 137 с.
331. Шейфер, С.А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе : учебное пособие / С.А. Шейфер. – М., 1972. – 130 с.
332. Шейфер, С.А. Собирание доказательств в советском уголовном процессе. Методологические и правовые проблемы / С.А. Шейфер. – Саратов, 1986. – 170 с.
333. Шестакова, С.Д. Проблемы состязательности в российском уголовном процессе : дисс. ... канд. юрид. наук / С.Д. Шестакова. – СПб., 1998. – 184 с.
334. Шимановский, В.В. Законность и обоснованность возбуждения уголовных дел : учебное пособие / В.В. Шимановский. – 2-е изд. – Л., 1987. – 47 с.
335. Шишов, О.Ф. Преступление и административный проступок : учебное пособие / О.Ф. Шишов. – М., 1967. – 68 с.
336. Шифман, М. Дискуссионные вопросы уголовного судопроизводства / М. Шифман // Социалистическая законность. – 1957. – № 7. – С. 13 – 18.
337. Шпилев, В.Н. Участники уголовного процесса / В.Н. Шпилев. – Минск, 1970. – 176 с.
338. Шумилов, А.Ю. Закон и оперативно-розыскная деятельность. Толковый словарь понятий и терминов, используемых в законодательстве в области оперативно-розыскной деятельности / А.Ю. Шумилов. – М., 1996. – 77 с.
339. Шумилов, А.Ю. Новый оперативно-розыскной закон Российской Федерации : учебно-практическое пособие / А.Ю. Шумилов. – 2-е изд. – М., 1997. – 59 с.
340. Шумилов, А.Ю. Проблемы законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности в России : монография / А.Ю. Шумилов. – М., 1997. – 232 с.
341. Шурухнов, Н.Г. Предварительная проверка заявлений и сообщений о преступлениях в стадии возбуждения уголовного дела (Процессуальные и организационные вопросы) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.Г. Шурухнов. – М., 1983. – 22 с.
342. Шурухнов, Н.Г. Предварительная проверка заявлений и сообщений о преступлениях / Н.Г. Шурухнов. – М., 1985. – 60 с.
343. Щерба, С.П. Рассмотрение органами дознания заявлений и сообщений о преступлениях : учебное пособие / С.П. Щерба, Г.П. Химичева, Н.Н. Донковцев, А.А. Чувилев. – М., 1987. – 71 с.
344. Щерба, С.П. Обеспечение прав потерпевших и свидетелей на предварительном следствии : пособие / С.П. Щерба, О.А. Зайцев. – М., 1995. – 89 с.
345. Элькинд, П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права / П.С. Элькинд. – Л., 1963. – 169 с.
346. Элькинд, П.С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права / П.С. Элькинд. – М., 1967. – 192 с.
347. Элькинд, П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве / П.С. Элькинд. – Л., 1976. – 143 с.
348. Юсупов, В.А. Теория административного права / В.А. Юсупов. – М., 1985. – 160 с.
349. Явич, Л.С. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений / Л.С. Явич. – М., 1961. – 70 с.
350. Явич, Л.С. Право и общественные отношения. Основные аспекты содержания и формы советского права / Л.С. Явич. – М., 1971. – 152 с.
351. Явич, Л.С. Советское право – регулятор общественных отношений в СССР / Л.С. Явич. – Сталинабад, 1957. – 61 с.
352. Якимов, И.Н. Криминалистика. Уголовная тактика / И.Н. Якимов. – М., 1929.
353. Якимов, А.Ю. Освидетельствование на состоянии опьянения лица, управляющего транспортным средством (правовые и организационные вопросы) / А.Ю. Якимов // Административное право и процесс. – 2007. № 3.
354. Якуб, М.Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве / М.Л. Якуб. – М., 1981. – 144 с.
355. Якупов, Р.К. Правоприменение в уголовном процессе России. – Р.К. Якупов. – М., 1993. – 193 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВА ПО ПРОВЕРКЕ ЗАЯВЛЕНИЙ И СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ	6
1.1. Правовая природа производства по проверке сообщений о деяниях с признаками преступления	6
1.2. Поводы и основания к возбуждению уголовных дел	17
1.3. Основания отказа в возбуждении уголовного дела	32
1.4. Уголовно-процессуальные правоотношения в стадии возбуждения уголовного дела	44
1.5. Субъекты, правомочные принимать решения в стадии возбуждения уголовного дела	55
Глава 2. МЕТОДЫ ПРОВЕРКИ ПОСТУПИВШИХ ЗАЯВЛЕНИЙ И СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ	68
2.1. Истребование необходимых материалов	68
2.2. Производство документальных проверок и ревизий	77
2.3. Отдельные следственные действия как метод проверки заявлений и сообщений о преступлениях	87
2.4. Проверочные действия, не указанные в УПК РФ	107
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	134
ЛИТЕРАТУРА	138